

Александр Аввакумов

УЛЬМ-43

Александр Леонидович Аввакумов

УЛЬМ – 43

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69273142

SelfPub; 2023

Аннотация

Произведение посвящено борьбе советской контрразведки с немецкой агентурой в годы Великой Отечественной войны. На поле боя все решают танки, это хорошо понимает и Сталин, и Гитлер. Перед немецкой диверсионно-разведывательной группой "УЛЬМ – 43" поставлена задача уничтожить Челябинский танковый завод, выпускающий танки Т-34.

Александр Аввакумов

УЛЬМ – 43

Шел ноябрь 1931 год. Вождь медленно шел по вечерней московской улице. Несмотря на ноябрь месяц, погода в столице была еще достаточно теплой. Весь день шел дождь и лишь к вечеру он прекратился, словно получил команду откуда-то сверху. Спектакль, который он только что посмотрел в Большом театре, ему не очень понравился. Сейчас он жалел одно, что потерял свое время. Во время этих променадов, чуть поодаль от него, следовали сотрудники ОГПУ в штатском, что очень раздражало Иосифа Виссарионовича. Он остановился на минуту и посмотрел по сторонам. Эта остановка Сталина внесла какое-то замешательство сотрудников охраны. Руки их автоматически скользнули в карманы шинелей и плащей. Вождь усмехнулся, он почему-то не слишком доверял своей охране, так как многие сотрудники не имели никакой специальной подготовки и едва ли могли его оградить от недоброжелателей, вздумавших устроить покушение на главу СССР.

Покровский стоял около окна и смотрел на Сталина. Еще совсем недавно он решил посвятить свою жизнь борьбе с этим человеком, который сейчас олицетворял всех тех, кто залил кровью русскую землю, отобрал у него все: веру, царя и отечество. Ему казалось, что если он уничтожит этого

человека, он сможет отомстить советской власти за то, что потерял. Он посмотрел в сторону стоявшего напротив него мужчину. Он был одет в черное демисезонное пальто. Его бледное лицо, плотно сжатые тонкие губы, красивые музыкальные пальца, которые скользили по ткани в поисках пуговиц, говорили о том, что он сильно волнуется.

– Вы готовы, поручик? – спросил его Покровский.

– Да, – произнес он. – Не сомневайтесь, господин Покровский. Я готов.

Он достал из кармана пальто «Наган» и крутанул барабан. Убедившись, что тот полон патронов, улыбнулся. Улыбка получилось какой-то не естественной, вымученной.

– Запомните. Вы стреляете и быстро уходите в сторону переулка. Там вас будет ждать вас автомобиль.

– Вы меня поняли, поручик?

– Так, точно, – тихо произнес он.

– Тогда с Богом. Ваш шаг будет вписан в историю российского государства золотыми буквами.

Мужчина резко развернулся на каблуках полуботинок и направился к лестнице. Покровский проводил его взглядом и, бросив недокуренную папиросу на пол, растер ее носком обуви. Он постоял еще с минуту и, заметив мужчину, шагавшего по улице в сторону Сталина, направился вниз по лестнице.

«Если он в последнюю минуту не струсит, вождю осталось жить считанные минуты», – решил Покровский, выходя из

подъезда дома.

Он осмотрелся по сторонам и, не заметив ничего опасного, направился в сторону переулка, в котором его ожидал автомобиль. Он не спешил к машине, так как хорошо понимал, что тот, который должен убить Сталина, все равно не успеет воспользоваться этим транспортом. Олег Андреевич, шагая по переулку, молил Бога, чтобы стрелок не струсил и выполнил свою миссию.

«Почему нет выстрелов? – размышлял он. – Что случилось?»

Иосиф Виссарионович поравнялся со зданием Гостиного двора, когда увидел, что ему навстречу движется мужчина, рука, которого пыталась что-то достать из кармана демисезонного пальто. О том, что этот мужчина хочет его убить, он даже не думал. Один из сотрудников охраны вождя, бросился на него. Они оба повалились на брусчатку, и между ними завязалась борьба. На помощь сотруднику ОГПУ бросились еще несколько человек. Им удалось скрутить террориста и надеть на его руки наручники.

Сталин прошел мимо них, словно ничего не замечая. Что в эти минуты переживал, глава СССР, никто не знал. Вождь никогда и никому не рассказывал об этом случае. Иосифа Виссарионовича в этот вечер спасло лишь чуда. Поручик не мог достать свой «Наган», курок которого зацепился за карман пальто.

Не услышав звуков выстрелов, Покровский, резко открыл

дверцу автомобиля и сел на заднее сиденье.

В этот момент, Олег Андреевич, понял, что тщательно разработанная им операция по убийству Сталина, провалилась. Он тронул водителя за плечо и машина тронулась. Выехав из переулка, она помчалась в сторону Казанского вокзала. Машина остановилась и он, прихватив небольшой дорожный саквояж, быстро растворился в людской массе прибывающих и отъезжающих пассажиров.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Заканчивался апрель 1940 года. Скорый поезд Москва-Киев. Все реже и реже постукивали на стыках рельсов колеса состава. Поезд, сбрасывая скорость, как бы нехотя приближался к конечной станции своего следования. За окном вагона замелькали пригородные поселки, утопающие в белоснежном цветении садов. Воздух был наполнен запахами полевых цветов, смешанных с гарью сожженного каменного угля, который видимым шлейфом тянулся за дымящим паровозом. Пассажиры мягкого купейного вагона готовились покинуть вагон: кто-то укладывал в чемоданы уже не нужные дорожные вещи, кто-то смотрел в окно вагона, надеясь заметить на перроне встречающих их родных и близких. Все чаще и чаще попадались железнодорожные станции, длинные колонны машин стоявших у опущенных шлагбаумов в ожидании мчавшегося в Киев поезда.

—Уважаемые пассажиры! Через двадцать минут наш по-

езд прибывает в столицу Советской Украины, город Киев, – стараясь перекричать шум пассажиров вагона, громко произнес проводник, проходя по коридору. – Прошу всех приготовиться к выходу. Не забывайте свои вещи. Спасибо за поездку.

В тамбуре, запыленного и раскаленного палящим солнцем вагона, стояли изнывающие от духоты и жажды пассажиры. Неожиданно для всех, паровоз протяжно засвистел, и состав, дергаясь, словно, в конвульсиях, стал тормозить. Пассажиры, чтобы не упасть, стали хвататься друг за друга, образовав большую живую пробку из разгоряченных потных тел. Из тамбура раздались крики боли и грубая матерная брань. Наконец, паровоз еще несколько раз резко дернулся и, лязгнув металлическими буферами, остановился, издав протяжный гудок, напоминающий крик умирающего металлического зверя.

– Почему остановились? – неслись по вагону безответные вопросы. – Что случилось? Как долго будем стоять? Когда тронемся?

Проводник, в черном кители и фуражке, с кокардой из скрещенного молотка и циркуля, беспомощно разводил руками, давая понять пассажирам, что ему не известна причина остановки состава.

– Ничего не могу сказать, – бубнил себе под нос, проходя по узкому заставленному чемоданами проходу. – Не волнуйтесь, товарищи, скоро состав тронется.

В купе под номером три, вошел мужчина средних лет и громко возмущаясь, присел на край сиденья. Он достал из кармана белых парусиновых брюк большой клетчатый носовой платок и, сняв с головы соломенную шляпу, вытер им лоб и шею. Он посмотрел на пассажиров купе, ища у них каких-то слова сочувствия.

– Безобразие! – возмущенно произнес он. – Сущее безобразие! Вы только представьте себе, я опаздываю на деловую встречу, а им, похоже, все равно. Я его спрашиваю, почему мы остановились, а он пожимает плечами. Кто об этом должен знать, я или проводник вагона?

– Успокойтесь, Арнольд Василевич, – произнес мужчина средних лет, в белой тенниске. – К сожалению, проводники не несут ответственность за прибытие состава. Если состав остановили, значит так нужно.

– Что значит, так нужно? Объясните мне, кому это нужно? Извините, но я не понимаю вас!

– Вы знаете, а мне все равно, понимаете вы меня или нет. Я в отличие от вас никуда не спешу. Думаю, ничего страшного не произойдет, если вы задержитесь в дороге на часок. Это веская причина опоздания.

– Боже, мой, что вы говорите! – произнес Арнольд Василевич и снова вытер вспотевшее лицо, платком.

Мужчина взглянул на молодую женщину и улыбнулся ей. Его явно веселил этот мужчина с большим «пивным» животиком, буквально тающий на их глазах от жары и духоты.

– Вы позволите, мне достать мне свои вещи? – произнес мужчина, обращаясь к симпатичной попутчице. – Я мигом....

– Да, конечно, – ответила женщина и, отложив в сторону томик стихов, поднялась полки.

Попутчик стал с места, достал свой небольшой дорожный саквояж, а затем открыл вагонное окно. Поток жаркого воздуха буквально ворвался в купе. Заметив недовольство в глазах женщины, он плотно закрыл окно обратно.

– Так лучше? Жара! – произнес он, обращаясь к женщине. – Конец апреля, а так жарко...

***

Состав стоял у небольшого полустанка с романтичным названием – «Сиреневый хутор». Из вагонов стали выходить пассажиры, которые словно по какой-то только им понятной команде, устроили стихийный перекур.

– Что там? – спросила женщина мужчину, когда тот вернулся в купе. – Что там видно?

Мужчина сел на полку и посмотрел на Арнольда Васильевича.

– Стоим на полустанке «Сиреневый хутор», – ответил он женщине. – А вы, уважаемый, прекратите возмущаться, все бубните и бубните, надоело слушать вас. Вы же хорошо знаете, что мы ничем не можем вам помочь.

– Меня не нужно успокаивать! – раздраженно ответил

он. – У меня концерт в 20 -00 и я не могу его сорвать. Меня ждут зрители.

Арнольд Васильевич был небольшого роста. Его редющие от возраста волосы были зачесаны назад, но, несмотря на это, было отчетливо видно, что он изрядно лысоват. Он, вот уже несколько последних лет, работал артистом оригинального жанра при московской филармонии и ехал на организованные организацией гастроли.

Мужчина улыбнулся и посмотрел на женщину, которая рассматривала свое лицо в небольшое круглое зеркальце.

– Извините меня, а вас кто-то ждет? – обратился он, к женщине. – Вот меня никто не ждет. Я просто еду к своим друзьям, которых давно не видел. Они даже и не подозревают, что я еду. Люблю делать людям сюрпризы.

Женщина улыбнулась и посмотрела на мужчину. Ей было около двадцати пяти-двадцати семи лет и, судя по обручальному кольцу на пальце, была замужем. У нее были пышные красивые волосы, большие выразительные глаза, высокая грудь, красивая фигура и длинные ноги, что, несомненно, невольно приковывало взгляды мужчин. В какой-то миг, мужчина понял, что он нравится этой красивой женщине и сейчас, настал именно тот миг, когда нужно было форсировать события.

Олегу Андреевичу Покровскому было чуть больше сорока, его белая тенниска, расстегнутая на груди, выигрышно подчеркивала его складную спортивную фигуру. Легкий за-

гар на мужественном лице мужчины, изумрудного цвета глаза, сильные руки... Он был похож на тех спортсменов, что так любили изображать на плакатах художники того времени. Он улыбнулся женщине, обнажив красивые ровные белоснежные зубы.

– Меня тоже в этом городе никто не ждет, – ответила женщина. – Перед отъездом в Киев, я отправила подруге телеграмму о приезде, но, к моему великому сожалению, ответа так и не последовало. Даже, не знаю, что думать. Время сейчас такое, все может быть...

– Вы на что намекаете? – тихо спросил ее Арнольд Васильевич. – Прекратите, провокационные разговоры.

– Если вам страшно, товарищ артист, сидели бы дома, – с ухмылкой на лице, произнес Олег Андреевич.

Он снова улыбнулся. Словно, поддержав его реплику, она тоже улыбнулась ему в ответ.

– Я все время Верочка вспоминал, где я вас мог видеть раньше? У вас такая яркая внешность, улыбка, которую трудно забыть. Вы случайно не артистка?

Яркий румянец расплылся по лицу женщины, сделав ее лицо еще более привлекательной.

– Да, бросьте вы, Олег Андреевич, смешить меня. Какая я артистка? Я женщина скромная домашняя, работаю в закрытом институте, никуда особо не хожу. Так что ошибаетесь вы, это точно. Однако, мне тоже кажется, что где-то мы встречались.

Она улыбнулась собеседнику и, снова отложив в сторону книгу, стала смотреть в окно вагона. Мимо окна пробежал проводник и в этот момент железнодорожный состав дернулся и поезд, громко засвистев в гудок, тронулся и стал набирать скорость.

***

В купе, широко раскрыв дверь, улыбаясь, вошел молодой человек, это был четвертый их сосед по купе. На нем была белая спортивная майка, светлые льняные брюки и парусиновые полуботинки. Он лихо поставил на столик четыре бутылки фруктовой воды и, улыбнувшись соседям, сел рядом с артистом.

– Прошу! Это для вас! – выпалил он и одарил всех своей обворожительной улыбкой. – Угощайтесь, товарищи! Вода холодная....

– Как это вы для нас? – с изумлением спросила его Вера. – Спасибо. Вот не ожидала такого внимания. А, если бы, не успели вернуться? Разве так можно рисковать?

Парень громко и задорно рассмеялся.

– Я быстро бегаяю, – ответил он. – Меня даже милиция поймать не может! Ловит, ловит, а поймать не может.

Все засмеялись над его шуткой.

– Это вы, в каком смысле? – спросила его Вера. – А, вы вдобавок, еще и шутник.

– В самом прямом. Я вижу, мучаетесь вы от жары, а вый-

ти боитесь. Все думаете, как бы, не отстать от поезда. Ну, и я... – молодой человек не закончил фразу и смутился под благодарным взглядом женщины.

– Вы просто прелесть и душка! – восторженно произнес Арнольд Васильевич. – Совершенно незнакомый человек и так любезен. Похоже, вы в детстве получили хорошее воспитание молодой человек.

Артист назидательно поднял пухлый палец и продолжил: – Вот скажите мне, в чем собственно, заключается основная черта воспитанности? Что молчите? А, в том, чтобы приносить человеку ощущение приятности и удовлетворенности. Вот я выступаю с концертом, приношу радость всем, кто меня смотрит и слушает.

Арнольд Васильевич посмотрел на Веру, словно ожидая от нее слов понимания и восхищения. Однако, женщина, молча, взяла в руки книжку и стала читать.

– Кто же из нас этого заслуживает? – спросил Арнольда Васильевича, молчавший до этого Олег Андреевич. – Вы, я или Вера?

Девушка оторвалась от книги и с интересом посмотрела на мужчин.

– Каждый, кто не пытается доказать обратного, молодой человек, – бойко ответил артист и, взяв в руки бутылку, налил себе в стакан лимонной воды.

Олег Андреевич поднялся с полки и вышел из купе. Молодой человек подсел поближе к Вере.

– Скажите, вам не надоело читать? – обратился он к женщине. – Все читаете и читаете. Здесь мужчины, словно павлины, распустили перед вами хвосты, а вы этого даже не замечаете.... Наверное, вы привыкли к вниманию мужчин и поэтому, вам это привычно.

От этой реплики у женщины на щеках заиграл небольшой румянец.

– Вот мы с вами едим третьи сутки, а вы даже не представились нам, – ответила с укором женщина. – Вот вам и образец воспитанности или я неправа? Мы до сих пор так и не знаем, кто вы и чем занимаетесь?

– А, зачем вам мое имя? – с улыбкой спросил ее молодой человек. – У меня много имен. Одно, мне дали при крещении, другим наградили меня друзья и товарищи, а в милиции я значусь под другим именем. Какое, из них вас больше интересует? Да и профиль моей деятельности ничего вам не скажет....

Молодой человек засмеялся, заметив расширенные от удивления глаза женщины. Он поднялся с места и вышел из купе. Арнольд Васильевич посмотрел на Веру, по всей вероятности, ожидая от нее какой-то реакции на ответ молодого человека.

– Надо же, человек-загадка. У меня много имен..., – процитировал он слова молодого человека. – А, казался, вполне воспитанным человеком. Да, внешность человека и обаяние, часто бывают обманчивыми. Вот мне приходилось знать ко-

гда-то маршала Тухачевского. Какая статья, ну прямо – живой Бонапарт, а надо же, оказался врагом народа, кто мог подумать.

Вера промолчала и, сунув книгу в сумку, стала собирать свои вещи. Поезд замедлил свой бег и протяжно засвистел.

– Подъезжаем! – произнес Олег Андреевич, выходя из купе. – А где, наш молодой «пострел»?

Он обвел взглядом сидевших в купе людей. Арнольд Васильевич пожал плечами, давая понять Олегу Андреевичу, что он не знает, куда вновь исчез их сосед.

– О чем он только думает? А, как же быть с его саквояжем?

Он рукой указал на небольшой чемоданчик, что стоял полу.

– Я думаю, что вам не стоит беспокоиться о нем. Да и зачем он вам? – спросил его Арнольд Васильевич. – Вы думаете, что там он хранит какие-то ценности? А, я так не думаю....

Олег Андреевич промолчал и стал собирать свои вещи. Неожиданно он замер и стал хлопать ладонями по карманам своих брюк, а затем пиджака, что весел на крючке в купе.

– Простите меня, товарищи! Вы случайно не видели мой бумажник? Где же мои документы, деньги? Я же не мог их потерять? Я хорошо помню, что после вчерашнего ужина в ресторане, я положил его в карман, – произнес он, продолжая шарить рукой по карманам пиджака.

Эти слова заставили пассажиров купе проверять наличие своих документов и ценностей.

– Ой, мамочка! У меня тоже пропали деньги и документы! – обреченно произнесла Вера. – Они были в моей сумочке. Как же так! Как без денег и документов в чужом городе?

– Это какое-то форменное безобразие! У меня тоже пропали деньги! – воскликнул, возмущаясь, Арнольд Васильевич. – Нужно срочно сообщить о краже проводнику вагона! Какое безобразие!

Поезд несколько раз дернулся. За окном показалось здание киевского вокзала.

***

Привокзальная площадь Киева была полна народа. Кто-то приезжал, кто-то наоборот, покидал столицу Советской Украины. Было очень жарко и душно. Отдел милиции на станции Киев размещался в старом двухэтажном здании дореволюционной постройки. Ранее в этом здании размещалось отделение царской полиции, поэтому после революции местные власти поменяли лишь вывеску. Дежурное помещение отделения было не очень большим и сейчас, в нем собралось около десятка человек, не считая самого дежурного и его помощника. Сотрудник милиции то и дело доставал носовой платок из форменных галифе и вытирал им вспотевший лоб.

– Тихо! Тихо, граждане! Не все сразу! – чуть не с моль-

бой в голосе, произнес молоденький лейтенант милиции. – Не беспокойтесь, всех примем. Всем, чем сможем, поможем. Давайте, будем придерживаться очередности...

Он снова достал платок и вытер им вспотевший лоб.

– Разрешите, мне первому, я очень тороплюсь! – расталкивая всех локтями, к барьеру, отделяющему сотрудника дежурной части от граждан, пробрался Арнольд Васильевич.

– А, почему вы первый? Мы все здесь равны! – произнес крупный мужчина, стараясь своим животом оттеснить в сторону артиста.

Арнольд Васильевич смерил взглядом мужчину, словно пытаясь испепелить его своими выпуклыми глазами. Со стороны могло показаться, что еще одно слово, и они вцепятся друг в друга мертвой хваткой. В помещении явно назревал скандал.

– Успокойтесь товарищи! Уважайте же других граждан! – громко произнес лейтенант милиции. – Прошу не устраивать здесь базар!

Он отложил в сторону ручку и посмотрел на Арнольда Васильевича, лицо которого заливал пот.

– Я слушаю вас, гражданин? – произнес милиционер, взяв в руки паспорт артиста. – Что у вас случилось?

Арнольд Васильевич стал быстро, но довольно сбивчиво рассказывать ему о том, что неизвестный ему преступник похитил у него кошелек с деньгами, который находился у него в кармане пиджака.

– Где это произошло? – задал ему вопрос офицер милиции.

– Где, где! Что за глупый вопрос? Конечно в поезде! Найдите, этого человека! Он очень опасный преступник! – в заключении произнес артист и глубоко вздохнув, вытер лицо платком.

Со стороны казалось, что вместе с его тирадой, из него полностью вышел воздух. Плечи артиста опустились вниз, и он стал чуть меньше ростом. Дежурный офицер заполнил протокол и, сунув ему в руки ручку, попросил прочитать и подписаться под своими показаниями.

– Вот здесь, – произнес он и ткнул пальцем. – И еще, вот здесь и здесь.

– Это обязательно? – переспросил артист лейтенанта. – Боже мой, кругом такая бюрократия! Вместо того, чтобы искать этого преступника, вы заставляете меня подписывать какие-то бумаги!

– Да, вы наконец замолчите или нет?, – ответил офицер, пропустив мимо своих ушей, слова Арнольда Васильевича. – Подписывайтесь гражданин, не задерживайте очередь. Разве не видите, какая здесь толкучка.

Арнольд Васильевич, не читая, быстро поставил свою подпись и, схватив свой баул, стоявший у него в ногах, вышел из дежурной части. Лейтенант на миг оторвал свой взгляд от протокола и посмотрел на Веру.

– А вы, гражданка, готовы? – обратился к ней офицер и

улыбнулся. – Сколько у вас пропало денег?

По щекам женщины пробежал едва заметный румянец. Она посмотрела на стоявшего рядом с ней Олега Андреевича, словно ища у него поддержки. Тот улыбнулся ей.

– Смелее, Вера, – произнес мужчина. – Говорите же....

Женщина назвала сумму похищенных денег и перечень документов.

– Опишите приметы этого молодого человека, его особые приметы, – обратился к ней сотрудник милиции. – Вы же больше общались с ним, чем с другими соседями по купе.

Женщина улыбнулась и стала рассказывать. Олег Андреевич стоял в стороне и внимательно наблюдал за ней. Он, невольно, отметил про себя, что, несмотря на ее внешнюю беспечность, Вера оказалась очень внимательным человеком. Она заметила то, на, что не обратили внимания ее соседи по купе. Наконец женщина закончила и, достав из сумочки платочек, смахнула им капельки пота, что выступили на ее лбу.

– Скажите, вы могли опознать преступника? – спросил ее дежурный офицер.

– Безусловно, – произнесла Вера. – У меня очень хорошая зрительная память.

– Вот посмотрите, пожалуйста, – произнес дежурный и протянул ей несколько фотографий. – Может, кто-то из этих людей вам знаком?

Женщина взяла в руки фотографии и моментально указа-

ла на одну из них.

– Вот он, наш попутчик, – произнесла она. – Олег Андреевич, вы узнаете этого человека?

Мужчина кивнул.

– Все ясно, гражданочка. Это известный нам вор, Яшка, по кличке «Замок». Его разыскивает вся милиция нашей страны.

– Значит, вы его хорошо знаете, товарищ лейтенант? Тогда почему вы его не задерживаете? Сколько он еще будет «кататься» по стране и воровать? Я уверена, что он вышел из поезда в Киеве и сейчас, наверняка, сидит где-то в ресторане и пропивает наши деньги.

Лейтенант усмехнулся. Он отложил в сторону заявление Веры и посмотрел на нее. Напор женщины, словно, обезоружил его.

– Задержим, гражданочка, будьте уверены. Сколько веревочке не виться, а кончик найдется. Скажите, с какой целью вы прибыли в Киев? – поинтересовался у нее лейтенант. – Вам есть, где остановиться, переночевать?

Вопрос был поставлен так прямо и бесцеремонно, что женщина смутилась.

– Я приехала в Киев навестить свою давнюю подругу детства, – ответила Вера. – Разрешите мне позвонить ей по телефону, ведь я не могу это сделать из телефона-автомата из-за отсутствия денег?

Лейтенант пододвинул к ней телефон и посмотрел на Оле-

га Андреевича. Женщина набрала номер и стала ждать ответ.

– Не берет... – разочарованно произнесла она. – Даже не знаю, как мне быть дальше. В чужом городе, без документов и денег. Хоть ночуй у вас в дежурке.

– Вера! Я могу вам помочь. В городе у меня много хороших и верных друзей, которые с удовольствием окажут вам помощь. Подождите меня, я сейчас только дам показания...

Женщина с благодарностью посмотрела на мужчину.

– Хорошо, Олег Андреевич. Вы, сейчас, у меня настоящая палочка-выручалочка. Я подожду вас на улице, – ответила Вера и вышла на улицу.

***

Олег Андреевич вышел из здания милиции и посмотрел по сторонам. Заметив сидевшую на чемодане Веру, он направился к ней.

– Ну, вот и все. Наверное, вы устали меня ждать? – поинтересовался он у Веры. – Простите меня. А, сейчас, я вас приглашаю поехать к моим друзьям. Думаю, они будут рады оказать помощь такой красивой женщине.

Щеки Веры вспыхнули, и по ним разлился румянец. Глядя на лицо молодой женщины, Олег Андреевич понял, что ей нравятся его комплементы. Он подхватил ее чемодан и посмотрел на нее.

– Ну, что? Пошли, Вера, – произнес он.

Он направился в сторону выхода с вокзала. Рядом с ним,

стараясь не отставать, шагала женщина.

– Олег Андреевич, а удобно ли это? Что они могут подумать обо мне? Да и вы ведь меня практически не знаете? А, вдруг я какая-нибудь аферистка?

Он остановился и укоризненно посмотрел на нее.

– Прекратите, Вера. Я просто не могу оставить вас без денег и помощи в чужом для вас городе. Отбросьте все стеснения, может, и вы когда-нибудь поможете человеку, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации. Кстати, скажите мне, вот эта кража ваших документов, не скажется ли отрицательно на вашей трудовой деятельности. Ведь никто не знает, в какие руки они могли попасть? Мало ли какие люди ими могут воспользоваться? А вдруг, они враги государства?

От его внимательного взгляда не ускользнуло, что женщина вздрогнула.

«Может не стоит ее накручивать? – подумал Олег Андреевич. Она и так напугана и лишь пытается держать себя в руках. Если я ей еще что-то скажу подобное, она явно заплачет»

Она испугано посмотрела на него, словно ожидая от него какой-то реальной помощи.

– Вы знаете, Олег Андреевич, я как-то об этом не подумала. Что вы мне посоветуете? Конечно, в институт они по моим документам пройти не смогут, меня там знают.... Простите меня, но я как-то об этом не подумала.

Они остановились на перекрестке, ожидая зеленого сиг-

нала светофора для них.

– Не знаю, дорогая. Я человек далекий от всех этих секретов, что вы разрабатываете в своих закрытых институтах. Да и не хотел я вас пугать, просто спросил.

Он взял девушку под руку, и они, перейдя дорогу, направились вдоль улицы.

– Вера! Вы знаете, что я вспомнил, где видел вас? Я с вами встречался на даче генерала Стеблева. Это было три года назад, вы тогда были еще совсем молоденькой девушкой. Кстати, как дела у вашего дяди? Он жив?

По лицу девушки пробежала едва заметная тень, то ли боли, то ли страха. Она с испугом посмотрела на Олега Андреевича и, понизив голос чуть ли не шепота, произнесла:

– А, вы разве не знаете, что дядя в декабре тридцать девятого года был уволен из Красной армии, а в январе этого года, его арестовали? Как нам тогда сказали, он был арестован за участие в военном заговоре против товарища Сталина. Я, маршала Тухачевского, Уборевича и других командиров Красной армии, сама никогда не видела. Однако, со слов дяди, они вместе когда-то служили в императорской армии, а затем связали свою судьбу с Красной армии.

– Вон оно, что? А я то, не знал этого, – тихо произнес Олег Андреевич. – Прости меня, Вера, я не знал этого. Я долгое время находился в служебной командировке за границей и многое, что творилось здесь, прошло как-то мимо меня. Скажите, как этот арест сказался на вашей жизни? Как

вам удалось поступить в этот секретный институт? Неужели, чекисты не проверяли вас?

– Почему же не проверяли? Проверяли, наверняка, но мне помог туда устроиться один хороший человек. Я не знаю, что он там сделал, но меня приняли, ведь фамилия моя, как и у мамы – Корнилова. А, я вас, Олег Андреевич, почему-то не помню, хотя у меня очень хорошая память на лица. Наверное, вы правы, тогда я была совсем легкомысленной и не присматривалась к гостям, которых в доме дяди всегда было много. Он любил гостей и был хлебосолен.

– Извините, Вера. Вы правы, там было много мужчин, и я был один из них... Может, вспомните, я в тот теплый летний вечер пел романсы. Вы хоть это помните?

– Вы меня простите, но я и этого не помню. Хотя в прочем, я помню, что кто-то из гостей исполнял цыганские романсы. Неужели это были вы, Олег Андреевич?

– Что вы, Вера! Не стоит просить прощение, мы были тогда так молоды, что это и не удивительно. Сейчас, мы с вами зайдем в гостиницу «Киев», там работает мой хороший знакомый. Мы с ним вместе воевали, били белых и махновцев. Думаю, что он не откажет в приюте такой симпатичной женщине.

Они свернули за угол здания и вошли в вестибюль гостиницы. Разгоряченное жарой тело Веры моментально ощутило прохладу, которая словно ласковое покрывало укрыло ее с ног до головы. В фойе гостинице было прохладно и доволь-

но безлюдно. Несколько человек стояли в очереди к окошку администратора в надежде приобрести здесь временное пристанище. Поймав на себе взгляд девушки, Олег Андреевич, улыбнулся ей.

– Вера! Вы посидите вот здесь, а я отлучусь ненадолго, – произнес он. – Не скучайте, я быстро...

Женщина села на диван и осмотревшись по сторонам, достала из сумочки книгу. Олег Андреевич отсутствовал не так долго. Вскоре он появился в вестибюле в сопровождении молодого мужчины, кавказкой внешности.

– Вера! Сейчас молодой человек проводит вас в номер. Отдыхайте, вечером я зайду к вам.

По лицу Корниловой пробежала едва заметная улыбка. Она положила книгу в сумку.

– Как же я с вами рассчитаюсь, Олег Андреевич? У меня же нет денег....

– Ничего, Вера. Вот вернет вам милиция документы, тогда и поговорим. А, сейчас, позвольте откланяться, дела.

Он протянул ей руку.

– До свидания, Олег Андреевич. Спасибо, вам...

Мужчина развернулся и направился к выходу. Молодой человек подхватил чемодан девушки, и они направились в номер.

– Вот ваша комната, – произнес он и поставил чемодан на пол. – Отдыхайте.

Молодой человек развернулся и вышел из номера, оста-

вив женщину одну в этом большом номере.

***

Олег Андреевич не торопливо шел по улице. Он иногда останавливался, оглядывался, словно пытаясь отыскать глазами кого-то среди спешивших по своим делам пешеходов. Убедившись в отсутствии слежки, он вошел в пивную и уверенным шагом прошел в дальний конец зала, где за столом сидел молодой человек. Перед парнем стояла кружка «Жигулевского» пива и лежала початая пачка папирос. В пивной царил полумрак, пахло пивом и рыбой. Табачный дым, словно облако висело над головами клиентов пивной. Заметив вошедшего в зал Олега Андреевича, молодой человек загасил папиросу и приподнялся из-за стола. Он приветливо махнул ему рукой и улыбнулся своей белозубой улыбкой.

– Сиди, сиди, «Замок». Как дела? – спросил его в полголоса Олег Андреевич. – Надеюсь, документы при тебе?

Тот кивнул и молча, протянул ему конверт, в котором находились похищенные им документы женщины и артиста.

– Деньги можешь оставить себе, – произнес мужчина, – а вот документы сбрось где-нибудь около вокзала. Лучше, если ты их оставишь рядом с отделом милиции. Не буду тебя учить, ты и так все хорошо знаешь. Закажи мне кружку пива, а я пока почитаю...

Молодой человек встал из-за стола и направился к буфетчице. Олег Андреевич открыл паспорт.

– Корнилова Вера Федоровна, 1917 года рождения, уроженка города Москвы, – прочитал он вслух.

«Неужели в цвет? Надо же, как все хорошо складывается», – подумал Олег Андреевич, продолжая листать паспорт.

Он посмотрел на мужчину, который сидел за соседским столом и о чем-то спорил с товарищем. Заметив не дружественный взгляд Олега Андреевича, они замолкли. Покровский снова перевел свой взгляд на документ.

«И, так, прописана: город Москва, Никитский переулок, дом 4, квартира 6, – читал он про себя, бросая свой взгляд, на продолжающий спор мужчин. – А, это что? Интересно, что в конверте? Почему письмо отправлено нарочным, а не по почте?»

Он осторожно вскрыл пакет. В конверте лежала небольшая записка, написанная мелким красивым убористым подчерком:

«Зиночка! Не верь тому, что говорят о нас. Мы с Львом Давыдовичем никогда не были «врагами народа». Придет время и с нас непременно снимут клеймо предателей. Не верь людям! Сейчас, в стране стало много таких, кто живет за счет доносов и человеческой боли. Я по-прежнему глубоко благодарна генералу Жеглову, который помог мне в трудную минуту. Он хороший и честный человек. Береги себя и Веру. Твоя тетя».

Олег Андреевич свернул записку и положил ее в конверт. Он аккуратно заклеил его и сунул в паспорт.

«Выходит Корнилова хорошо знает генерала Жеглова, начальника оперативного отдела штаба Западного военного округа, – подумал он. – Необходимо воспользоваться этим знакомством. Нужно срочно сообщить об этом в Центр».

От этих размышлений его оторвал, подошедший к столу «Замок». Он аккуратно поставил перед Олегом Андреевичем кружку пива и два бутерброда с черной икрой.

– Вот, как вы просили, – произнес он и присел за стол. – Какие-то вопросы?

Молодой человек достал из пачки папиросу и закурил.

– Брось дымить «Замок»! Ты же знаешь, что я не переносю табачного дыма! – со злостью произнес Олег Андреевич. – Слушай меня внимательно. Сбросишь на вокзале, недалеко от милиции документы, а сам в Москву. Проверишь указанный здесь адрес. Это срочно. Смотри, не наследди в квартире.

– Все понял...

– Жду телеграмму, – тихо произнес Олег Андреевич и, сделав глоток пива, направился к выходу.

Когда за ним закрылась дверь, «Замок» сплюнул на пол и растер плевков носком ботинка.

– Сволочь, белая! – тихо произнес он и бросил недокуренную им папиросу в кружку пива, которую он принес для Покровского.

***

Осмотрев все подсобные помещения номера, Вера подошла к телефону. Она присела на пуфик и набрала номер. В трубке послышались долгие однотонные гудки. Она положила трубку и, не снимая платья, повалилась на кровать.

«Почему никто не отвечает? – размышляла она. – Неужели что-то пошло не так?»

Легкая усталость незаметно сморила ее. Книга выпала из ее руки и она заснула. Женщину разбудил легкий стук в дверь. Она испуганно вскочила на ноги и стала поправлять волосы на голове.

– Подождите минутку, – выкрикнула она и, достав из сумочки губную помаду, стала быстро приводить свое лицо в порядок.

Подбежав к двери, она повернула ключ и открыла дверь. Перед ней стоял Олег Андреевич. Женщина мельком взглянула на часы, которые висели на стене.

«Боже мой! – подумала она. – Я проспала целых три часа».

Мужчина окинул ее оценивающим взглядом.

«Боже мой! Как долго я проспала!», – подумала она.

От его пристального и оценивающего ее взгляда, на лице женщины проступил яркий румянец.

– Вы что так на меня смотрите? Мне как-то не совсем уютно от вашего взгляда.

– Простите меня. Я просто люблюсь вами. Вот зашел, чтобы пригласить вас в ресторан. Думаю, что вы проголодались, – произнес мужчина. – Вы готовы отужинать со мной?

Выступивший на ее лице румянец, сделал ее лицо Веры еще более привлекательным. Она кокетливо коснулась рукой своих волос и тихо произнесла:

– Вы знаете, Олег Андреевич, я в полной растерянности. Чем я вам обязана таким вниманием? Да я с вами никогда не расплачусь за такое гостеприимство. Поймите меня, мне просто неудобно оттого, что я создаю вам массу проблем.

– Вера! Ваш дядюшка сделал для меня много хорошего в этой жизни, и я бы хотел отплатить тем же его племяннице. Давайте, я вас подожду внизу, пока вы переоденетесь.

Мужчина повернулся и вышел из номера, оставив женщину одну. Корнилова быстро привела себя в порядок и, переодевшись в темно-зеленое платье, спустилась вниз. Свернув в сторону от стойки администратора, она увидела Покровского, который ожидал ее у входа в ресторан. Несмотря на переполненный зал, Олег Андреевич быстро отыскал свободный столик. Судя по тому, как он легко ориентировался в этом большом зале, она поняла, что он заказал этот столик еще днем. Поймав на себе женский взгляд, он улыбнулся Вере.

– Не удивляйтесь, милая, я еще в обед заказал для нас столик, – ответил на ее удивленный взгляд, Олег Андреевич. – Здесь всегда много народу, здесь хорошая кухня, а по вечерам здесь иногда поет Петр Лещенко.

Покровский отодвинул стул, приглашая ее присесть за богато сервированный стол.

«Какое странное обращение «милая»? – подумала Вера. – Однако, стоит ли на это обращать внимание? Думаю, что не стоит».

Они еще не успели присесть за стол, как моментально, около них оказался официант. Этот молодой человек в черных брюках и белом сюртуке, очень смахивал на лакея, которых так часто показывали в кино. Он, молча, протянул им два меню и застыл, в ожидании заказа.

– Что изволите? – спросил он Веру.

– Олег Андреевич, я плохо разбираюсь в тонкостях кухни и полагаюсь на ваш вкус. Я, больше привыкла к домашней пище, которую люблю, так готовлю ее сама.

Мужчина улыбнулся. Он быстро перечислил ряд блюд и попросил официанта, чтобы тот принес им шампанское. Корнилова хотела сказать Олегу Андреевичу, что она не пьет спиртного, но вовремя остановила себя, так как заказ уже был сделан. Покровский положил свою руку на ее кисть. Это было так неожиданно для нее, что она вздрогнула.

– Вера! Скажите, после ареста вашего дяди к вам кто-то приходил из его старых друзей по армии, ведь раньше их у него было много? Я не думаю, что все они отвернулись от вас?

Лицо женщины вспыхнуло. Вопрос о генерале явно застал ее врасплох.

– Почему вы меня спрашиваете об этом? Если вам это интересно, то я могу сказать честно. После ареста дяди, мы с

тетушкой остались одни. Многие наши знакомые при встрече с нами стали переходить на другую сторону улицы, другие, молча, опускали голову, делая вид, что они нас не знают. Лишь только один генерал-лейтенант Жеглов не изменил к нам своего отношения. Арсений Львович регулярно навещал нас, поздравлял с праздниками.

– Вы сказали, генерал Жеглов? Арсений Львович? – словно переспрашивая ее, произнес Олег Андреевич. – Смелый, он человек. Сейчас подобное редко встретишь. Где он сейчас служит?

В глазах покровского вспыхнули огоньки интереса.

– Да. Он не из робкого десятка. Думаю, что он просто перестал бояться. Такое бывает в жизни. Раньше я тоже много чего боялась, теперь все это прошло. Человек быстро привыкает, как к плохому, так и к хорошему.

– И, где он, сейчас, служит, Вера, если это не секрет?

Она посмотрела по сторонам, словно стараясь убедиться, что их никто не подслушивает. Корнилова снизила голос и тихо ответила:

– Насколько я поняла, служит он сейчас в штабе Западного военного округа РККА.

Олег Андреевич еще хотел что-то спросить у нее, но в этот момент к столику подошел официант и стал с подноса снимать заказанные ими блюда с закусками.

– Минуточку! – услужливо произнес он и, открыв бутылку с шампанским, стал разливать вино по фужерам.

Разлив вино, он также незаметно скрылся, как и появился.

– Вот видите, милая, гора с горой не сходятся, а человек с человеком, – произнес Покровский и улыбнулся. – Я еще в поезде обратил свое внимание на вас, старался вспомнить, где же я видел это симпатичное личико. Давайте, Вера, выпьем за хорошие и дружеские отношения, которые бывают у мужчин с такими красивыми девушками.

Они подняли бокалы, и отпили немного вина.

– Вера! Вы больше не пытались связаться со своими друзьями в Киеве? – поинтересовался у нее Олег Андреевич.

Женщина поставила на стол бокал и посмотрела на него.

– Вы знаете, я пробовала, но на мои звонки никто не отвечает. Странно, я дала телеграмму, сообщила о своем приезде, но их почему-то дома не оказалось. Наверное, они выехали на дачу. Даша писала мне, что каждую весну они всей семьей на лето выезжают на дачу. Я даже не знаю, что думать....

Он словно случайно снова положил свою ладонь на кисть женщины. В этот раз, она не отдернула руку и, улыбнувшись, посмотрела на него.

– Будем надеяться, что это так, – в ответ произнес Олег Андреевич. – Впрочем, жернова Берии могли перемолоть кого угодно, время сейчас такое

– Не пугайте меня, ведь это так страшно. Я почему-то сразу вспомнила обыск в нашем доме.

Он поднял бокал с шампанским и выжидающе посмотрел

на Веру. Девушка подняла бокал и слегка пригубила вино.

– Извините меня за нескромный вопрос, Вера. У вас на руке кольцо, вы замужем?

Она пристально посмотрела ему в глаза, словно пытаясь угадать его следующий вопрос к ней.

– Мы хотели пожениться, но его неожиданно направили на Финскую войну. Как мне потом сказали, он замерз. Ему перебил ноги финский снайпер....

В ее больших зеленых глазах появилась влага. Она смахнула со щеки набежавшую слезу салфеткой и снова посмотрела в глаза Покровскому.

«Теперь, мне кажется, что я все знаю об этой женщине, – подумал Олег Андреевич. – Сейчас главное, что сообщит мне «Замок»».

***

Олег Андреевич Покровский, он же Лазарев, Сергеев, Затюрин, за год до начала первой империалистической войны окончил московское юнкерское училище и, получив звание подпоручика, был направлен в Перемышль, где и встретил войну. Тогда ему и его друзьям казалось, что победа русской императорской армии, дело всего несколько месяцев, но война по непонятным ему причинам явно затягивалась. Вскоре, он столкнулся с первым большевицким агитатором, который призывал солдат его роты бросать оружие и расходиться по домам. Вечером он вызвал к себе унтер-офицера

и приказал тому привести к нему агитатора, который почему-то решил заночевать в одной из землянок его роты.

Прошло минут десять и в землянку поручика втолкнули небольшого мужчину с разбитыми в кровь губами и большим лиловым синяком под левым глазом. Офицер встал из-за стола и подошел к агитатору.

– С кем имею честь разговаривать? – спросил он мужчину. – Вы знаете милейший, что вам грозит за вашу агитацию по закону военного времени?

Мужчина не ответил на его вопрос. Он старался не смотреть на офицера. Его глаза бегали из угла в угол в этом небольшом блиндаже, иногда замирая на какой-то миг на предмете, что лежали на столе Покровского.

– Не желаете отвечать? Да, Бог с вами, милейший. Я не буду передавать вас в руки военно-полевого суда, а решу эту проблему самостоятельно. Я вас просто повешу, как вешают предателей родины и шпионов.

Мужчина смерил его взглядом, в котором было полнейшее презрение, как к нему, так и к смерти. Он сплюнул на землю и с вызовом посмотрел на него.

– Всех не перевешаете, господин офицер. Нас тысячи....

– А, я и не собираюсь всех вас вешать, их повесят другие. А, вот вас, я повешу сам, с превеликим удовольствием. Ты вошь, а их уничтожают. Ты меня, понял?

Агитатор снова отвернулся от него, словно его и не было в этой землянке.

– Уведите его, – приказал он конвою. – Выставьте охрану, чтобы не сбежал.

Утром Олег Андреевич построил свою роту. Два солдата вывели агитатора из землянки. Его поставили под одинокое дерево, которое сохранилось после последнего боя. Дерево было без листьев, словно голова человека, побритая под ноль. Мужчина стоял в расстегнутой шинели. Его длинные светлые волосы трепал сильный северный ветер. Унтер офицер перебросил веревку с петлей через сук и отошел в сторону.

– Перед вами стоит враг отечества, – громко произнес Покровский. – Он призывал вас бросать оружие и расходиться по домам. Этот человек призывал вас открыть фронт нашему врагу! Он и ему подобные агитаторы хотят поражения России в этой войне! Что нужно сделать с этим человеком? Отпустить, чтобы он снова разлагал нашу армию или повесть, чтобы ни он, ни ему подобные лица, не украли у нас нашу победу, вашу славу? Что вы, братцы, молчите?

Поручик замолчал, ожидая какого-либо ответа от солдат, но те упорно молчали, не решаясь, по сей вероятности, взять на себя грех в убийстве этого человека. Он снова посмотрел на солдат, многие из которых, встретившись с его взглядом, отводили свои глаза в сторону.

– Унтер-офицер, приведите приговор в исполнение!

Агитатора подвели к дереву. Кто-то из солдат поставил под ноги пустой артиллерийский ящик из-под снарядов.

– Давай! Это не больно, – произнес унтер-офицер и подтолкнул приговоренного мужчину к дереву.

Он, молча, встал на ящик, сам накиннул себе петлю на шею и посмотрел на строй.

– Товарищи! – выкрикнул он.

Унтер-офицер выбил из-под него снарядный ящик. Ноги мужчины задергались, и со стороны многим показалось, что казненный человек куда-то побежал. Однако, это продолжалось не так долго. Тело несколько раз дернулось и вытянувшись в струнку, затихло.

– Разойдись! – громко скомандовал Олег Андреевич и направился в сторону своего блиндажа.

***

Корнилова Вера посмотрела на Олега Андреевича. Заметив ее взгляд, он улыбнулся ей.

– Вы меня не пригласите на танец? Я так давно не танцевала, а сегодня, выпив с вами шампанского, неожиданно захотела немного покружиться в танце.

– Вы, словно, читаете мои мысли, Вера. Я с удовольствием потанцую.....

Оркестр заиграл вальс «На сопках Манчжурии» и Олег Андреевич закружил Веру в вальсе. Он моментально вспомнил юнкерское училище, где их, молодых юношей, учили танцевать вальс. Это был обязательный курс танцев, и все курсанты в приказном порядке должны были пройти этот

обязательный курс

«А, она танцует достаточно хорошо», – подумал он, предоставляя партнерше возможность в импровизации отдельных элементов танца.

– Вера, где вы так хорошо научились танцевать, – поинтересовался он у женщины. – такое легкое скольжение...

– Вы знаете, у меня были хорошие учителя. Не забываете, в какой семье я родилась, – произнесла она и кокетливо улыбнулась ему.

Танец закончился и он, взяв ее под руку, повел к столику. Мужчина протянул руку к бутылке с шампанским, но его опередил официант. Он быстро разлил вино по бокалам и посмотрел на Олега Андреевича.

– Можете, нести десерт, – произнес он.

– Вера! Скажите, чем занимается ваш институт, в котором вы работаете? – ненавязчиво, спросил он женщину. – Сейчас у нас в союзе стало так много закрытых институтов, что можно, просто, запутаться в этих почтовых ящиках.

Она звонко рассмеялась. Похоже, выпитое ей вино стало сказываться на поведении женщины. Она наклонил чуть в сторону Покровского и тихо произнесла:

– Наш институт занимается металлами, а если проще, мы разрабатываем и испытываем танковую броню, но только об этом никому...

Олег Андреевич улыбнулся.

– Выходит вы женщина из стали, если так можно назвать

вас. И насколько крепка наша броня? Она лучше немецких образцов или нет? Я в прошлом военный человек и немного разбираюсь в этом.

Женщина посмотрела на него. В ее глазах, читалась тайна. Она приложила палец к губам и все также тихо прошептала.

– Скажите, Олег Александрович, какое вы имеете отношение к этому вопросу? Случайно, вы не немецкий шпион?

– Нет, Вера, я никакого отношения к стали не имею, как и не имею никакого отношения к немецкой разведки. Я советский человек и мне просто интересно, сможем ли мы на равных воевать с немцами, так как у них одна из самых сильных армий не только в Европе, но и в мире.

Олег Андреевич, не отрывая своего взгляда, продолжал смотреть на Веру. Под его взглядом она немного смутилась.

– Господи! Какая же я дура, – произнесла она. – Я хотела пошутить, но вышло, как-то неуклюже. Вы для меня так много сделали, а я вас обижаю. Простите меня...

На лице Корниловой заиграла краска. Даже невооруженным взглядом было видно, как переживает она за столь неприятный выпад в сторону Олега Андреевича. Он взял ее ладонь в свою руку и ласково сжал ее.

– Я не обижаюсь на вас, Вера. Я хорошо понимаю вас: арест дяди и тому подобное. Вы, наверное, живете в постоянном страхе, боитесь провокаций. Вот и меня вы практически не знаете и вдруг мой интерес к вашей работе.

Вера с благодарностью посмотрела на него.

– Спасибо вам за понимание. Есть вещи, о которых не принято рассказывать не только родным и близким, но и своим коллегам по работе. А здесь: ресторан, вино....

– Да, что вы Вера? Какая обида? Простите меня за мой глупый вопрос.

Она посмотрела на свою руку и осторожно освободила ее из мужской ладони.

– Давайте, выпьем, Олег Андреевич и потанцуем. Я так давно не танцевала, что трудно удержать ноги в покое. Только, сейчас и здесь, с вами я снова ощутила себя женщиной. Мне снова захотелось жить, петь и танцевать. Петь я, конечно, не буду, но танцевать с вами обязательно, если вы меня пригласите.

Они выпили, и Олег Андреевич, снова пригласил ее на танец.

***

Революция 1917 года, была сродни шквала, которая налетела на усталых от войны солдат императорской армии. Поручик Покровский медленно двигался вдоль траншеи, в которой на снаряженных ящиках сидели солдаты. В его роте вот уже вторую неделю вели агитацию большевики. Он несколько раз докладывал об этом полковнику Смирнову, но тот отмахивался от него, как от назойливой мухи.

Олег Андреевич повернул влево и увидел группу солдат, сидевшую на пустых патронных ящиках. Один из них вслух

читал газету «Искра». Заметив офицера, он со злостью посмотрел на него.

– Давай, проходи, ваше благородь. Все отвоевались мы нынче, – произнес он. – Вечером снимемся с позиций и по домам. Хватит! Навоевались!

Покровский, молча, прошел мимо их. Он уже слышал, что пьяные солдаты подняли на штыки командира третьей роты подпоручика Головки и прапорщика Васильева. Откинув полог, он вошел в землянку, в которой было темно и сыро. Пошарив в кармане шинели, он достал коробок спичек и зажег «коптилку», лампу, изготовленную из гильзы снаряда. Он присел на ящик и достал из кармана шинели папиросы. Фитиль «коптилки» потрескивал и от этого, еле слышного треска, исходило какое-то тепло, которое согревало его душу. Он был ярым сторонником самодержавия и не верил в добровольное отречение государя от престола. Прикурив папиросу, поручик достал из-под нар небольшой чемоданчик. Вот уже год, как он хранил в нем свои личные вещи. Он открыл его и, отложив в сторону папиросу, в свете «коптилки» стал перебирать дорогие его сердцу предметы. Он развернул белую тряпицу, в которой аккуратно лежали его награды, полученные во время войны. Два Георгиевских креста, орден Святого Владимира с мечами сверкнули в тусклом свете «коптилки». Погладив их ладонью, он снова завернул их в тряпицу и положил на дно чемодана.

«Что это? – подумал он, заметив небольшой лист бума-

ги. – Как он мог оказаться здесь, среди моих личных вещей?»

Он аккуратно развернул листок и пододвинул ближе к себе светильник. Прочитав текст, он вновь удивился. Это был документ на имя Лазарева Олега Андреевича, выданный полицией города Самара.

«Откуда этот документ у меня? – подумал он, – Как он мог оказаться среди моих вещей?»

Неожиданно для себя он вспомнил, как год назад по его приказу казнили агитатора, который агитировал солдат его роты об отказе воевать.

«Да, да, это был тот самый Лазарев, большевик из мещан. Неужели я по ошибке сунул его документы в свой саквояж? – размышлял он. – Как-то все странно, но я даже не обратил своего внимания на то, что у него такое же, имя и отчество, как и у меня».

Он хотел сжечь этот документ, но что-то его остановило. Он вновь перечитал его и положил его обратно на место. До его слуха донеслось несколько выстрелов, а затем кто-то запел каким-то пьяным голосом.

«Хамы! Похоже, и, правда, собрались по домам. Что же делать? А как же вера, царь и отечество?»

Он откинул полог землянки. Первое, что он увидел, это его солдат обнимался с немцем. Он хотел остановить это братание, но почему-то инстинкт самосохранения сработал намного быстрее, его желания. Он закрыл полог и снова погрузился во мрак, который царил в этом искусственном земля-

ном сооружении.

«Если солдаты оставят позиции, то мне здесь больше делать нечего. Но куда ты направишься поручик? Хватит ли у тебя сил бороться за веру, царя и отечество? Надо же до чего дожила Россия, что ее сыны больше не хотят ее защищать. Не будет России, не будет и родины, а без родины не может жить человек».

Он достал револьвер и положил его перед собой.

«Застрелиться? – подумал он, – застрелиться, чтобы смыть с себя позор предательства. Постой, Олег! О каком предательстве идет речь? Ты молод и силен, ты еще можешь послужить отечеству, в котором не будет большевиков. А, для того, чтобы их не было, их нужно уничтожать. Вот твое отныне призвание и цель твоей жизни».

Через час, солдаты покинули свои позиции и, сбившись в неуправляемую никем толпу, направились в сторону железной дороги.

***

– Олег Андреевич, – обратилась к нему Вера. – Спасибо за прекрасный вечер. Я устала от шума ресторана, вы не проводите меня до номера?

Он отложил в сторону белую накрахмаленную салфетку и знаком руки подозвал к себе официанта.

– Счет, пожалуйста, и еще, десерт отнесите в номер триста двадцать пять.

Молодой человек, молча, кивнул. Олег Андреевич достал из кармана пиджака бумажник и, отсчитав несколько крупных купюр, положил их на край стола. Он взял Веру под руку, и они направились к выходу из ресторана.

– Скажите, Олег Андреевич, как долго милиция будет заниматься розыском моих документов? Поверьте, мне стыдно быть вашей содержанкой и я завтра позвоню в милицию. А, вдруг....

Она не договорила. Олег Андреевич накрыл ее рот крепким поцелуем. Вера вырвалась из его объятий и осуждающе посмотрела на него.

– Что вы себе позволяете? – произнесла она. – Как вам не стыдно?

Яркий румянец, словно река, прорвавшая плотину, окрасил ее миловидное лицо.

– Простите меня, Вера, просто не удержался. Вы такая красивая, что я буквально ослеп и потерял рассудок. Простите меня еще раз. Больше подобного не повторится.

– Дайте, мне слово, что вы больше никогда не позволите подобного, а то я, просто, рассержусь на вас.

– Я даю вам это слово, – тихо произнес он, – хотя мне это слово дается очень тяжело. Вы мне сразу понравились Вера, еще тогда, три года назад. И вдруг, я вас встречаю в поезде, я не поверил своим глазам. Я по-прежнему считаю, что Бог специально свел нас с вами. Я не скрою, что был даже рад, что у вас украли документы. Вы не улыбайтесь, я действи-

тельно рад этому, так этот необычный случай позволил мне оказать вам эту небольшую услугу.

Женщина улыбнулась, давая понять Олегу Андреевичу, что она уже не сердится на него.

– Вы знаете, я слишком молода еще и не совсем все правильно понимаю, – словно извиняясь перед ним, произнесла она. – Вы не смотрите на кольцо на моей руке, я не замужем. Я вам об этом уже говорила. Это так камуфляж, по-моему, это так называют военные, когда хотят ввести противника в заблуждение. Не скрою, вы мне симпатичны и я не хочу принести вам неприятности. Я племянница врага народа и вам это не стоит забывать. Вот вы говорите, что долгое время провели за границей, следовательно, вам верит наше правительство. Что будет с вами, если в вашем окружении окажется племянница врага народа? Думаю, что ничего хорошего....

Олег Андреевич нахмурился. Было видно, что рассуждения Веры были не беспочвенны. Они остановились около двери в ее номер. Женщина посмотрела на него, но мужчина, словно не замечал ее вопросительного взгляда.

– Спокойной ночи, Вера. Еще раз прошу вас извинить меня за этот нелепый поцелуй.

– Я уже вас простила, Олег Андреевич. Не расстраивайтесь, но я пока не могу.

– Я вас понял.

Он развернулся и направился к лестнице.

«Может, не стоило с ним так? – додумала она, входя в комнату. – От его поцелуя ничего с тобой бы не произошло».

Она улыбнулась этой мысли и стала быстро переодеваться. Приняв душ, она легла в кровать. Выпитое ей вино сказалось на ее самочувствии. Она закрыла глаза и буквально провалилась в сон.

***

Дорога до Петрограда заняла, чуть ли не месяц. Олег Андреевич. Ранняя весна 1917 года была не слишком теплой. Холодный ветер с Финского залива гнал волну и город, словно устав бороться с наводнением, потихоньку тонул в этих серых и холодных волнах. Поручик Покровский шел по Невскому проспекту, отмечая, как разительно изменился город в столь короткий срок. Он родился и вырос в этом городе, здесь жили его родители и сейчас, он шел, представляя, как обрадуется его приезду мать и отец.

Он свернул в переулок и, пройдя метров сто, остановился, заметив впереди себя родной ему дом.

– Здравствуйте, барин, – поздоровался с ним дворник-татарин, который, похоже, признал его сразу. – Давно я вас не видел....

– Здравствуй, Ахмет, – ответил ему Олег Андреевич и, поправив на плече лямки вещевого мешка, вошел в подъезд дома.

Он быстро вбежал на второй этаж и остановился напротив

массивной двери я яркой медной дощечкой, прикрученной сбоку – «Профессор Покровский». От внезапно охватившего его волнения, Олегу стало трудно дышать. Он нажал кнопку электрического звонка. В тишине послышались шаги за дверь. Звякнула снятая цепочка и дверь открылась.

– Мама! – тихо произнес он и обнял хрупкое тело матушки. – Вот и я!

– Олег! – прошептала она и крепко обняла его за шею.

Она аккуратно и нежно трогала его шинель, словно стараясь убедиться все ли цело под ней

– Да, живой я, живой! – произнес он, заметив, как его мать смахивала, выступившие на ее глазах слезы.

Он вошел в прихожую и снял с себя шинель. Из кабинета вышел отец и посмотрел на сына.

– Ты почему не на фронте, сын? Сбежал?

– Ты, папа, не прав. Я не дезертир. У меня вся рота снялась с позиций и ушла. Я остался один.

Отец с удивлением посмотрел на сына, не веря его словам.

– Нужно было сражаться, а не бежать вслед за своими солдатами. Мне стыдно за тебя, Олег!

Отец развернулся и скрылся за дверь своего кабинета. Он посмотрел на мать, которая молча, наблюдала за ними.

– Мама! Может, мне уйти, раз вы не рады моему возвращению? – спросил он ее.

– Что ты, Олег! Конечно, проходи, ты же дома. Ты, что отца не знаешь?

Он прошел в зал и, остановившись в дверях, стал осматривать комнату.

– Мама! А где, Настя? Я имею в виду, нашу горничную?

– Ушла она от нас. Она сейчас в каком-то рабочем комитете командует.... Ты сынок присаживайся, я сейчас разогрею ужин. Плохо сейчас в городе с продуктами, одни спекулянты и откуда они только берут такие цены?

Олег присел на диван и впервые за три года ощутил какой-то непонятный его телу комфорт.

– Что с властью у вас, мама? Кто, сейчас, правит в городе: временное правительство или большевики?

Из кабинета вышел отец и посмотрел на сына.

– Официально, Временное правительство, а на самом деле различные комитеты. Анархия, как в городе, так и во всей России. Днем еще есть какая-то власть, а по ночам: грабят, насилуют, убивают. Кругом стрельба, налеты, кровь. Власть требует от войск, чтобы те продолжали войну, а солдатики не хотят воевать. Ты слышал, что сказал Ленин? – спросил его отец. – Так вот он заявил, превратим империалистическую войну в гражданскую. Видишь, как загнул, в гражданскую войну. Я не знаю, как тебе, но мне от этих слов, просто страшно.

– Папа! Может, все здесь бросить и уехать на время отсюда за границу?

– Что значит, бросить? Я тебя не понимаю, Олег. Неужели вы позволите, чтобы Россией правили кухарки и горничные?

Срам и позор нашему воинству!

Из кухни раздался голос матери, которая приглашала их к ужину. Они прошли на кухню и сели за стол.

– Что собираешься делать? – спросил Олега, отец, разливая в рюмки водку.

– Ты зачем наливаешь водку сыну! – возмущенно произнесла мать.

– Он не мальчик, а муж! Он боевой офицер....

Олег посмотрел на мать.

– Пока, папа, не решил, но сидеть дома и смотреть, что творят эти хамы я не собираюсь. Наверняка, в городе есть люди верные престолу?

– Думаю, что есть, – ответил отец. – Кстати, на днях заходил твой приятель Козин. Он, сейчас, в городе. Думаю, что он, наверное, тоже не хочет сидеть и смотреть на все это скотство.

– Спасибо, папа, я обязательно зайду к нему, – произнес Олег. – Давайте, выпьем за встречу, о которой я так часто думал там, на войне.

Олег достал из портсигара папиросу и закурил. Он встал из-за стола и направился к роялю, что стоял в углу зала. Открыв крышку инструмента, он взял первый аккорд и моментально погрузился в блаженство музыки.

***

Покровский и Козин шли по улице. Заметив вдалеке пат-

руль, они свернули в узкий переулок. Тогда подобных мест в Петрограде было множество. Ждать пришлось минут пять. Прежде, чем двинуться дальше, они убедились, что улица пуста. Козин посмотрел на Олега, словно ожидая от него команды. Месяц назад они вступили в организацию, цель которой была освобождение императора из плена. Организация была небольшой, но достаточно боевой, так состояла в основном из боевых офицеров. Завтра вечером они должны были выехать в Екатеринбург, где находилась под арестом семья Романовых.

Чтобы не рисковать, они решили разойтись и по одному добираться до конспиративной квартиры, на которой собиралась их боевая группа. До места встречи было не так далеко, когда Покровского остановил патруль революционных матросов.

– Куда направляешься, господин офицер? – обратился к нему небольшого роста моряк с пышными усами. – Чего молчишь?

– Домой, – ответил Олег Андреевич. – Думаю, что мое возвращение домой не таит никакой опасности для вашей революции?

– Ты, барин, зубы здесь не показывай. Мы можем и выбить твои клыки. Документы какие-то есть с собой?

Покровский похлопал себя по карманам шинели.

– Выходит, нет, я так и думал, – произнес все тот же матрос. – Тогда пойдем с нами в штаб, там и разберемся кто ты

такой: враг или не сознательный гражданин.

Штык винтовки уперся в спину Олега, и ему ничего не оставалось делать, как подчиниться приказу матроса. Штаб матросов размещался в небольшом двухэтажном доме, окна которого выходили на Мойку. В небольшой комнате висел густой синеватый табачный дым, от которого першило в горле, а на глазах наворачивались слезы.

– Это ты кого привел, Максим, – обратился к матросу, мужчина в штатском костюме, сидевший за столом. – Ты, что не видишь, что это офицер, а значит, враг революции. Его сразу нужно было кончать, а не тащить сюда.

Матрос откашлялся и, сняв с плеча винтовку, с примкнутым к ней штыком, прислонил оружие к стенке.

– Стрельнуть, товарищ Тимофей, дело не хитрое. Говорит, что шел домой, только я этому не верю. Ты же знаешь, что сегодня утром мы раздавили гнездо контры. Думаю, что наверняка, он шел туда. Там наши матросики повесили трех контриков.

– Раз так думаешь, то сразу бы поставил к стене, зачем его нужно было тащить сюда?

– Так, что ваш благородие, будьте так добры, сообщите нам, куда вы направлялись? Ваши офицеришки, сегодня шесть человек наших убили, прежде чем мы с ними разобрались. Мы и с тобой разберемся опосля. Сейчас братишки отдохнут и займутся тобой.

– Я не понимаю, о чем вы меня спрашиваете? Я же сказал

вам, что иду домой. Я очень лояльно отношусь к вашей власти. За что меня к стенке?

Матрос свернулся сигарку и, прикурив от керосиновой лампы, выпустил струю голубоватого дыма в потолок.

– Захар! Обыщи офицера, – приказал матрос своему товарищу. – Может, в его карманах бомба.

Находившиеся в комнате матросы, громко засмеялись.

– Подними руки, сволочь! – произнес молодой безусый матрос и стал ощупывать шинель и карманы Лазарева. – А, вот и револьвер, а говорит, шел домой.

Он вытащил оружие и положил его на стол.

– Что теперь скажешь, господин офицер? Зачем тебе оружие?

Олег Андреевич промолчал. Он уже догадался, что его ожидает за входной дверью. Неожиданно, для присутствующих в штабе матросов, он схватил в руки винтовку матроса, которая стояла у стены, и с силой ударил штыком ему в грудь. Это произошло так неожиданно, что матросы просто растерялись. Сильный удар приклада, пришелся в голову мужчины в штатском. Он тихо вскрикнул и, хватая воздух руками, повалился на грязный и заплеванный пол. Молодой матрос, выронив из рук винтовку, попятился назад.

– Не убивай! – прошептал он побелевшими от страха губами. – Не убивай!

Трехгранный штык, свернув в свете керосиновой лампы, с хрустом вошел в его грудь. Матрос схватился за ствол вин-

товки, словно, пытаясь вытащить его из груди. Ноги его подкосились, и он медленно повалился на пол. Лазарев схватил лежащий на столе револьвер и сунул его в карман шинели. Глубоко вздохнув и придав лицо спокойный и непринужденный вид, он вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь. Заметив матроса, который стоял около выхода на улицу, Олег Андреевич, направился в его сторону.

– Товарищ Тимофеев просил их не беспокоить, – произнес он, обращаясь к матросу. – Приказал пока никого к ним не пускать.

Матрос кивнул и, бросив сигарку на землю, молча, направился в сторону костра, около которого сидели матросы и солдаты.

***

Проснувшись рано утром, Вера направилась в отдел милиции. Накануне ей позвонили по телефону гостиницы и пригласили посетить отделение милиции.

«Откуда они узнали, где я остановилась, – с удивлением, подумала женщина. – Как-то все это странно».

– Здравствуйте! – радостно произнес уже знакомый ей лейтенант милиции. – Вы знаете, гражданка Корнилова, что нашлась ваша пропажа. Вот смотрите, это ваши документы? К сожалению, денег в вашей сумочке нет.

Лейтенант протянул ей небольшую женскую сумочку.

– Бог с этими деньгами, – радостно произнесла женщи-

на. – Для меня документы намного важнее денег. Вы же знаете, что жить без документов сейчас нельзя

– А, у меня вот смена закончилась. Честно вам скажу – устал. Сутки выпали такие сложные.

Вера с сочувствием посмотрела на милиционера

– Да, работа у вас не простая, столько людей! Одно слово – вокзал, – ответила она. – Спасибо, вам большое. Я всегда знала, что наша милиция нас бережет.

– А, где вы остановились? – поинтересовался у нее дежурный по отделу. – Вы дозвонились до подруги или нет?

– А разве не вы мне звонили в гостиницу?

Сотрудник милиции удивленно посмотрел на нее.

– Как же я мог вам позвонить, если не знаю, где вы остановились?

– Но мне сказали, что звонят из милиции....

«Кто же мне звонил в гостиницу, если дежурный лейтенант спрашивает меня, где я проживаю? – подумала женщина. – Что-то здесь не так».

– Нет, там по-прежнему не берут трубку, – коротко ответила она. – Наверное, они уже на даче. Ничего, заеду к двоюродной сестре в Минск и обратно в Москву. Скажите, вы только мои документы нашли или еще, чьи-то, ведь тогда украли документы и деньги не только у меня?

– К сожалению, только ваши документы. А, вашему знакомому, как его – Олегу Андреевичу, еще вчера выдали справку об утере документов. Вернется обратно домой – восстано-

вит. А где он живет? Он мне говорил, что живет в Москве?

– Где живет, я вам сказать не могу, но прописан он вроде бы в Ленинграде.

– Надо же, а говорил в Москве. Вот и верь людям. . . .

Корнилова попрощалась с сотрудником милиции и направилась обратно в гостиницу. В вестибюле ее ждал Олег Андреевич. Заметив вошедшую девушку, он направился к ней на встречу.

– Ну, слава Богу, Вера. Я уже не знал, что думать, – произнес Олег Андреевич. – Где это вы с утра были, если это не секрет? Я стучу в ваш номер, а в ответ тишина. . . .

– Секрета, Олег Андреевич, нет. Я была в милиции. Вы знаете, они нашли мои документы и вернули их. Я поинтересовалась в отношении вас, увы, ваших документов они, к сожалению не нашли. Единственная пока загвоздка, денег в сумочке, нет. Хочу сегодня навестить подругу, вдруг у них что-то с телефоном. Как считаете, подобное возможно или нет?

По лицу Покровского пробежала едва заметная тень, по которой трудно было угадать, обрадовался он этой новости или наоборот огорчился.

– Олег Андреевич, милый мой человек, вы не дадите мне в займы немного денег? Ей Богу, я верну их вам. Куда скажите, туда и вышлю. Вы же живете в Москве и я там живу.

– Да, что вы, Вера! Конечно, помогу вам деньгами. Сколько вам нужно?

– Мне на билет до Минска, там у меня двоюродная сестра живет. Думаю, что она хоть не на даче.

Мужчина улыбнулся.

– Давайте, Вера, договоримся. Пока вы поедите к своей подруге, я вам куплю билет до Минска. Договорились? Вам в какой вагон? Плацкарт, купе?

– Я даже не знаю, как вас отблагодарить, Олег Андреевич. Вы мой ангел-хранитель. Чтобы я делала без вас?

– Придет время, Вера, отблагодарите. Тогда до вечера...

Женщина прошла в свой номер и, забрав из чемодана подарки, поехала к своей подруге. Дорога заняла около часа. Она вышла из трамвая и направилась к стоявшему перед ней дому. Корнилова поднялась на третий этаж и нажала на кнопку звонка. За дверь было тихо. Она уже собиралась уходить, когда открылась соседская дверь, из которой вышла старушка.

– Вы, женщина, к Никитиным? – спросила она Веру. – Их нет. Кем вы им приходитеесь?

– Это старая моя подруга. Скажите, они на даче? – спросила Корнилова ее.

– Нет, дочка, – перейдя на шепот, ответила старушка. – Семен Аркадьевича арестовали, как врага народа. Чем он провинился перед государством, сказать не могу. Три дня назад, сотрудники НКВД забрали его, супругу и дочь. Где они сейчас, никто не знает. Так что, я бы на вашем месте, не стала бы звонить и разыскивать их. Время сейчас такое.

Старушка взглянула на Веру и стала спускаться по лестнице. Она еще постояла минуту-другую, а затем направилась за ней вслед.

***

Олег Андреевич быстро собрал свой небольшой вещевой мешок, и крепко завязав узел, посмотрел на родителей, которые, молча, наблюдали за его сборами.

– Благословите меня, матушка, – тихо произнес он. – Я ухожу. Хочу присоединиться к Корнилову, а там, как Бог даст.

Мать заплакала и стала причитать, но ее остановил властный голос мужа.

– Чего заревела, словно, корова, – грубовато произнес он. – Ты правильный сделал выбор, сын. Кто, как не мы должны загнать обратно в стойло этот скот. Ты только посмотри, что они творят? Вешать их нужно, вешать и вешать...

Мать перекрестила сына и снова всхлипнув, ушла в комнату.

– Не подставляй голову пулям, но и не кланяйся каждой. Служи честно, зря не рискуй...

– Хорошо, папа. Я запомню твои слова.

Они обнялись. Олег Андреевич надел фуражку и, подняв воротник шинели, вышел из квартиры. В лицо ударил сильный порыв ветра и в какой-то миг, Покровскому показалось,

что природа не желает, чтобы он покидал родной дом. Он поправил фуражку и надвинув ее буквально на глаза, зашагал в сторону вокзала.

Очередное разочарование, которое он испытал Покровский, произошло буквально через несколько месяцев. Части генерала Юденича так и не вошли в Петроград. Вскоре началась гражданская война. Несмотря на сложности, ему удалось добраться до Дона. Он снова воевал в составе полка, которым командовал генерал Корнилов.

После его гибели, он с группой офицеров пытался отбить тело генерала у красных, но их попытка не увенчалась успехом. После этого рейда, вера в победу стала таять, как весенний снег. Несмотря на временные успехи Добровольческой армии, они все чаще и чаще терпели неудачи. Когда армия откатилась в Крым, он понял, что нужно уходить за кордон.

Не все в лагере офицеров, проигравших войну, смирились с этим. Таким был и штабс-капитан Покровский, который считал, что война для него не закончилась. Теперь для него она приобрела совершенно другие формы, без конных рейдов и прямого противостояния. Спецоперации и диверсии стали основной формой борьбы двух этих политических систем. Первым пал в этой невидимой войне атаман Дутов. Это произошло на территории Китая в 1921 году. Чтобы доказать, что задание выполнено, чекисты обезглавили тело генерала, спустя несколько дней, после его похорон.

В 1924 году была создана Боевая организация генерала

Кутепова. Именно в эту организацию и поступил молодой штабс-капитан Олег Андреевич Покровский. Часто ночами, оставшись один на один с собой, он думал об этом шаге.

«Правильно ли я поступил, когда дал согласие продолжить борьбу с Советской властью?», – он много думал, но другого ответа на свой вопрос, не находил.

Целью его стала не просто борьба с большевизмом, а скорее желание отомстить коммунистам, дать сигнал населению: мол, смотрите, есть еще те, кто борется против большевиков. Однажды ему в голову пришла шальная мысль:

«Нужно взорвать какое-нибудь партийное собрание в Ленинграде, вот будет удар по большевикам, вот будет шумиха на западе».

Покровский долго разрабатывал план акции. Для ее реализации ему нужно было еще, как минимум, три исполнителя. Но, где найти этих добровольцев? Олег Андреевич не знал. Однако, вскоре нашлись смельчаки, ими оказались: один офицер и двое совсем молодых парней. Все они были беспартийными, но коммунистов ненавидели и готовы были жизнь за «поруганную» Россию. Он тогда даже записал в свой дневник:

«Смерть им, смерть этим гадам интернационала, ибо всякий, носящий кличку «коммунист», ответственен за кровь Ипатьевского подвала, виновен в миллионах других убийств, в осквернении души русского народа, виновен в создании той бездны позора, лжи, грязи и крови, куда рухнула

Родная земля»

Полгода ушло на подготовку к акции. Через границу Покровского и его людей перевел опытный проводник в июньскую ночь. Границу, на тот момент, большевики охраняли не достаточно надежно. Вскоре проводник оставил группу Покровского. Они шли по лесу больше суток, пока не дошли до железнодорожной станции Левашова, знакомую ему с детства

– Кажется, дошли, – произнес Покровский. – Отсюда до Петербурга рукой подать.

– До какого еще Петербурга? Нет, сейчас, такого города в красной России, – поправил его один из бойцов.

– Прошу прощение, господа. Никак не могу привыкнуть

– Нужно перекусить, – произнес один из них. – Когда еще придется поесть.

Они отошли в сторону и, устроившись на небольшой полянке, стали обедать.

***

Минск, встретил Корнилов Веру теплым весенним дождем. Взглянув в окно вагона, она сразу же увидела свою двоюродную сестру, Кораблеву Зину, которая стояла на перроне вокзала, держа в руках маленький сиреневый букетик первоцветов. Подняв с пола чемодан, она направилась к выходу из вагона.

– Девушка! Вам не помочь? – обратился к ней молодень-

кий лейтенант с зелеными петлицами на гимнастерке.

– Спасибо. Мне не тяжело, – ответила Вера.

После случившегося в Киеве, она стала немного по-другому относиться к ухаживанию за ней молодых людей.

– Я чем-то вас огорчил? – поинтересовался у нее офицер, глядя на недовольное лицо женщины. – Я вам просто предложил свою помощь.

– Что вы, товарищ лейтенант. Мне действительно не очень тяжело.

Вера спустилась по лестнице и оказалась в объятьях сестры. Они крепко обнялись и, взяв друг друга под руки, направились по перрону. Не так далеко от них, с маленьким чемоданчиком в руках, шагал лейтенант-пограничник. Женщина сразу почувствовала на себе взгляд военного, и она непроизвольно оглянулась назад.

– Вера! Что-то произошло? – спросила ее Зина.

– Мне кажется, что вон тот лейтенант – пограничник наблюдает за нами. Понаблюдай за ним, а то мне неудобно....

Зина обернулась и посмотрела на военного.

– А он, ничего: стройный, красивый... Может, ты ему понравилась? Ты об этом не подумала?

– Я не к этому, красивый он или нет. Мне просто показалось еще в поезде, что он за мной наблюдает. Куда я, туда и он.

– Может он, Вера, из НКВД? Просто, надел на себя форму пограничника?

– Все может быть. После ареста дяди, я не исключаю, что НКВД установило за мной негласное наблюдение.

– Не пугай меня, Вера. Ты знаешь, что у моего мужа после ареста генерала Стеблева сразу же появились большие неприятности. Было три проверки, правда ничего не нашли. Но, они чего-то все-таки искали?

– Не знаю, Зина. Я тоже живу, ожидая неприятностей. Да и эта кража в Киеве, какая-то непонятная. Украсть, чтобы подбросить на другой день документы. Скажи, что это довольно странно?

– Не знаю.

– Зачем вор подбросил документы? Я не думаю, что его замучила совесть. Главное, что милиция о нем все знает, а вот поймать его почему-то не может.

Зина промолчала. Просто, она не знала, что ответить на вопрос Веры. Женщина, вновь оглянулась назад, однако, офицера пограничника она не заметила.

«Неужели мне все это показалось, – почему-то подумала Вера. – Может, действительно, что пуганая ворона и куста боится».

Они вышли на привокзальную площадь и направились к ожидавшей их автомашине.

– Я предлагаю тебе немного отдохнуть у нас дома, а вечером вместе с Глебом, мы поедем к нам на дачу. Как ты на это смотришь?

– Положительно, – ответила Вера, бросая свой взгляд на

прохожих, в надежде увидеть среди них людей, наблюдавших за ней.

Однако, заметить кого-либо ей не удалось.

«Не может быть такого, – подумала она, – просто я их не заметила. – Похоже, что товарищи хорошо работают».

Машина медленно отъехала от остановки и помчалась по улице в сторону центра города.

***

Покровский сидел возле вагонного окна с закрытыми глазами, и со стороны было трудно понять, спит он или внимательно прислушивается к разговорам соседей. Все его люди разместились в разных вагонах этого пригородного поезда. Настроение у всей группы было боевое. Перед посадкой в поезд они решили, что в случае необходимости убивать всех, кто попытается их задержать.

– Если в пути будут проверять документы, нужно будет ликвидировать всех, – приказал им Олег Андреевич. – Никакой жалости! Действовать решительно, без предупреждения. Это не просьба, это приказ. Знайте, если проявим слабость, то все погибнем. Документов у нас нет.

Группа была хорошо вооружена, каждый боец имел при себе: маузер или наган, гранаты и бомбы системы Новицкого.

– Есть несколько объектов нападения, – словно советуясь с ними, произнес Покровский, инструктирую своих подчи-

ненных. – Например: Клуб Коминтерна, редакция «Ленинградской правды».

– Я думаю, что эти объекты трогать не стоит. В клубе много безусой молодежи, которая заблудилась в советских потемках. А, в редакции, работает много женщин. Мы же не коммунисты и не воюем с женщинами. Нужно будет найти другой объект нападения.

Покровский открыл глаза и посмотрел на соседей по пассажирской полке, которые, не обращая на него никакого внимания, что-то негромко обсуждали между собой. По вагону прошелся наряд милиции в сопровождении проводника. Рука Олега Андреевича незаметно потянулась к карману пыльника, в котором находился «Наган». Пассажиры на какой-то миг прекратили разговор и посмотрели на милицейский наряд. Паровоз протяжно прогудел и стал сбрасывать скорость. Впереди засверкали огни Ленинграда.

Они все встретились в буфете вокзала. Поручик внимательно смотрел на людей, отмечая разительные перемены, которые произошли с жителями города с момента, когда он осенью 1917 года покидал этот родной его сердцу город. Слово «товарищ» резало ему ухо, вызывая у него неподдельное желания убивать и убивать. Он посмотрел на своих товарищей и в глазах их он увидел аналогичное желание.

– Господа! – тихо произнес Олег Андреевич, и быстро поняв, что он непростительно оговорился, на какой-то миг замолчал. – Товарищи, предлагаю погулять по городу. Как вам

мое предложение?

Они дружно согласились с ним. Допив чай, они вышли из буфета. Шагая по улицам своего детства, Покровский, иногда останавливался и внимательно осматривал то или иное здание.

– Товарищи! – обратился к нему один из прохожих. – Вы кого-то разыскиваете или мне это показалось?

– Нет, товарищ. Мы командированные из Москвы и ищем «Партийный клуб». Вы не подскажите, где он находится?

– Подскажу, – ответил мужчина. – Вам еще нужно пройти два квартала и свернуть в первый переулок.

– Спасибо, товарищ, – произнес Олег Андреевич и улыбнулся.

Они, молча, направились в указанном им направлении.

***

Майор госбезопасности, Зайков Виктор Александрович, дочитал сводку наружного наблюдения и вопросительно посмотрел на лейтенанта Воронцова. На щеках сотрудника НКВД заалел румянец. Чем дольше молчал майор, тем сильнее краснел лейтенант. Наконец начальник отвел свой взгляд в сторону. Откашлявшись, он задал оперативнику свой первый вопрос.

– Где, сейчас, находится Покровский? Я надеюсь, что вы его не потеряли?

По лицу лейтенанта пробежала едва заметная тень. Он

провел по губам сухим от волнения языком и слегка заикаясь, ответил:

– Пока Покровский в Киеве, товарищ майор. Особой активности он не проявляет. Посещает спектакли, кинофильмы. Дополнительных связей не выявлено.

Эта фраза явно не понравилась Зайкову.

– Лейтенант! Вы уверены, что Покровский не встречался со своим связником в кинотеатре? Что молчите? Передайте, нашим товарищам с Украины, пусть вернут ему документы. Хотелось бы понаблюдать, что он предпримет после этого.

– Все понял, товарищ майор.

– И еще, как ваше мнение поверил он Корниловой или нет? Я имею в виду, что она является, племянницей репрессированного генерала Стеблева?

– Он слишком опытен, чтобы сразу поверить в это. Думаю, что он, наверняка, организует проверку. Мы предвидели подобное развитие событий, я имею в виду, эту проверку. Настоящая Корнилова, сейчас, находится в городе Омске. Соседи проинструктированы, думаю, что здесь у «Зорьки» позиции надежные.

– Было бы очень хорошо, если Покровский зацепился за эту тонкую ниточку и попытался через нее выйти на генерала Жиглова. Думаю, что его фигура не может не заинтересовать немецкую разведку.

Воронцов промолчал. Он работал в системе НКВД чуть более десяти лет и хорошо усвоил одно и, наверное, глав-

ное правило разведки, руководствоваться только фактами. Предположения о развитии событий можно делать лишь на основании фактов, которых сейчас явно не доставало.

– У вас есть еще что-то? – спросил лейтенанта Зайков.

– Есть одна мысль, товарищ майор. Как вы смотрите на то, чтобы осуществить вновь встречу «Зорьки» с Покровским? Заехала, якобы, обратно в Киев, захотела рассчитаться, то есть вернуть долг.

Зайков задумался. Он загасил папиросу и, достав из пачки следующую, закурил. Комбинация, предложенная Воронцовым, явно носила авантюрный характер, но именно этим она показалась майору вполне естественной для образованной и хорошо воспитанной девушки.

– Рискованно, Воронцов. А, не напугаем мы этим Покровского? Ключнет ли он за эту наживку? А, вдруг проколемся? Там, наверху, нам этот провал не простят.

В кабинете стало тихо.

– Покровский, как профессиональный разведчик и диверсант, наверняка бы, не одобрил подобный ход, предложенный его руководством, но в этом и кроется наша с вами фишка. Это непрофессиональный ход контрразведки и это, наверняка, его должно успокоить.

Зайков пристально посмотрел на Воронцова, словно ожидая от последнего спешного отказа от предложенной ему комбинации, но лицо контрразведчика было абсолютно спокойным.

– Я подумаю, – тихо произнес майор. – Ты хорошо знаешь, что один я подобные вопросы не решаю. Что скажет по этому поводу, Лаврентий Павлович и Меркулов?

Зайков закрыл, лежащую перед ним папку и встал из-за стола. Воронцов отошел в сторону, пропуская мимо себя майора, а затем направился вслед за своим начальником. Неожиданно для лейтенанта, начальник остановился в нерешительности, словно гадая идти ему на доклад или нет, но поймав на себе взгляд Воронцова, зашагал по коридору НКВД, приветствуя попадавших ему на встречу сотрудников госбезопасности.

***

Олег Андреевич медленно шел по Невскому проспекту, отмечая про себя, какие разительные перемены произошли в городе в его отсутствие. Мимо него шли люди, молодые и старые, все куда-то спешили. Он практически не встретил ни одного человека с недовольным лицом, похоже, все они наслаждались властью большевиков. Он не заметил, как ноги сами понесли к родному дому.

«Интересно, что с родителями? Живы они или нет?» – размышлял он, заметив свой родной дом.

Он обошел дом, не решаясь войти во двор. Он уже хотел повернуть назад, но неожиданно увидел дворника. Тот вышел из подъезда дома и, свернув сигарку, закурил. Заметив Покровского, он хотел укрыться от него за углом здания, но

что-то его остановило.

– Ахмет! – обратился он к дворнику. – Ты меня узнал? Вижу, что узнал....

– Да, барин. Вы из девятой квартиры?

– Все правильно. Я только сегодня приехал в город, вот решил посмотреть на свой родной дом. Ты же знаешь, что у меня здесь прошло детство и юность.

Он кивнул. В глазах этого уже не молодого мужчины мелькнул страх.

– Ты мне скажи, мои родители живы?

По лицу Ахмета снова пробежала едва заметная тень. Это не осталось без внимания Олега Андреевича.

– Чего молчишь? Говори!

– Их убили в девятнадцатом году, во время уплотнения. Тогда всех уплотняли... Вашу квартиру, присмотрел один красный начальник. Он приехал сюда с матросами. Ваш папа не хотел съезжать из квартиры, тогда матросы вытащили его во двор и расстреляли. Мама ваша умерла через месяц. Я их хоронил сам, если желаете, то я покажу вам их место захоронения.

Покровский пристально смотрел на дворника. Олег, похоже, не верил ему, а если сказать честно, то не верил, что он его не сдаст чекистам.

– Хорошо. Я для этого и приехал в город, чтобы узнать место захоронения отца и матери. Поехали, показывай!

Дворник, похоже, не ожидал, что Олег Андреевич согла-

сится посетить кладбище.

– Барин! Я сейчас не могу поехать с вами на погост. У меня много дел... Давайте, приходите завтра.

– Завтра, так завтра, – ответил Покровский.

На данный момент он был доволен тем, что узнал о судьбе своих родителей. Олег Андреевич повернулся и не спеша, вышел со двора на улицу. Он еще раз взглянул на окна родной квартиры и двинулся в сторону Невского проспекта. Что-то заставило его оглянуться назад. Около дворника стоял человек в милицейской форме. Ахмет что-то говорил ему, показывая рукой на Олега Андреевича, заставив его ускорить шаг. За его спиной раздалась трель милицейского свистка.

– Товарищ Покровский! Остановитесь....

«Предал!» – промелькнуло у него в голове.

Он буквально влетел в арку дома и бросился бежать. Еще мальчишкой он изучил все ближайшие дворы к его дому. За спиной надрывался милицейский свисток. Он открыл входную дверь в подъезд дома и, сбивая попавших людей в этом длинном и узком коридоре, вихрем пронесся в сторону выхода. Вырвавшись на улицу, он догнал отходивший от остановки трамвай и запрыгнул на подножку. Трамвай, весело звеня, уносил его все дальше и дальше от родного дома.

***

Покровский уверенно открыл дверь Центрального Пар-

тийного клуба Ленинграда на набережной Мойки и вошел внутрь. Вслед за ним последовали и его бойцы. Дорогу им преградила уже не молодая женщина.

– Товарищи! Вы к кому? – спросила она, обращаясь к нему.

– Мы товарищ, из Москвы. Моя фамилия Лазарев. Я член партии. Скажите, когда у вас будет очередное заседание?

Он достал из кармана документ на имя Олега Андреевича Лазарева и протянул их женщине. Та с интересом посмотрела на его документы.

– А почему вы не поменяли свои документы? – поинтересовалась она у него.

– Вы случайно не в ЧК работаете? Сколько вопросов, почему, зачем?

Лицо женщины покраснело. Покровский посмотрел на напряженные лица своих бойцов. Несмотря на то, что по его знаку, они должны были уничтожить всех, кто встанет у них на пути, они приготовились к атаке. Олег Андреевич кивком головы, дал им понять, чтобы они не трогали женщину.

– Товарищи! Зарегистрируйтесь. Укажите ваши фамилии и получите продуктовые карточки. Вы уже разместились или нет?

– Да, мы разместились в гостинице. Старые товарищи по подполью, помогли нам.

Все посмотрели на Покровского, ожидая от него какого-то приказа. Он подошел к столу и написал в журнале свою

новую фамилию.

– Записывайтесь, товарищи, – предложил он им. – Вы слышали, завтра будет заседание. Мы приехали вовремя.

Боевики один за другим подошли к столу и записали свои придуманные им фамилии в журнал. Покровский записал свой номер партбилета, указав номер тридцать четыре. Эта цифра вызвала у женщины неподдельное удивление.

– Вы так давно в партии? – спросила она боевика.

– Нет. Это номер моего нового партийного билета. У нас в Москве стали менять старые партбилеты на новые документы.

Они развернулись и направились к выходу.

– Товарищи! Зайдите в кабинет номер семь. Там получите ордер на вселение в общежитие. Кстати, как долго вы хотите пробыть в городе?

– Нас откомандировали лишь на два дня, – ответил ей Покровский. – Я же вам русским языком сказал, что мы разместились в у знакомых.

– Вот и хорошо. Значит, до понедельника, – произнесла женщина.

Они вышли из здания и направились в сторону вокзала.

– Скажите, почему мы отказались от общежития?

Покровский усмехнулся и промолчал. На следующий день они снова зашли в Партийный клуб. Дежурила все та же женщина. Узнав их, она приветливо улыбнулась. Они прошли в гардероб и стали снимать с себя пыльники. Они уже,

словно, не замечая, женщины стали рассовывать оружие по карманам. Все это было сделано так быстро и открыто, что женщина, увидев все это, промолчала. Они, молча, поднялись по мраморной лестнице на второй этаж и вошли в зал. В нем находилось больше тридцати человек. Среди них было несколько преподавателей Ленинградского Коммунистического Университета и Института Красной профессуры. Несколько секунд у боевиков ушло, чтобы достать из портфелей гранаты и снять с них предохранители.

Покровский размахнулся и швырнул свою гранату в толпу молодежи.

– Бомба! – закричал кто-то, но его голос утонул в грохоте взрыва.

Стены зала моментально окрасились в кроваво-красный цвет. Куски разорванных взрывом тел разлетелись в разные стороны. Вслед за первым взрывом последовали новые, разбрасывая в разные стороны осколки выбитых стекол. Кто-то из боевиков бросил в кучу сбившихся людей очередную гранату. Крики людей слились в сплошной вой. Студенты, давя друг друга, бросились к окнам, пытаясь спастись, покидая здание через выбитые взрывом окна.

– Уходим! – громко скомандовал Покровский.

Внизу они столкнулись все с той же вахтершей.

– Товарищи! Что там произошло?

– Взорвалась адская машина. Бегите в милицию или в ГПУ, – ответил Покровский. – Я кому говорю! Живо!

Женщина выскочила на улицу. Боевики, быстро схватив свою одежду из гардероба, устремились вслед за ней.

***

Корнилова Вера вошла в комнату и посмотрела на свой раскрытый чемодан. Сегодня утром она встретилась с лейтенантом НКВД Воронцовым в буфете железнодорожного вокзала. Сотрудник госбезопасности передал ей приказ центра возвращаться обратно в Киев. Он протянул ей конверт с деньгами и, развернувшись, направился по улице.

«Почему такая спешка? – подумала женщина, провожая его взглядом. – А вдруг этот Олег Андреевич честный человек и не представляет никакого интереса для НКВД? Почему они разыгрывают эту комбинацию в «темную». Я сравнительно давно работаю в контрразведки и все понимаю. Если они подозревают Покровского в работе на немецкую разведку, то почему мне об этом не говорят, и я должна играть эту роль наивной женщины?»

Отбросив в сторону свои сомнения, Корнилова направилась к дому сестры. За сборами она не услышала, как в квартиру вошла Зинаида.

– Вера! Ты это куда собралась? – спросила ее сестра, выкладывая из сумки продукты питания. – Может, объяснишь, что произошло?

– Меня срочно вызывают в Москву, – ответила она. – У моего научного руководителя изменились сроки защиты

диссертации, вот он меня и просит срочно вернуться в институт. Ты прости меня, Зина, за все хлопоты и неудобства, что я доставила тебе.

– погоди, Вера! Что за экстренная спешка? Сейчас, мы пообедаем, и я провожу тебя до вокзала.

Хозяйка прошла на кухню. Через несколько минут и из кухни потянулся запах чего-то вкусного.

– Вера! Обед готов!

Корнилова вымыла руки и прошла на кухню, где уже был накрыт стол. Обедали молча. Закончив обед, Вера поднялась из-за стола и посмотрела на часы, которые отбили полдень.

– Мне пора, – тихо произнесла она. – Через час поезд.

– Почему ты взяла билет до Киева? – спросила ее Зина. – Почему не до Москвы?

– На прямой поезд до Москвы, билетов не было, – соврала ей Вера.

Вокзал встретил их гулом и гамом. Только что подали поезд до Киева и пассажиры, схватив чемоданы и баулы с вещами, устремились к вагонам.

– А вот и мой вагон, – произнесла Корнилова. – Зина! Давай, будем прощаться.

Они обнялись. Зина едва заметным движением руки смахнула набежавшую слезу.

– Вера! Напиши, когда доберешься до дома. Я буду ждать твоего письма.

Зина помогла ей забраться в вагон. Заметив фигуру Ве-

ры в окне вагона, она помахала ей рукой. Паровоз, словно прощаясь с городом и провожающими его в дальний путь, натужно засвистел и тронулся. Женщина отошла от окна и, открыв дверь купе, опустилась на полку. Пассажиры купе с интересом посмотрели на нее.

– Здравствуйте! Меня зовут Вера, я еду до Киева, – произнесла она и стала с интересом рассматривать своих соседей.

День и ночь прошли спокойно в разговорах. Утром Корнилову разбудил настойчивый стук в дверь. Она вздрогнула и открыла глаза.

– Поезд через два часа прибывает в Киев, – громко произнес проводник вагона. – Собирайтесь и не забывайте свои вещи. За час до конечной станции туалет будет закрыт.

Вагон резко дернулся и, лязгнув железом, остановился. Паровоз пронзительно свистнул, словно прощаясь с выходящими из него пассажирами, и замолчал. На перроне началась суэта: крики носильщиков и выкрики пассажиров слились в сплошной гул. Из вагона не спеша вышла Вера и, попрощавшись с соседями по купе, направилась в здание вокзала. Она не останавливаясь, словно зная, что ее никто не встречает, направилась к выходу с вокзала. В руках ее был небольшой чемодан и, судя по ее походке, чемодан был не очень тяжелым.

Выйдя на привокзальную площадь, Корнилова направилась к остановке трамвая. Около нее остановилась легковая машина черного цвета. Из машины, буквально выскочил,

молодой человек в штатском костюме и направился вслед за ней.

– Вера! – окликнул он женщину. – Гражданка Корнилова!

Женщина остановилась и посмотрела на молодого человека. Он был явно ей не знаком.

– Извините меня, Вера, немного опоздал к прибытию поезда. Семен Иванович ждет вас.

Она улыбнулась и передала ему в руки свой небольшой саквояж. Легким движением руки она поправила свою модную шляпку и направилась вслед за водителем. Молодой человек услужливо открыл ей дверь легковушки и, убедившись, что Корнилова удобно разместилась на сиденье, закрыл дверь. Машина тронулась и понеслась по улицам города.

– Как дорога? – поинтересовался он у нее. – Меня, между прочим, зовут Евгением.

Вера промолчала. Ей не хотелось вступать в разговор с незнакомым ей мужчиной.

– Вы куда меня везете? – спросила она Евгения.

Молодой человек улыбнулся и промолчал. Он принял условия игры, предложенной Корниловой, так как давно уже их хорошо знал. Машина выехала из города и, набрав скорость, помчалась по шоссе. За окном машины замелькали сосны и березы.

– Далеко еще? – поинтересовалась она.

– Подъезжаем, – произнес Евгений. – Сейчас свернем на-

лево, а там километра два, если не меньше.

Вера достала из сумочки небольшое круглое зеркальце и, взглянув в него, быстро нанесла несколько штрихов помады по губам. Впереди показалось небольшое здание, утопающее в весенней зелени. Машина мягко остановилась посреди небольшой зеленой лужайки, на которой словно капли солнца, желтели первоцветы. Из дома вышел мужчина средних лет одетый в белый льняной костюм и быстрым шагом направился к автомобилю.

– Здравия желаю, товарищ майор, – тихо произнесла Вера, выходя из машины.

– Здравствуй, «Зорька», – ответил Семен Иванович. – Как доехала?

– Спасибо, товарищ майор. Что случилось? Чем вызван этот вызов?

Семен Иванович взял осторожно Веру за локоток, и они направились к дому.

– Как вам здесь? Вот так бы и жил в этой первозданной тишине. Нравится?

Девушка осмотрелась по сторонам и улыбнулась.

– Вы знаете, Семен Иванович, хоть я и провела свое детство в подобной местности, но бывать здесь, мне не приходилось. Красиво здесь... Кому все это принадлежало раньше?

– Графу Смольникову, но затем поляки отобрали у него это поместье, а графа расстреляли.

Они вошли внутрь здания и оказались в большом холле.

Семен Иванович рукой указал на дверь, и они направились в кабинет.

– А теперь перейдем к делу, «Зорька» – произнес он, усаживаясь за стол. – Как произошел контакт с Покровским?

– Думаю, что Олег Андреевич, хорошо меня запомнил, – ответила Вера. – Вы не поверите мне, но он всю дорогу ухаживал за мной, правда, не очень навязчиво.

– Почему не поверю, верю... – ответил майор. – Покровскому всегда нравились такие девушки, как вы.

Корнилова кокетливо улыбнулась и посмотрела на майора. Именно сейчас ей предстояло узнать, для чего ее направили из Москвы сюда.

***

Вера успешно защитила дипломную работу и была распределена на металлургический комбинат в город Челябинск. Купив билет на поезд, она вышла из кассы железнодорожного вокзала и неторопливым шагом направилась в сторону станции метро. Остановившись около почтового ящика, она достала из сумочки конверт. Письмо было адресовано ее двоюродной сестре, которая проживала в Минске. В письме, Вера сообщала сестре об окончании института и что распределилась, уезжает работать в Челябинск.

– Здравствуйте, Вера, – поздоровался с ней, незнакомый ей мужчина среднего возраста.

Она с удивлением посмотрела на незнакомца. Он был

среднего роста, его слегка подернутые легкой сединой волосы были аккуратно зачесаны назад. С левой стороны его привлекательного лица виднелся, она заметила глубокий шрам, однако, он не портил внешность этого человека.

– Извините, кто вы? Я вас не знаю, – настороженно произнесла Никонова.

– Вы не пугайтесь, – произнес мужчина, – мы просто хотим с вами поговорить.

– Кто это мы?

– Это люди из Наркомата внутренних дел.

Девушка удивленно посмотрела на мужчину. В следующую секунду на ее удивленном лице, уже читался страх.

– Вы же комсомолка, Вера, а долг каждого комсомольца помогать органам государственной безопасности бороться с врагами нашего государства. А, врагов у нас много.

Он посмотрел на нее, ожидая ее реакции на сказанное. Но судя по лицу девушки, по ее растерянному виду, она явно не понимала, о чем говорит этот импозантный мужчина.

– Извините меня, но я завтра уезжаю в Челябинск и уже купила билет на поезд.

– Это ничего не меняет, гражданка Никонова. Мы долго наблюдали за вами: за вашей учебой, за вашим окружением, то есть, друзьями. То, что вы, на третьем курсе вы ступили в студенческий театральный кружок, это наша инициатива. Вы помните, кто вам посоветовал это сделать? Мне кажется, что я вас запутал окончательно. Чтобы вы поняли, что

это не розыгрыш, я приглашаю вас завтра в НКВД, в здание которое рядом с вашим домом. Вы его хорошо знаете, так как почти каждый день вы проходили мимо него по дороге к институту. Я вас буду ждать в 8-30 утра. Спросите капитана Крымова, это я.

– Но, как быть, с распределением? Мне завтра нужно уезжать, а в понедельник я должна выйти на работу?

– Вам не стоит беспокоиться, мыотрегулируем все ваши проблемы. До завтра, Вера...

Мужчина повернулся и медленно шагая, направился по улице, оставив девушку в растерянности и удивлении.

***

Покровский выскочил из здания Партийного клуба и остановился на какую-то долю секунды, ожидая, когда его покинут его бойцы. Ждать пришлось недолго.

– За мной! – скомандовал он и бросился бежать в переулок.

Навстречу им бежало несколько милиционеров, доставая на ходу «Наганы».

– Я, из ОГПУ! – громко закричал он им. – Что вы смотрите?! Там кидают бомбы, масса раненых, а вы топчетесь здесь! Бегите, скорее! Вызывайте, кареты скорой помощи! Спасайте живых! Живо!

Растерянные милиционеры остановились в нерешительности.

– Мне, что вам дважды повторять! – снова закричал он на них, своим командным голосом. – Живо исполнять!

Милиционеры побежали к дверям здания, из которого стали выползать и выходить раненые люди.

– На вокзал! Нам здесь больше делать нечего! – приказал Покровский своим товарищам, сворачивая к остановке трамвая.

Дождавшись пригородного поезда, они спокойно вошли в вагон. Добравшись до станции Левашова, они углубились в лес.

– Господа! – тихо произнес Покровский. – Мы с честью выполнили свой дог. Мы отомстили коммунистам за кровь и смерть наших товарищей. Теперь мы можем спокойно уходить за кордон.

Боевики, молча, выслушали эту небольшую речь своего командира. Каждый из них хорошо понимал, что нужно, как можно быстрее уходить за границу.

– Господа! Предлагаю разбиться по парам. Так, думаю, нам будет проще перейти границу.

С Олегом Андреевичем пошел совсем молодой прапорщик Дроздовского полка Семенов. Они прошли километров около десяти, пока не наткнулись на дозор пограничников.

– Стой! Кто идет!

Покровский выхватил из-за пояса «Маузер» и выстрелил. Тишину леса разорвал истошный крик. Не останавливаясь, они бросился вглубь леса. Они бежали, не разбирая дороги.

Где-то не далеко за собой они слышали топот сапог, преследовавших их пограничников.

– Стой! Стрелять будем!

Где-то рядом хлопнула два винтовочных выстрела. Краем глаза Олег Андреевич заметил, как нелепо размахивая руками, за ним бежал Семенов. За спиной хлестко прозвучал винтовочный выстрел. Семенов, словно споткнувшись, рухнул в траву.

– Господин капитан! Не бросай!

Покровский, не раздумывая, выстрелил ему в голову. Он заметил, как дернулось тело прапорщика. Рука, державшая наган разжалась, и оружие исчезло в густой молодой траве.

За спиной снова послышались винтовочные выстрелы. Пуля, слегка коснувшись его уха, впиалась в ствол вековой сосны, выбив из нее крупную белую щепку. Он спрятался в густом ельнике. Покровский все время ждал, когда на поляне появятся преследователи, но их почему-то не было. Олег Андреевич решил больше не рисковать. Он провел в ельнике полдня и лишь, когда окончательно стемнело, он выбрался из него и снова направился в сторону границы. В этот раз ему повезло. Вскоре он пересек границу и направился к небольшой финской станции.

– Предъявите ваш билет? – обратился к нему контролер, на ломаном русском языке.

– Извините, но я не успел купить билет, боялся опоздать на поезд. Давайте, я куплю у вас билет прямо сейчас?

– Без билета нельзя! Вам придется выйти на станции, а иначе я позову полицию.

Покровский, молча, достал из кармана золотой червонец и протянул его контролеру. Тот с удивлением посмотрел на монету, которая блеснула в свете его фонарика.

– Других денег у меня нет, – произнес он. – Вас устраивает подобная плата за билет?

Контролер посмотрел по сторонам и, взяв в руки золотую монету, быстро сунул ее в брючный карман. Он улыбнулся Покровскому и направился дальше по вагону.

«Надо же, – подумал он. – Все в этом мире решают деньги»

Паровоз резко дернулся, заставив его ухватиться за ручку сиденья, и стал медленно замедлять свой бег. Впереди показались огни города.

***

Вера с трудом открыла массивную дверь. Открыв еще одну дверь, она оказалась в большом и мрачного вида помещении. Белая мраморная лестница вела куда-то наверх.

– Гражданка! Вам кого?

Она обернулась и заметила мужчину в форме, который сидел за столом, покрытого зеленой тканью.

– Мне нужен капитан Крылов. Он меня пригласил к 8-30.

– У вас есть с собой документы, удостоверяющие вашу личность?

– Студенческий билет подойдет, – спросила она военнослужащего.

Она протянула ему документ и стала наблюдать, как он записывает ее данные в большую амбарную книгу.

– Подождите минутку, – произнес дежурный и, пододвинув к себе телефонный аппарат, начал набирать на нем номер капитана.

Крылов остановился на ступеньках лестницы и махнул Никоновой рукой. Она быстро поднялась по лестнице и направилась вслед за ним. Он открыл тяжелую дверь, и она оказалась в просторном кабинете.

– Присаживайтесь, Вера, – предложил он ей, указав девушке на большое кожаное кресло. – Давайте, поговорим.

Разговор явно затягивался и капитан Крылов стал все чаще поглядывать на ручные часы, которые лежали у него на столе.

– Теперь я готов услышать, что вы скажите на мое предложение о направлении вас в школу разведки?

Он внимательно смотрел на нее, стараясь понять, каков будет ее ответ.

– Вы знаете, товарищ Крылов, я совсем не уверена в том, что у меня что-то получится. Вы знаете, я просто боюсь подвести вас.

– Вера! Если бы я не был уверен в ваших способностях, я бы вам не предлагал все это. Я верю, вам и убежден, что вы сможете все, чем вас начат в этой школе.

– Как быть с Челябинском?

– Мы все уладим, не стоит беспокоиться, – заверил ее капитан. – Я сейчас дам команду и вам вернут деньги, которые вы затратили на приобретение билета.

– Хорошо, я согласна.

– Вот и отлично. Другого ответа, я от вас, не ожидал. С этого момента вы становитесь курсантом разведшколы НКВД. Думаю, что мне нет необходимости предупреждать вас о том, что с этого момента вы не должны никому и ничего рассказывать о школе, ваших контактах с товарищами по учебе....

– Я все поняла, товарищ капитан.

– А, сейчас, я провожу вас в отдел кадров. Все, что вам необходимо знать, вам расскажут там.

Они вышли из кабинета Крылова и направились на третий этаж, где находился кабинет инспектора кадров.

***

Вера вышла из гостиницы и, осмотревшись по сторонам, направилась в сторону центра города. В голове ее крутился разговор с директором гостиницы.

– Скажите, как мне найти Олега Андреевича? – поинтересовалась она у него. – Когда я у вас останавливалась, он представлял вас своим другом? Я хотела бы встретиться с ним?

– Извините меня, но я не знаю, кто такой Олег Андреевич.

Мало ли кто представляется моим другом.

– Как это вы его не знаете? А, меня вы помните? Две недели назад я проживала у вас в гостинице? Мой номер был 312.

Директор улыбнулся Корниловой и, подняв трубку телефона, позвонил администратору.

– Тоня! Зайдите ко мне. Кстати, захватите с собой журнал регистрации наших постояльцев.

Он посмотрел на женщину, мысленно представив, как будет удивлена она, когда не увидит своей фамилии в журнале регистрации. Тоней, оказалась женщина средних лет с большой рыжей копной на голове.

– Вот эта женщина утверждает, что она проживала чуть более двух недель назад в нашей гостинице. Жила она в номере 312.

– Вы же хорошо помните, Гиви Вахтангович, что в этом номере был ремонт. Там прорвало трубу с холодной водой, поэтому в этом номере мы никого не селили.

Директор протянул руку и, взяв журнал, начал его листать.

– Посмотрите, с первого мая до двадцать третьего мая, в этом номере никто не проживал. Так что, уважаемая гражданочка, вы что-то путаете. Извините, но ничем помочь вам не могу.

«Я же здоровая женщина, а здесь из меня делают невменяемого человека, – невольюно подумала она. – Нужно что-то предпринимать».

Она шла по бульвару. Неожиданно для себя она ощутила чей-то взгляд. Сердце Веры учащенно забилося. Она оглянулась назад в надежде найти этого человека, однако в плотном потоке пешеходов сделать ей это не удалось. Она свернула в арку большого дома и, заметив во дворе скамейку, присела на нее.

«Если за мной наблюдают, то этот человек непременно последует за мной и тем самым себя обнаружит», – решила она.

Время шло, но в арке никого не было.

«Неужели показалось?» – подумала она, продолжая наблюдать за аркой.

– Вы позволите? – услышала она мужской голос, от которого она вздрогнула.

Женщина обернулась, рядом с ней на лавочке сидел лейтенант Воронцов.

– Спокойнее, – произнес молодой человек. – Пока все идет по плану. Больше в гостиницу не ходите. Главное, вы обозначили свое присутствие в городе. Передадим инициативу им.

Воронцов стал с лавочки и, закурив, направился в сторону арки.

«Наверное, он прав. Нужно вести себя крайне спокойно. Пусть найдут меня сами», – подумала Вера.

Она посидела на лавочке еще минут пятнадцать и, поднявшись, направилась в сторону улицы. Она быстро добра-

лась до вокзала, забрала свой чемодан из камеры хранения и поехала в гостиницу. Вечером ей позвонили в номер.

– Добрый вечер, Вера, – услышала она в телефонной трубке голос Олега Покровского. – Я приношу свои извинения за эту неувязку с гостиницей. Я не рассчитывал, что вы станете меня искать.

– Я хотела вам возместить ваши затраты. Как говорят, долг платежом красен.

– Я не привык брать деньги с женщин, – ответил Покровский. – Я хочу скрасить столь неприятную ситуацию и поэтому предлагаю встретиться завтра в любом месте Киева.

– Хорошо, я не против встречи.

– Вот и ладненька. Тогда завтра в 19-00 в ресторане вашей гостиницы.

Корнилова положила трубку и подошла к окну. За окном бушевало лето. Она приоткрыла окно и стала готовиться ко сну.

***

Никонова Вере легко давались практически все специальные дисциплины, которые инструктора преподавали курсантам в разведшколе. Группа, в которую она входила, была небольшой, в основном в ней учились выпускники технических ВУЗов. Среди них ходили слухи, что после окончания, многие из них будут направлены на работу за границу.

Сама школа располагалась Башкирии. Курсанты жили в

казармах, которые полукругом размещались около административного здания, в котором жили инструктора школы. Никонова, одетая в серенькое демисезонное пальто пересекла плац, когда ее окликнул дежурный по школе.

– Курсант «Зорька»! Вас срочно вызывает к себе начальник школы.

Никонова развернулась и направилась в сторону административного здания.

– Разрешите войти, – произнесла Вера, входя в кабинет начальника школы.

Несмотря на звание майора госбезопасности, он не любил носить военную форму, предпочитая ей гражданский костюм. Вот и сегодня он был одет в свитер серого цвета.

– Проходи, «Зорька», – произнес он.

Девушка прошла в кабинет и села на предложенный им стул.

– С тобой хочет поговорить капитан Крылов. Надеюсь, ты помнишь его?

– Да.

– Вот и хорошо. Поговорите, а я пока выйду.

Он вышел из кабинета, оставив в нем девушку. Через минуту в кабинет вошел капитан Крылов.

– Здравствуй, «Зорька». Мне сказали, что сейчас тебя так здесь зовут. Как мне докладывали, успеваемость у тебя хорошая. Я рад, что не ошибся в тебе. Я специально приехал сюда, чтобы встретиться с тобой и поговорить.

Он посмотрел на девушку и, заметив в ее глазах заинтересованность, продолжил.

– Органами НКВД арестован генерал Стеблев. Причина ареста, участие в антиправительственном заговоре, организованную бывшим маршалом СССР Тухачевским. Так вот, мы еще раньше заметили в его окружении бывшего террориста, а в последующем и немецкого агента некто Покровского. Мы тогда хотели его задержать, но ему удалось скрыться. Насколько мы знаем, сейчас этот немецкий шпион ищет подходы к генералу Жиглову, который был знаком с арестованным генералом Стеблевым. Они не то, что были знакомы, но и дружили семьями.

Он сделал небольшую паузу и посмотрел на Никонову, которая с большим вниманием слушала его рассказ.

– Так вот, сейчас генерал Жиглов довольно часто стал навещать семью своего репрессированного товарища. Чем это вызвано, пока мы не знаем, может памятью к другу, может чем-то другим. У генерала Стеблева есть племянница – Корнилова Вера. Вы с ней одногодки.

– Простите, товарищ капитан, но я не понимаю, почему вы мне об этом говорите? – спросила его девушка.

– Дело в том, что нам стало известно, что немецкую разведку сильно заинтересовала фигура генерала Жиглова, после его перевода в Западный военный округ. Сейчас он занимает должность начальника оперативного отдела штаба округа. Мы считаем, что немецкая разведка попытается за-

вербовать его, используя его связь с семьей генерала Стеблева.

– Неужели, вы считаете, что я смогу подменить племянницу репрессированного генерала? Мне кажется это полная утопия. Во-первых, для того, чтобы сыграть роль племянницы генерала Стеблева, я должна хорошо знать о ней абсолютно все.

– Правильно мыслишь, Вера.

– Для этого мы повелим вас в их доме, правда, ненадолго. За это время вы должны узнать о Корниловых все. Надеюсь, вы поняли меня?

– А как быть со школой? Я еще много не знаю...

– Это даже хорошо, что вы не знаете, так будет проще играть роль Корниловой, ведь она простая и наивная девушка. Вы не волнуйтесь, мы подберем для этой операции и ваших новых соседей, это так на случай проверки. И самое главное в этой нашей затее, что вы очень похожи на саму Веру Корнилову. Вы словно две родные сестры.

Никонова, молча, смотрела на Крылова, ожидая, что он скажет дальше.

– Завтра получишь документы у начальника школы и выезжаешь в Москву. Вот возьми, это номер моего телефона. Как прибудешь в город, позвони.

Капитан поднялся из-за стола и пожал ей руку.

– Удачи тебе, «Зорька».

Вера вышла из кабинета и направилась в казарму.

***

Олег Андреевич Покровский в начале 1930 года, после очередного теракта на территории СССР, окончательно уверовал в то, что изменить политический строй одними терактами практически не возможно. Реальной силой в Европе, которая что-то могла была Германия. В этой стране нарождалась совершенно новая политическая сила, которая, как он думал, рано или поздно, вступит в войну с Россией. Ему на тот момент, было все равно, кто поведет наступление на коммунистов, главное было то, что эта сила должна была сломать хребет Советской власти.

Оставив Париж, Покровский перебрался в Берлин, где поселился в предместье Берлина. Вскоре, ему повезло, судьба свела его с представителем военной разведки Германии. Разговор между двумя профессионалами был недолог, Полковник Хельмут Браун предложил Олегу Андреевичу сотрудничать с немецкой разведкой. Он практически сразу дал свое согласие.

– Вам приходилась работать в разведке? – спросил его Браун.

– Я входил в боевую группу, и мне несколько раз приходилось бывать в стране Советов. Я организовал ряд нападений на представительство большевиков, в том числе нападение на Партийный клуб в Ленинграде и покушение на Сталина. Так что, опыт кое-какой имеется.

Ответ Покровского вызвал у Брауна улыбку. Он знал об этом человеке многое и сейчас, душа его торжествовала.

– Скажите, Олег Андреевич, вы готовы отправиться в Россию снова, чтобы доделать то, что не смогли сделать? Ну, например, убить Сталина?

– Готов, господин Браун. Я постараюсь быть полезным новой Германии.

– Это хорошо. Другого ответа я от вас не ожидал. Остались лишь отдельные штрихи. Я вас завтра жду здесь же в 10-00.

Они разошлись. Сейчас находясь в купе скорого поезда Москва-Киев, он снова вспомнил полковника Брауна. Он сидел с закрытыми глазами и вспоминал ту памятную для него встречу, которая смогла снова вернуть его на тропу войны с Советской властью..

«Интересно, что подумают мои боевые друзья об этом шаге? – размышлял он. – Впрочем, какая мне разница, что подумают они. Немцы, это реальность сила, которая может вернуть нам Россию без большевиков».

Олег Андреевич открыл глаза и посмотрел на вошедшего в купе молодого человека.

– Добрый вечер, – поздоровался он с Покровским.

– Добрый. Вам далеко? – поинтересовался он у попутчика.

– До конечной....

– Значит, до Киева.

Мужчина поднял полку и поставил под нее свой небольшой чемодан. Сев на полку, он достал из кармана газету и начал читать. Покровский с интересом смотрел на него, словно не решаясь задать ему вопрос. Мужчина, похоже, заметил его любопытный взгляд и, улыбнувшись, сложил газету.

– Вы что так на меня смотрите? – задал ему вопрос мужчина.

– Вот гадаю, кем вы работаете?

– И что вы решили? Кто я по специальности?

Покровский таинственно улыбнулся.

– Я думаю, что вы по профессии инженер. Угадал?

В этот раз удивленно улыбнулся мужчина.

– Угадали, – ответил мужчина. – Я действительно работаю инженером. В Киев еду по производственным делам.

«Неужели я ошибся и он действительно инженер, а не чекист? Нервы, Покровский! Выходит, напугала тебя Корнилова Вера, когда пошла по цепочке твоих людей?»

– А вы кем работаете?

– Я директор школы, – ответил Покровский. – Я педагог. Олег Андреевич Помазкин, позвольте представиться.

– Шилов Евгений Семенович...

Шилов открыл свой кожаный портфель и достал из него бутылку армянского коньяка.

– Как, вы не против того, чтобы обмыть наше знакомство? – предложил ему инженер. – Нам ехать далеко, а с ней, да за разговором и дорога покажется более короткой.

«Отказаться или принять предложение? – подумал он. – Если я действительно директор школы, то я должен согласиться. Отказ может вызвать подозрение»

Олег Андреевич улыбнулся.

– Даже, с превеликим удовольствием, – ответил он. – Всегда приятно выпить с хорошим человеком. Вы сами москвич?

– Нет. Я из Ленинграда. Вызывали в Главк....

– Давно я не бывал в этом городе, – словно размышляя, тихо произнес Олег Андреевич. – Как он, город, пролетарской революции?

– Стоит, что ему будет? Вам, приходилось там бывать?

– Моя юность прошла в этом городе. Раньше он был Петербургом, затем Петроградом, а сейчас городом Ленина.

Шилов разлил коньяк по стаканам и они, чокнувшись, выпили.

***

Покровский встретился в Москве с «Замком».

– Ты, надеюсь, уже посетил квартиру, Корниловой? – спросил его Покровский, глядя пристально в лицо собеседника.

Тот сплюнул на пол и посмотрел на Олега Андреевича. В какой-то момент их глаза встретились. Они, молча, стояли и рассматривали друг друга. Наконец, тот отвел свой взгляд в сторону. Лицо «Замка» покрылось красными пятнами. Он

был авторитетным вором и всегда умел отвечать за свои слова.

– Да. Я чуть не «запалился» там. Роюсь в ее вещах, смотрю фотоальбомы. Одно слово, увлекся. Шарю я по квартире и вдруг стук в дверь. Я тихонько подхожу к двери, смотрю в глазок, а за дверью стоит старуха, божий одуванчик.

– Вера! Открой дверь, это тетя Мариша. Я хорошо слышала, как хлопнула твоя дверь. Ты, что там затаилась? Ты не одна? – продолжил «Замок» свой рассказ. – Я достал нож, думаю, что, если она не отойдет от двери, то затащу ее в квартиру и кончу. Старуха постояла с минуту и ушла.

Покровский улыбнулся. Он представил лицо «Замка» побелевшего от страха и сжимавшего в руке нож.

– Что в квартире?

– Там все нормально. Вот забрал из альбома фотографию, – произнес он и протянул Покровскому две фотографии.

Олег Андреевич взял в руки фотографии и стал их рассматривать. Взглянув на «Замка» он сунул их в боковой карман пиджака.

– Писем не было?

– Не нашел...

– Хорошо. Меня не ищи, я сам найду тебя, – ответил Покровский и, развернувшись, моментально исчез в потоке граждан, торопившимся на футбольный матч.

В тот же вечер, радист «Абвера», принял радиограмму.

«Интересующий объект, действительно, племянница, репрессированного генерала Стеблева. Прошу разрешить дальнейшую разработку объекта».

Прочитав полученную радиограмму, начальник Варшавской школы «Абвера», улыбнулся. Он взглянул на лейтенанта, который стоял перед ним, вытянувшись в «струнку» и, сдерживая внезапно нахлынувшую на него волну радости, произнес:

– Передайте, «Директору», что командование «Абвера» санкционировало вербовку агента.

– Яволь, господин полковник, – четко произнес лейтенант и, развернувшись, вышел из кабинета.

Офицер подошел к серванту и, открыв створку, достал из него хрустальную рюмку. Налив в рюмку французского коньяка, он выпил. На столе зазвонил телефон. Полковник посмотрел на аппарат. По данному телефону мог звонить лишь один человек, и этим человеком был адмирал Канарис.

– Слушаю, господин адмирал.

– Скажите, полковник, на каком этапе находится операция «Мотылек»?

– Господин адмирал! Я только что получил радиограмму. Интересующий нас объект действительно, является родственницей, репрессированного генерала Стеблева. Я минутому тому назад дал команду на ее вербовку.

– Это нужно сделать очень искусно. Не напугайте объект.

– Я все понял, господин адмирал.

На том конце провода раздались гудки отбоя. Полковник вытер вспотевший лоб и, взяв в руки бутылку с коньяком, налил себе еще рюмку. Выпив спиртное, он сел в кресло.

«Операция переходит в основную фазу, – подумал он. – В случае успеха: почет, очередная должность, перевод в Берлин. В отрицательном случае: военно-полевой суд...».

Что ожидало его за этим многоточием, он не знал и сам. Он боялся этого многоточия, так хорошо знал, что Канарис никогда не прощал подобные провалы. Полковник тяжело вздохнул и, надев на голову фуражку, вышел из кабинета. Постояв на пороге особняка, он направился в класс, где обучались диверсанты. Он без стука вошел в помещение. Курсанты вскочили с мест и вытянулись по стойке смирно. Он махнул рукой и вышел из класса. В соседнем помещении занимались радисты. Полковник посмотрел на их сосредоточенные лица и, снова, не произнося ни слова, вышел в коридор.

***

Стояла темная осенняя ночь. «Замок» и трое его товарищей двигались вдоль забора, который примыкал к промтоварному магазину. Они еще утром узнали, что в магазин завезли большую партию тканей, дорогих шуб из черно-бурой лисы. Они на какой-то миг замерли, заметив сторожа, который курил около дверей торговой точки.

– «Замок»! Что будем делать? – спросил его крупный

мужчина в клетчатой кепке. – Нюрка говорила, что охраны нет!

– Разве это охрана, «Слепой», – ответил он. – Это же старик, он сам себя охраняет от смерти.

Охранник докурил сигарку и, забросив за плечо охотничье ружье, шаркая ногами, направился вдоль здания.

– Глушани его, «Слепой», но только без мокрухи. Она нам с тобой не нужна.

Через секунду мужчина исчез за углом магазина. Тишину ночи разорвал крик человека. Через несколько секунд появился «Слепой», держа в руках ружье.

– Пошли! – коротко произнес «Замок» и направился к дверям магазина.

Он позвал к себе худого высокого мужчину, в руках которого была «фомка».

– Давай, вскрывай, – скомандовал он.

Мужчина ловким движением руки и «фомки» сорвал навесной замок и отбросил его в сторону.

– Где машина?

«Слепой» дважды свистнул и к магазину, подъехала полупортка. Они все буквально бросились внутрь помещения и стали оттуда вытаскивать рулоны с тканью, шубы... Все это они грузили в кузов автомобиля. Где-то совсем рядом раздался свист. «Замок» на какую-то долю времени замер, а затем бросился к полупортке. Вслед за ним, бросив из рук вещи, мужчины метнулись к машине. «Слепой» не добежав до

грузовика метра два, упал, взмахнув сильными руками. Из-за домов появились сотрудники милиции, которые открыли огонь по автомашине. Пули рвали деревянный борт полуторки, находя в нем все новые и новые человеческие жертвы. То, что это засада, «Замок» понял сразу. Он вытолкнул из кабины тело убитого водителя и прикрываясь стоявшей машиной, метнулся в сторону ближайших домов. Как он и предполагал, сотрудники милиции и оперативники, не стали стрелять в сторону домов, куда буквально летел «Замок». В какой-то момент он понял, что у него уже нет сил бежать. Сердце стучало где-то в голове, толчками гоняя кровь по сосудам тела. Неожиданно его нога зацепилась за что-то, и он с криком повалился на землю. Кто-то в темноте помог ему подняться на ноги.

– Давай, сюда, – произнес мужчина и, подхватив его под руку, чуть ли не силой затащил его в дом. – Не бойся, все будет хорошо... Давай, вот сюда и тихо.

Он впихнул его в какую-то низкую нишу, которую закрыл занавеской. В ту же секунду в дверь кто-то громко застучал.

– Откройте, милиция!

Незнакомец открыл дверь.

– Включите свет! – произнес сотрудник милиции, входя в прихожую. – Вы одни?

– Нет. Теперь нас двое, вы и я.

– Мне не до шуток, – произнес он.

Он отодвинул его в сторону и прошел в дом. Окинув зал

взглядом, он вернулся в прихожую, около двери которой, по-прежнему стоял мужчина.

– Я вам посоветую не выходить из дома. Милиция проводит спецоперацию по розыску и задержанию опасных преступников.

– Я все понял, товарищ милиционер.

«Замок» услышал, как сначала хлопнула входная дверь, а затем щелкнул замок.

– Выходи, – коротко произнес мужчина и отодвинул занавеску в сторону. – Все ясно, можешь ничего не говорить, я уже все знаю. Как мне тебя называть?

– Зови «Замок», мне так привычней. А, как вас величать? Мужчина улыбнулся и жестом руки указал ему на зал.

– Давай, поговорим, – предложил он «Замку».

Тот, молча, прошел в зал и сел за стол

***

Вечер бы необычно жарким. Корнилова вышла из номера и неторопливым шагом направилась в сторону ресторана. Она увидела Олега Андреевича, который стоял у колонны, держа в руке газету. Заметив женщину, он улыбнулся, сложил газету и торопливым шагом направился в ее сторону.

– Боже мой, Вера! Я почему-то подумал, что вы обиделись на меня и не придете. Как хорошо, что я ошибся. Простите меня, я хочу оправдаться перед вами. Дело в том, что мой хороший знакомый просто испугался. Он почему-то принял

вас за фининспектора. Видите ли, когда я уговорил его поселить вас в гостинице, я просто не знал, что этот номер был только что отремонтирован. Чтобы все это не вызывало никаких вопросов у проверяющих инстанций, Гиви Вахтангович, не стал вас официально регистрировать. На тот момент, он посчитал, что так будет лучше для нас всех.

Корнилова улыбнулась, выслушав его столь горячее объяснение.

– Я не сержусь на вас, Олег Андреевич. Я хотела извиниться перед вами за понесенные вами расходы и вернуть вам долг. Кстати, я взяла с собой деньги и могу вернуть их вам.

Она открыла свою небольшую сумочку и стала в ней шарить рукой. Нашупав в ней конверт, она протянула его Покровскому.

– Вот, возьмите....

– Что вы, Верочка! Какие деньги. Вы не поверите, но я рад снова увидеть вас в Киеве. Вы надолго остановились в городе?

– Нет. Я уезжаю завтра в Москву. У меня могут возникнуть определенные проблемы. У генерала Жиглова в конце месяца день рождения, а в это время вызывают в Москву, в Генеральный штаб Красной Армии. Вот его супруга и попросила меня приютить его на время. Вот я спешу домой, чтобы привести квартиру в порядок, чтобы он мог отпраздновать свой день рождения у меня.

Женщина видела, как отреагировал на это сообщение По-

кровский. По лицу Олега Андреевича пробежала волна различных эмоций.

– Я знаком с генералом. Меня познакомил с ним ваш дядя генерал Стеблев. Он, наверное, уже и не помнит меня... Очень интересный человек, я думаю, что у нас нашлись бы темы для разговора с ним. Он по-прежнему увлекается охотой или забросил это дело?

Они вошли в зал ресторана.

– Вон наш столик, Вера. Как вам место? Нравится?

– Не место красит человека, а человек место.

Покровский засмеялся, прикрыв рот ладонью. Они не успели сесть, как рядом с ними оказался официант. Он склонил голову, здороваясь с ними и молча, положил перед каждым из них меню.

– Вера! Заказывая столик сегодня днем, я сделал предварительный заказ. Принесите нам холодные закуски, – распорядился Олег Андреевич. – Значит, завтра в Москву? Вы не поверите мне, но я тоже в ближайшие дни буду в Москве. Как вы смотрите на то, чтобы встретиться в столице? Я плохо знаю этот город и надеюсь, что вы выкроите денег, чтобы показать мне красоту города

Женщина мило улыбнулась ему.

– А почему бы и нет? Я в отличие от вас, Олег Андреевич, прятаться не собираюсь.

По лицу Покровского пробежала едва заметная тень. Он улыбнулся и положил свою ладонь на кисть женской руки.

– Что мне еще сделать, чтобы искупить свою вину перед вами?

– Я вас уже давно простила, – произнесла Корнилова. – Все хорошо. Приезжайте в Москву, я рада буду увидеть вас у себя в гостях. Кстати, вы, наверняка, встретитесь с другом моего дяди, генералом Жигловым

К ним подошел официант и стал расставлять на стол закуски. Расставив блюда, он ловко открыл бутылку с вином и разлил напиток по бокалам.

– Хочу выпить за вас, за ваше очарованье, за вашу улыбку, от которой тает снег.

Они чокнулись и, выпив вино, стали закусывать.

– Вера! Скажите, пожалуйста, вам известна судьба вашего дяди, генерала Стеблева?

Женщина пристально посмотрела на Олега Андреевича. Покровский сразу понял, что вопрос его был немного некорректен. Но, она, словно взвесив все за и против, ответила:

– Я не знаю, что вам сказать. После ареста дяди от него не пришло ни одного письма. Он, был осужден без права переписки.

– Понятно. Почему я поинтересовался судьбой вашего дяди, просто у меня есть хороший приятель в этой организации, который мог бы помочь нам в этом.

Корнилова снова посмотрела на Покровского. В глазах женщины затеплилась определенная надежда.

– Могу ли я рассчитывать, что наш разговор останется

тайной?

– О чем речь, Вера? Я порядочный человек

– Тогда я прошу вас, наведите справки.

В ресторане заиграла музыка. Покровский поднялся из-за стола и пригласил женщину на танец.

***

Шел 1933 год. Осень в Грузии выдалась сухой и теплой. Иосиф Виссарионович в окружении членов ЦК ВКП (б) вышел из здания ЦК Компартии Грузии, в котором провел заседание. Рядом с ним, стараясь шагать в ногу с вождем, шел Лаврентий Берия. Сталин шел, молча, бросая иногда свой взгляд Лаврентия. Он был доволен отчетным выступлением этого человека, который, как ему показалось, сумел очень грамотно и тонко подчеркнуть направляющую роль Коммунистической партии и огромную роль в ней самого товарища Сталина.

– Товарищи, всех прошу занять свои места в машинах! – громко произнес Молотов. – Все по машинам!

Вождь направился к своей автомашине. Водитель открыл дверь и молча, посмотрел на него. Неожиданно для всех, Сталин остановился и развернувшись направился к машине Лаврентия Берии.

– Я хотел уточнить одну деталь, – произнес он. – Давайте, это сделаем прямо сейчас, в пути.

Он вел в машину первого секретаря ЦК Компартии Гру-

зии, и кортеж медленно выехал из ворот особняка. Колонна двинулась, и трудно было понять, в какой именно машине следует Сталин, так все машины были одной и той же марки и цвета.

Покровский лежал в придорожных кустах и внимательно рассматривал дорогу. Еще вчера вечером ему сообщили о возможном маршруте правительственной колонны. Сейчас, он с каким-то лишь ему понятным наслаждением он смотрел на мост через реку Лашупсе, по которому должен проследовать кортеж Сталина.

Вчера им удалось заложить около десяти килограмм динамита под опору моста. По расчету горного инженера, этого количества взрывчатки было вполне достаточно для уничтожения моста. Два часа назад, на мосту был выставлен наряд красноармейцев для охраны. Олег Андреевич перевел свой взгляд на красноармейцев, которые двигались по мосту навстречу друг другу.

Время шло, ожидание кортежа медленно превращалось в пытку. Хотелось встать с земли, и открыто направиться в сторону моста. Олег Андреевич хорошо понимал, что эта идея, рожденная ожиданием, утопична. Что его тут же расстреляет стоявший на мосту наряд, который по всей вероятности имеет приказ стрелять в любого человека, который окажется на дороге.

«Где же кортеж? – спрашивал он себя. – Ошибка исключена».

Под опорой моста затаился подрывник, который должен запалить бикфордов шнур.

«Шансов спастись у него, практически нет, – размышлял Покровский, который перевел свой взгляд, на опору моста. – Где ты там?»

Однако, сколько он не вглядывался в бинокль, подрывника он увидеть не смог. Вдалеке показалась картеж из машин, которые стремительно приближались к мосту.

«Пятая машина, – произнес Покровский, словно его мог услышать подрывник. – Подрывать только пятую машину!»

Первые машины миновали мост, когда под пятой машиной раздался мощный взрыв. Машину словно кто-то подбросил вверх. Она несколько раз перевернулась в воздухе и рухнула с моста в реку. Покровский поднялся с земли и чуть ли не бегом бросился к полуторке, которая стояла в кустах.

– Жми! – коротко бросил он водителя. – Быстрее, пока район не заблокировали чекисты!

Машина рванула с места и, подняв облако серой дорожной пыли, исчезла за поворотом.

***

Москва, лето 1940 года. Корнилова, услышав настойчивый звонок в дверь, направилась в прихожую. Прежде, чем открыть дверь, она посмотрела в глазок. За дверью, переминаясь с ноги на ногу, стоял Покровский с громадным букетом алых роз. Вера открыла замок и скинула цепочку.

– Разрешите, Верочка? – спросил он у Корниловой и, заметив ее кивок, вошел в прихожую.

Из зала доносилась музыка и не стройное пение. Пели плохо и это, невольно резануло по слуху Олега Андреевича. Он поморщился. Это не ускользнуло от глаз Веры.

– Похоже, я немного опоздал? – произнес он. – Работа....

Он вручил букет хозяйке квартиры и вошел в зал.

– Позвольте представить вам моего хорошего друга Покровского Олега Андреевича. Это тот человек, который не дал мне погибнуть в Киеве, когда у меня преступник похитил документы и деньги, – громко произнесла Корнилова. – И вообще, он хороший и приятный человек.

Музыка стихла. Все гости с благодарностью посмотрели на Олега Андреевича. Вера подвела его к генералу Жиглову, который вальяжно восседал в кресле.

– Иван Семенович! Хочу представить вам своего друга Покровского, о котором я вам рассказывала.

Генерал посмотрел на него, отметив про себя его военную выправку.

– Спасибо, Вера. Очень рад. Скажите мне, Олег Андреевич, вы раньше служили? – поинтересовался у Покровского генерал. – У вас настоящая военная выправка, которую, сейчас, редко встретишь у наших командиров.

– Приходилось, товарищ генерал. Я в юности окончил Московское юнкерское училище.

– Надо же! – многозначительно произнес генерал. – Я знал

ранее выпускников этого училища. Там хорошо учили военному делу. Мне кажется, что мы с вами раньше встречались?

– Так точно, товарищ генерал. Меня вам представлял мой хороший знакомый генерал Стеблев. Правда, это было где-то около пяти лет назад на даче у Ермоловых.

Генерал сморщил лоб. Лицо его приобрело комическое выражение, но Покровский даже не улыбнулся. Он по-прежнему пристально смотрел на генерала, заставляя того, рыться в сундуках памяти.

– Погодите, погодите молодой человек. Я что-то припоминаю, – произнес Жиглов.

– Вы, тогда были в гражданском костюме молочного цвета, – напомнил ему Покровский.

Генерал снова сморщил нос. По его лицу было заметно, что он пытается вспомнить тот летний вечер на даче Ермоловых. Сколько он не старался, но никак не мог вспомнить этого человека.

– Извините меня, но я не могу вас вспомнить, – словно извиняясь, ответил генерал. – Если вам не трудно, напомните мне, где и когда мы еще встречались?

По лицу Покровского пробежала едва заметная тревожная тень. Он явно не ожидал подобного вопроса от генерала. На его лице зарделся румянец.

– После того, что произошло с генералом Стеблевым, это не мудрено, Иван Семенович. Вы, же хорошо знаете, что многие его знакомые отвернулись от него, стараясь забыть

не только его лично, но и все, что связано с ним.

Генерал посмотрел на Покровского. В его глазах сверкнули недобрые огоньки. Еще никто не обвинял его в трусости и чтобы уйти от неудобного вопроса, он решил поменять тему разговора.

– Мне, Вера, рассказывала, что вы можете навести справки о состоянии генерала Стеблева? Это правда? Я это сделать официально не могу, поймите меня правильно.

Олег Андреевич ухмыльнулся. Сейчас, он был абсолютно уверен, что был приглашен Верой на эту семейную вечеринку, именно из-за этой возможности.

– Перед тем, как прийти сюда и встретиться с вами, я навел необходимые справки. Генерал Стеблев расстрелян еще месяц назад. Его пытали, требовали, чтобы он выдал участников заговора, но сломить его волю, они не смогли.

Генерал Жиглов принял эту весть довольно спокойно, что свидетельствовало о том, что ему была хорошо известна судьба Стеблева. Он извинился перед генералом и отошел в сторону. Покровский нашел глазами Корнилову и направился к ней.

– Скажите, Верочка, как относится к охоте генерал Жиглов?

Задавая этот вопрос, Олег Андреевич, хорошо знал, что генерал любил охоту, особенно на кабана. Женщина посмотрела на него, словно стараясь отгадать, почему он спрашивает об этом ее.

– Мне трудно сказать, как, Олег Андреевич. Вы поинтересуйтесь об этом у него самого.

– Мой товарищ пригласил меня на кабана, вот я и подумал о генерале, если он, конечно, увлекается охотой. Кто-то любит рыбалку, а кто-то и охоту.

Покровский посмотрел на генерала и снова направился в его сторону.

– Товарищ генерал. Завтра я собираюсь на охоту. Мой друг выследил большое семейство кабанов. Как вы относитесь к охоте, товарищ генерал или предпочитаете другой вид отдыха?

Глаза генерала загорелись, хотя лицо по-прежнему оставалось спокойным. Лицо и глаза словно жили в разных измерениях. Он посмотрел на Олега Андреевича, и словно проверяя того, задал ему вопрос.

– Скажите, Олег Андреевич, вы охотник? – поинтересовался у него генерал Жиглов.

– Да, товарищ генерал. Люблю с ружьишком побродить по лесу. Тишина и лес просто успокаивают меня.

– И на кого вы предпочитаете ходить? На лося или кабана?

– Предпочитаю на кабана, но однажды взял и медведя.

Говоря об этом, Покровский знал, что генерал однажды тоже убил медведя, который неожиданно для них, напал на их группу, на охоте. Тогда ему здорово повезло, что патрон был заряжен пулей. Покровский сел рядом с Жигловым.

«Вот он контакт, – подумал Олег Андреевич. – Ради этого

момента, я и пришел к сюда».

***

Покровский шел по улице, держа в руке газету «Правда». Он то и дело останавливался и с интересом рассматривал товары, выложенные на витринах московских магазинов. Со стороны можно было подумать, что Олега Андреевича, интересуют цены на товары, но это было не так. Он просто проверялся, надеялся увидеть в отражении витрины людей, которые наблюдали за его передвижением по городу. Заметив безногого инвалида, который сидел около входа в магазин, он направился в его сторону. Олег Андреевич, краем глаза заметил переходящего улицу «Замка», который по его приказу вел контрольное наблюдение и в случае опасности должен был предупредить его. Покровский сунул руку в карман и, достав из него деньги, положил их в лежавшую на земле кепку.

– Спасибо, братишка, – произнес инвалид и перекрестился. – Да, убережет тебя Бог в этой жизни.

Олег Андреевич достал из кармана пачку папирос. Он щелчком пальца выбил одну папиросу, а затем, взглянув на инвалида, достал еще одну папиросу, которую протянул инвалиду.

– Кури, друг. Огонька не будет? Видно спички дома забыл....

– Бывает и хуже, но реже....

Инвалид, молча, достал из нагрудного кармана коробок спичек и протянул их Покровскому. Тот прикурил сам, дал прикурить инвалиду и сунул коробок себе в карман.

– А спички? – громко произнес инвалид, обращаясь к Покровскому.

Нащупав в кармане коробок спичек, он вернул ему свой.

– Извини, друг, задумался. Спасибо, – поблагодарил его Олег Андреевич.

Покровский улыбнулся. Он посмотрел по сторонам и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, направился вдоль улицы. Свернув в переулок, он пошел в сторону метро. Поравнявшись с большим домом, Олег Андреевич свернул в арку. Увидев стоящую во дворе дома черную «Эмку», он направился к автомобилю. Сняв с головы шляпу, он сел на заднее сиденье.

– Поехали, – тихо произнес он.

Машина, мирно урча мотором, тронулась. Проехав несколько кварталов, автомобиль остановился около большого, недавно построенного дома. Покровский вышел из автомобиля и, взглянув на окно квартиры, которая находилась на втором этаже. На подоконнике стоял цветок, что говорило об отсутствии опасности. Он усмехнулся, мысленно обвинив себя в болезненной осторожности. Олег Андреевич, поправил шляпу и направился к парадному подъезду. Он становился напротив двери, на которой была закреплена небольшая латунная табличка. Покровский нажал на звонок и стал

ждать, когда ему откроют дверь.

– Кто там? – спросил его настороженный мужской голос.

– Извините, доктор, я на прием. Моя фамилия Можайский Петр Петрович. Я записан на 10-00.

За дверь вновь повисла тишина, словно, хозяин квартиры размышлял: открыть дверь гостю или нет. Наконец он решился. Звонко щелкнул замок. Дверь приоткрылась, и Покровский вошел в квартиру. Доктор Хмелев отошел в сторону, пропуская гостя в комнату.

– Что случилось, Петр Петрович. Что случилось? Почему без предварительного звонка?

Доктор знал Покровского, как Можайского Петра Петровича.

– Так сложились обстоятельства. Вы одни?

– Да. Елена Сергеевна ушла в магазин за продуктами, скоро должна вернуться..

Повесив шляпу на крюк, он вошел в зал.

– Вот шифровка. Я хочу знать, что в ней. Сколько вам потребуется времени на расшифровку текста?

– Смотря, какой текст....

Хмелев взял в руки спичечный коробок и направился в другую комнату. Покровский снял шляпу и сел за стол. Ждать пришлось недолго. Доктор, молча, вошел в зал и положил перед Олегом Андреевичем листок бумаги. Он быстро прочел шифровку, порвал ее на мелкие кусочки, которые положил в пепельницу. Достав из кармана спички, он под-

жег их. Дождавшись, когда они полностью сгорели, он встал из-за стола и направился к двери. За ним семеня ногами, направился доктор.

– Передайте в Центр, что я приступаю к выполнению задания. Радиোগрамма должна уйти сегодня. Вам это понятно? Канал прежний, через безногого.

– Хорошо. Я все понял, Петр Петрович.

Покровский вышел из квартиры. Дождавшись, когда за ним закроется массивная дверь, он направился по лестнице вниз. Доктор, подошел к окну. Он увидел, как из подъезда вышел гость и, оглянувшись, направился к арке. Проводив его взглядом, Хмелев подошел к телефону и быстро набрал номер. Похоже, абонента не было на месте. Не дождавшись ответа, он положил трубку. Он снова подошел к окну и долго смотрел на играющих во дворе детей. Каждый раз после прихода этого человека его буквально душил страх, не давая ему спокойно жить. За спиной громко зазвонил телефон. Доктор втянул голову в плечи, словно стараясь уклониться от неожиданного для него удара.

– Да, доктор Хмелев, – тихо произнес он. – Был, но уже ушел. Нет, я не смог этого сказать. Да, боюсь, как за себя, так и за тебя. Маргарита! Не спорь, со мной! Если он узнает, что я отказываюсь сотрудничать с ними, они просто убьют нас с тобой. Эти люди не умеют прощать.

***

Доктор Хмелев опустил трубку и обессилено сел на стул. Перед глазами, словно в кино, поплыли картины воспоминаний. Все произошло в 1938 году в Пицунде, где он отдыхал со своей женой. Именно там он познакомился с человеком по фамилии Можайский, который представился ему, как ответственный сотрудник министерства пищевой промышленности. Судя потому, как он сорил деньгами, Хмелев невольно поверил в его неограниченные возможности. Однажды, Петр Петрович, поинтересовался контингентом его клиентов, которые посещают его на дому. Чтобы придать определенную значимость, он стал перечислять ему фамилии и должности своих клиентов.

– У меня лечатся много «больших» людей. Взять, например: директор института стали Невзоров, генерал Жиглов, академик Алхазов и другие.

– Да, вы, похоже, большой специалист, доктор. Такие громкие фамилии, известные не только в СССР, но и за границей.

По лицу Хмелева пробежала довольная улыбка. Он был рад, что мог удивить Можайского этими фамилиями.

– Вы знаете, я знаком с генералом Жигловым. Хороший он человек.

– Вы правы. Вот только печень его не очень. Ранение, полученное им в 1914 году, аукнулось в 1935. Такое бывает....

Можайский многозначительно промолчал и, взяв под локоть Хмелева, отвел его в сторону от жены.

– Борис Маркович! Что же вы мне не сказали, что у вашей супруги завтра день рождения? Как бы я завтра выглядел в ее глазах? Нехорошо....

– Бог с вами, Петр Петрович! Мы даже и не собирались отмечать ее день рождения. Сами знаете, у Маргариты не круглая дата.

– Вы, как хотите, но я так не могу. Хочу пригласить вас в ресторан «Пицунда» к шести часам вечера. Думаю, что вы мне в этом не откажете.

Хмелев поблагодарил Петра Петровича за столь широкий жест с его стороны и дал свое согласие. На другой день они встретились в ресторане. Столик, заказанный Можайским, был выбран довольно удачно. Они сидели в углу, и весь зал ресторана был буквально перед ними, как на ладони.

– Маргарита Самуиловна! Позвольте, мне поздравить вас с днем рождения и преподнести вам столь небольшой подарок.

Он протянул ей, небольшую покрытую синим бархатом коробочку. Маргарита Самуиловна осторожно открыла ее. В ней было искусно изготовленное кольцо, с синим камнем.

– Какая красота, Петр Петрович! – восхищенно произнесла она и, надев кольцо на палец, стала любоваться им.

Камень играл гранями в лучах электрического света.

– Вы знаете, я не могу принять столь дорогой подарок! – произнесла она, снимая кольцо с пальца. – Я догадываюсь, что оно стоит больших денег....

– Что вы, Маргарита Самуиловна! – сделал обиженное лицо, произнес Можайский. – Это подарок и не более. Не обижайте меня, своим отказом.

Женщина посмотрела на мужа и стала благодарить его за внимание к ее персоне. Следующая встреча с Можайским произошла уже в Москве. Он пришел к ним домой и вручил хозяйке большой букет алых роз. Визит его был не столь длительным и, попрощавшись с хозяевами, он покинул их квартиру. Через неделю, он снова позвонил и предложил Борису Марковичу встретиться с ним. В этот раз они оказались дома одни. Олег Андреевич достал из портфеля бутылку коньяка, два лимона и предложил Хмелеву обмыть назначение его на новую должность. Когда они выпили по две рюмки, Петр Петрович, поинтересовался у Хмелева готов ли он работать на немецкую военную разведку.

– Ну, вы и шутник! – с улыбкой на лице, произнес доктор. – А, почему не на разведку Уругвая? В юморе вам не откажешь.

– Я не шучу, Борис Маркович. Все это время вы общались с представителем немецкой разведки. Этим представителем являюсь я.

С лица Хмелева моментально сползла улыбка. В эту минуту доктор был похож на собаку, которую ударил любимый хозяин. Заметив, как побледнело лицо Бориса Марковича, гость произнес:

– Вы, можете, сейчас, сейчас позвонить в НКВД и сооб-

щить им, что вы вот уже чуть больше месяца общались с немецким шпионом. Что вы рассказали ему о своих клиентах, об их заболеваниях, об их работе. Что за эту информацию были вознаграждены золотым кольцом, которое было вручено вашей супруге в виде подарка на день ее рождения. Что вы молчите? Звоните!

Видя растерянное лицо хозяина квартиры, Олег Андреевич, моментально понял, что тот, не будет звонить в НКВД, и будет покорно выполнять все его поручения. Можайский пододвинул ему телефон и в упор посмотрел на растерянное лицо хозяина квартиры.

– Ну! Что вы не звоните? Хотите, я вам расскажу, что вас ожидает в ближайшее время? Все правильно, вас осудят за содействие немецкой разведки. Вас расстреляют или отправят в лагеря на длительный срок, где вы умрете от непосильной работы. Вы знаете, что такое лесоповал? Так, что вы решили, звонить или не звонить?

Можайский снова подтолкнул ему телефон.

– Звоните.... Страшно, жить хотите! Вот и живете, как жили раньше. Ходите в кино, гуляйте по парку. Я не заставлю вас взрывать мосты, убивать партийных работников. Вы нужны мне для других целей.

– И каких, я имею в виду целей, – с трудом выдавил из себя доктор. – Я же ничего не умею кроме, как лечить людей.

– Не переживайте, вас научат. Вы поняли меня или нет. Почему вы молчите?

Хмелев молчал. Только, сейчас, он осознал, что стал разменной монетой в игре немецкой разведки. Ему стало плохо, боль, возникшая в районе левой лопатки, медленно переместилась в район груди и стала отдаваться в предплечье. Можайский налил в стакан воду и протянул его Борису Марковичу.

– Выпейте и успокойтесь, Борис Маркович! Ничего страшного не произошло. Я не требую с вас каких-то военных тайн. Вы будете делать то, что делали в последнее время – лечить людей и сообщать мне все, что вы о них узнаете. Кто они, где работают, что производят и так далее. Решайте, либо отказом вы просто убьете свою жену. Сейчас, она в гостях у ваших старых знакомых и наши люди готовы просто убить ее при возвращении домой.

На лобу Хмелева выступили крупные капли пота. Он реально осознавал, что сидевший за столом человек не шутит и сейчас, жизнь его жены находится в его руках.

– Хорошо, – еле слышно выдавил он из себя. – Что я должен буду делать?

Петр Петрович достал из портфеля чистый лист бумаги и протянул его доктору.

– Пишите.

– Что писать?

– Расписку.

Можайский продиктовал ему текст и когда Хмелев закончил писать, попросил его расписаться.

– Теперь, вы будете подписывать свои сообщения именем «Давид». Вы меня поняли?

Доктор кивнул. Петр Петрович сунул расписку в портфель и молча, вышел из квартиры.

***

Покровский шел по улице и осмысливал приказ центра, который получил полчаса назад. Разработанный им план вербовки генерала Жиглова был почему-то отменен, по неизвестной ему причине. Новый приказ предписывал ему все усилия сосредоточить на Корниловой, а, если вернее, на разработках научно-исследовательского института сплавов, в котором она работала. Немецкую разведку интересовала разработка института новой броневой стали для танка Т-34 и КВ-2.

«Как они там быстро все решают, – подумал он. – Сначала генерал, а сейчас, вдруг Вера».

– Мужчина! Вы что стоите? Вы будете, переходить улицу или нет? – услышал он за спиной раздраженный женский голос.

– Простите, задумался, – произнес он и, ускорив шаг, пересек перекресток.

Заметив впереди телефон автомат, он направился к нему, Олег Андреевич нащупал рукой в кармане монетку, которую бросил в щель телефона и стал быстро набирать номер. В трубке послышались гудки, а затем раздался легкий щелчок

и он услышал голос Корниловой.

– Добрый день, Верочка. Это тебя беспокоит Покровский Олег Андреевич. Вера, мне мой товарищ подарил два билета на оперу «Князь Игорь». Предлагаю вам посетить этот спектакль. Уважьте, бродягу, послезавтра уезжаю в Киев.

– Я право не знаю, что вам ответить. Все так неожиданно....

Покровский слышал, как глубоко дышит Вера.

– Хорошо. Начало во сколько?

– В 19-00.

– Ждите. Приду...

Он повесил трубку на рычаг телефона и, глубоко вздохнув, и открыл дверь будки телефона-автомата.

«Посмотрим, что принесет мне день грядущий?», – подумал он и направился в сторону магазина.

В какой-то момент Олег Андреевич понял, что совсем расслабился и потерял бдительность. Он остановился и посмотрел в зеркальную витрину магазина. Внимание его привлек молодой человек в серой кепке.

«Где я его видел? – подумал он. – Слишком знакомое лицо. Неужели слежка?»

От этой мысли ему стало как-то не по себе.

«Бежать! – словно набат застучал в голове голос самосохранения. – Бежать и бежать!»

Он вошел в магазин и остановился около витрины.

«Не думай бежать. Успокойся, хладнокровие еще никого

не подводило, – словно в противовес первоначальному решению, прозвучал более спокойно новый, доселе молчавший ему голос. – Нужно найти запасной выход и спокойно уйти от наблюдения. А, если это не слезка? Если тебе это все показалось, а ты испугался. Возьми себя в руки, проверься, убедись, а уж потом, принимай решение».

Он снова оглянулся, но молодого человека не заметил.

«Наверняка, он не один, – снова подумал он. – Как правило, в таких случаях работает целая бригада. Они передают человека из рук в руки, не рискуя быть замеченными. Не буду рисковать, береженого человека, Бог бережет».

Заметив надпись на двери «Служебный выход», Покровский уверенно направился к двери.

– Сюда нельзя! – произнесла молоденькая продавщица, попавшая навстречу ему. – Вы, что читать не умеете, гражданин?

– Я, все умею. Я к директору, – ответил он и скрылся за дверью.

Пройдя по коридору, он вышел из магазина через служебный выход. Остановив машину, он поехал на конспиративную квартиру.

***

Корнилова спешила на встречу с Покровским. Она буквально выскочила из-за подъехавшего троллейбуса и, ускорив шаг, направилась к театру. Олега Андреевича она уви-

дела издали и, помахав ему рукой, направилась к нему навстречу.

– Я не опоздала? – спросила она мужчину. – Извините, вынуждена была немного задержаться на работе. Работы много, проводим серию испытаний.

Покровский преподнес ей алые розы и, галантно взяв ее под локоток, повел к дверям большого театра. Они прошли в зал и сели вовремя, так как через минуту начался спектакль. Во время антракта они посетили буфет и снова вернулись в зал.

– Как вам «Князь Игорь»? – поинтересовался Олег Андреевич у Веры. – Какой голос, просто обвораживает.

– Вы правы. Прекрасный голос.

Мужчина посмотрел на нее и, наклонившись к ее плечу, тихо поинтересовался:

– Мне кажется, Вера, что вы в своих мыслях далеко от театра. О чем вы все время думаете?

Девушка вздрогнула, словно мужчина застал ее за чем-то нехорошим.

– Вы правы, Олег Андреевич. Вы знаете, второй день нет дома генерала Жигловаа.

– Что вы этим хотите сказать, Верочка?

– Его супруга обзвонила все морги и больницы, его нигде нет. В штабе молчат. Вы знаете, я боюсь за него. Его могло арестовать НКВД...

Корнилова замолчала.

– Не стоит волноваться, Вера. Он человек военный, а у них много тайн. Думаю, если бы его арестовали, то вы бы, наверняка, узнали бы об этом.

– Вы так думаете, Олег Андреевич? – спросила его Корнилова.

– Безусловно....

– Спасибо, вы меня успокоили....И еще. У, меня все время крутится в голове, выключила ли я прибор в лаборатории или нет? А, если что-то случится?

– Давайте, съездим к вам на работу после окончания спектакля? Вот там и узнаете, выключили вы прибор или нет?

– Наверное, я так и сделаю, а иначе не усну.

Он положил свою ладонь на кисть Веры и слегка ее сжал. Она не отдернула руку, а просто, посмотрела на него, молча. После окончания спектакля, Покровский остановил такси, и они поехали на работу к Корниловой.

– Вот здесь я и работаю, произнесла она. Вы меня подождите, я мигом.

Олег Андреевич улыбнулся и, достав из кармана пачку папирос, закурил. Девушка нажала кнопку звонка и стала ждать. Дверь открыл сотрудник НКВД и, взглянув на пропуск, вежливо отошел в сторону, пропуская ее в институт. Покровский посмотрел на часы и, заметив, вспышку электрического света на третьем этаже, бросил папиросу в урну. Вскоре Вера вышла из здания и направилась в сторону Покровского.

– Вы знаете, Олег Андреевич, я действительно оставила прибор включенным. Как хорошо, что я вернулась....

– Я рад за вас, Вера. Было бы очень трудно объяснить НКВД, почему вы оставили прибор включенным. Что это могло означать для них: простую небрежность или вражеский умысел.

Девушка с удивлением посмотрела на мужчину, стараясь понять, к чему он клонит.

– Вашего дядю арестовали, как врага народа, не правда ли? А, вы, ее племянница, работаете в секретном институте и вдруг забываете выключить прибор. Не странно ли это?

– Олег Андреевич! Я вас просто не понимаю? Что вам нужно от меня? К чему весь этот разговор?

По лицу мужчины пробежала едва заметная ухмылка.

– Вы взрослый человек, Вера и все хорошо понимаете. Мне нужны образцы брони, которые вы испытали.

Клава остановилась и с удивлением посмотрела на Покровского.

– Зачем они вам? Что вы собираетесь с ними делать?

– Я их переправлю в Германию....

Корнилова с удивление вновь посмотрела на Олега Андреевича.

– А, если я не соглашусь передать вам эти образцы? Что будет? Вы же не убьете меня?

Он усмехнулся и крепко сжал ее ладонь.

– Это было бы глупо с вашей стороны. Вы будете аресто-

ваны НКВД и осуждены, как враг народа. Вы, наверное, поняли, что все это время общались с представителем немецкой военной разведки. Такое, не прощается.

Олег Андреевич не мог не обратить внимания, как вздрогнула Вера, услышав его слова, как в ее глазах появился страх.

– Вы не сделаете это, – стараясь подавить в себе страх, произнесла девушка. – Я обращусь в НКВД. Думаю, что они поймут меня.

– Не будьте наивны, Корнилова. НКВД, простит и поймет, что за бред. Вы, забыли в какой стране живете? Здесь никогда и ничего не прощают, тем более предательство.

Он смотрел на нее, как смотрит зверь на свою жертву. В глазах Покровского играли дьявольские огоньки его превосходства.

– Не рассчитывайте на благородство НКВД и не думайте туда обращаться. Вы погубите себя, – снова предостерег он Веру.

– Мне нужно подумать....

– Мне нужны образцы завтра. Их вы оставите вот в этом адресе, – произнес он и протянул девушке клочок бумаги, на котором был написан адрес.

Покровский развернулся и молча, направился к остановке общественного транспорта.

***

Заместитель начальника отдела контрразведки НКВД ка-

питан Крылов внимательно просматривал сводку наружного наблюдения за Покровским. Особое внимание он прочитал контакт «Зарьки» с Олегом Андреевичем. Он был доволен действиями своего агента, которой удалось убедить его в том, что она работает в закрытом институте «Стали и сплавов». Подчеркнув красным карандашом нужный ему абзац, он отложил карандаш в сторону. Он посмотрел на стоявшего около стола лейтенанта Воронцова и подмигнул ему правым глазом.

– Как там «Зорька»? – спросил он лейтенанта. – Я имею в виду ее реакцию на вербовку Покровским.

– Все хорошо, товарищ капитан. Вела она себя вполне естественно, как и должна была реагировать на все это простая советская девушка.

Крылов усмехнулся над словами советская девушка.

– Что с Покровским?

– Служба наружного наблюдения не стала доводить до известного нам адреса. Вы сами знаете, что он ведет себя крайне осторожно.

– Хорошо, Воронцов. Не спускайте глаз с «Зорьки».

– Товарищ капитан? Как быть с образцами?

– Я думаю, что вот здесь форсировать события нельзя. Пойми, лейтенант, «Зорька» девушка не искушенная и сразу взять образцы она просто не может. Ей необходим дополнительный толчок со стороны Покровского.

– Я тоже так думаю, товарищ капитан.

– Я рад, что наши мнения схожи. Если она принесет образцы сразу, это может вызвать подозрение. Покровский слишком умен. Он умеет анализировать...

– Я все понял, товарищ капитан.

– Идите, работайте.

Воронцов вышел из кабинета. Он вошел в кабинет и сел за стол. За его спиной висел большой портрет Сталина. Он посмотрел на телефон, который в этот момент зазвонил.

– Воронцов, – представился он. – Слушаю...

– Это, Зорька». Мне только что позвонил Олег Андреевич. Требуется образцы. Как быть?

– Что вы ему ответили?

– Ответила, что это сделать не могу. Он посоветовал мне подумать....

Воронцов задумался на какую-то долю секунды.

– Вот что, «Зорька. Если он снова позвонит, а позвонит он обязательно, спроси его, что конкретно его интересует. Короче, затяни этот момент... Я договорюсь с начальником второго отдела, чтобы он подготовил для меня образцы. Я их оставлю для тебя дома. Вот их ты и передашь ему. Тебе все ясно?

– Да.

– До свидания, – произнес он и положил трубку.

Воронцов встал из-за стола и, одернув гимнастерку, направился в кабинет капитана Крылова. Дверь кабинета оказалась закрытой.

– Девушки! Где у нас капитан? – поинтересовался он в секретариате.

– Он у начальника отдела.

– Валечка! Когда он вернется, ты позвони мне по телефону.

– Хорошо, товарищ Воронцов.

Он развернулся и направился обратно к себе в кабинет. Достав папиросу, он закурил. Звонок прозвенел так неожиданно и резко, что он невольно вздрогнул.

– Воронцов.

– Товарищ лейтенант. Капитан Крылов вернулся.

– Спасибо, – ответил он и положил трубку.

Взглянув в зеркало, он легким движением пальцев руки, он поправил волосы на голове и вышел из кабинета.

– Товарищ капитан! Покровский требует с «Зорьки» образцы сплавов. Это очень срочно.

Капитан посмотрел на Воронцова и промолчал.

– Что будем делать, товарищ капитан?

– Дадим, что есть...

– Но, он ведь отправит их в Германию.....

– Они не должны покинуть СССР. Ты понял меня, лейтенант.

– Так точно, товарищ капитан.

Лейтенант развернулся и вышел из кабинета.

***

Покровский шел по улице, тихо напевая модную в то время мелодию. Его портфель оттягивали шесть небольших металлических пластин, которые он сегодня забрал у доктора Хмелева. Борис Маркович был сильно напуган, когда в его квартиру позвонила незнакомая ему девушка.

– Передайте это, Петру Петровичу, – произнесла она и протянула доктору тяжелый сверток.

– Что это? – испугано, спросил он ее. – Какому Петру Петровичу?

– Скажите, а Можайский знает, что это?

– Знает, – ответила она и, развернувшись, стала спускаться по лестнице вниз.

– Борис! Кто приходил? – спросила его жена, выйдя с кухни, где она готовила завтрак.

– Моя пациентка, – ответил он, стараясь не волновать свою супругу.

– Это, что у тебя в руках? – спросила она. – Что за сверток?

– Я не знаю, – ответил он ей. – Просто просили передать. Что ты разволновалась?

– Так ты посмотри? – строго произнесла она. – Разве тебе не интересно?

– Это просили передать Петру Петровичу. Я не хочу неприятностей, и поэтому не буду разворачивать этот сверток. Да и какая мне разница, что там?

– Давай, я сама посмотрю, – произнесла Маргарита Саму-

иловна и буквально вырвала из его рук сверток.

Она схватила сверток и направилась в зал, где стала его разворачивать. На пол упали две металлические пластины. Одна из них повредила тщательно натертый паркет.

– Что это? – обратилась она к супругу. – Зачем, Петру Петровичу, эти железки?

Борис Маркович, молча, пожал плечами и посмотрел на жену.

– Марго! Я откуда это могу знать. Заверни все это снова в бумагу. Не дай Бог, если он узнает, что ты разворачивала этот сверток.

– И, что он мне сделает? Убьет что ли?

– Может и убить, он человек рискованный и не любит любопытных людей.

Супруга аккуратно завернула эти пластины в бумагу и положила сверток в прихожей. В этот момент зазвонил телефон. Хмелев вздрогнул и с опаской поднял трубку.

– Здравствуйте, Борис Маркович. Надеюсь, вы не распаковали сверток, который передали вам для меня?

Он посмотрел своим испепеляющим взглядом на жену.

– Нет. Я не трогал этот сверток. Меня мало интересуют чужие секреты.

– Вот и хорошо. Иногда, излишнее любопытство губит людей. К вам зайдет молодой человек через полчаса и заберет его.

Хмелев положил трубку и снова посмотрел на супругу, по-

качивая головой.

– А, если он узнает, что ты разворачивала сверток? – произнес он, сверля глазами Маргариту Самуиловну. – Он просто убьет нас! Ты хоть это понимаешь это или нет?

– Не кричи на меня, Боря! Откуда он узнает, если ты ему сам не расскажешь об этом?

Хмелев развернулся и направился в спальню, где стал переодеваться. Он не успел позавтракать, как в дверь квартиры позвонили. Он посмотрел в глазок и, убедившись, что за дверью стоит незнакомый ему молодой человек, открыл дверь. Парень уверенно вошел в квартиру и остановился в дверях.

– Здравствуйте, – поздоровался с ним Хмелев.

Мужчина промолчал. Он прошел в зал и окинул комнату своим взглядом, отмечая про себя, что в комнате находится достаточно много дорогих антикварных вещей.

– Не бедно живешь, папаша. Где сверток? – коротко спросил он Хмелева.

Борис Маркович, молча, указал ему на лежавший, на тумбочке сверток. Парень взял его в руки и сунул его в портфель.

– И еще, вот вам записка. Зашифруйте сообщение, – произнес он и протянул Борису Марковичу небольшой листок бумаги.

– Марго! Напой гостя чаем, – громко произнес доктор и направился в спальню.

Покровский, будучи опытным человеком, специально

разделил функции радиста и шифровальщика на двоих человек. В случае ареста кого-то из них, второй не знал ничего о другом. Хмелев вышел из комнаты и был удивлен тем, что гость продолжал сидеть в кресле.

– Ты, что так на меня смотришь? Готово?

Борис Маркович протянул ему небольшой листочек. Мужчина взял его в руки и направился к двери.

– А, как же чай?

– Мне не до чая, – произнес он

***

Покровский заметил связного издалека. Он все также сидел около входа в магазин и, несмотря на начинающий дождь, просил милостыню. Где-то за домами грохнул разряд грома, от звука которого многие люди вжали головы в плечи. Олег Андреевич нащупал в кармане мелочь, представляя, как он бросит эти деньги, в лежащую на земле кепку. Новый раскат грома заставил его ускорить шаг. Он переложил портфель из одной руки в другую и посмотрел на дорогу, на которой с визгом остановилась черная «Эмка». Он и сам не сразу понял, что с ним произошло. Он, словно, наткнулся на невидимую глазу стену. В груди моментально все затряслось от предчувствия беды. Покровский остановился в метрах пятидесяти от магазина и, достав из кармана портсигар, достал из него папиросу. Он моментально нашел глазами «Замка» и, убедившись, что тот спокойно наблюдает

за задержанием мужчины, облегченно вздохнул. В последние дни своего пребывания в Москве, он передвигался лишь в сопровождении этого молодого человека с криминальным прошлым, который по его приказу вел контрольное наблюдение.

«Что не так, – подумал Олег Андреевич, заметив, как из остановившейся около магазина автомашины, вышло трое молодых мужчин в светлых костюмах и направились в сторону калеки. – Похоже, чекисты».

Они окружили инвалида и, подняв его за локти, понесли к машине.

– Сволочи! Гады! За что вы меня задерживаете?! Я кровь проливал за родину, а вы меня..., – он не договорил.

Кто-то из этих мужчин закрыл ему рот своей ладонью, а затем ударил его лицо кулаком, тем самым, заставив его замолчать. До Покровского донеслись возмущенные голоса прохожих. Он проводил взглядом отъехавшую от магазина машину и, развернувшись, направился к ближайшей остановке общественного транспорта. Ему вдруг захотелось бежать и бежать, что есть мочи, но он, пересилив этот момент слабости, спокойно подошел к остановке. Дождь пошел сильнее, Покровский зашел в продуктовый магазин, чтобы переждать ливень.

«Как быть? – размышлял он. – Как они вышли на связного? Где он «прокололся»?»

В кармане, словно огонь, жгла бедро шифровка. В ка-

кой-то миг он захотел ее уничтожить, но потом передумал.

«Придется самому встречаться с радистом или послать его, – подумал он и посмотрел в сторону «Замка». – А, вдруг там засада?»

Покровский посмотрел на улицу. Судя по пузырям на лужах, дождь не собирался заканчиваться. К остановке подошел троллейбус и Олег Андреевич, выскочил из дверей магазина и бросился к остановке. Вскочив в транспорт, он сел на сиденье и облегченно вздохнул. Сейчас, он направлялся на Казанский вокзал, где в одной из камер хранения работал его знакомый. Где-то снова грохнул гром, и стало тихо. Он вышел из троллейбуса и направился в здание железнодорожного вокзала.

– А вы неплохо бегаєте, – произнес «Замок». – Можно позавидовать.

– Не быстрее, чем тогда бежал ты...

Олег Андреевич смерил его взглядом. С лица молодого человека моментально исчезла улыбка. Он вошел в здание вокзала и направился к камерам хранения.

– Здравствуй, Аркадий! Ты временно не оставишь у себя вот эти железки? Нет, ненадолго. Я их заберу в конце недели.

– Конечно, Олег Андреевич. Как вы живете? Вы давно в Москве?

– У меня все хорошо, Аркадий. А, в Москве, я недавно. Скоро обратно в Киев.

Мужчина взял в руки сверток и удивленно присвистнул.

– Тяжелый у вас сверток. Случайно не золото?

Он громко засмеялся и посмотрел на Покровского.

– Спасибо тебе, а то как-то неудобно хранить метал в номере гостиницы.

Олег Андреевич улыбнулся и, пожав руку приятелю, направился в сторону пригородных касс. Он вышел из здания вокзала и остановил такси.

– На Ямскую, – произнес он и посмотрел на спешившего к нему молодого человека

Машина рванула с места и помчалась в сторону центра города. Через полчаса, он уже шел по улице, в сторону трехэтажного серого дома.

– Мальчик! – остановил он пацана, лет десяти. – Хочешь заработать на мороженное?

Мальчишка, молча, кивнул.

– Отнеси записку в этот дом. Квартира семь, она на втором этаже.

Он быстро написал на листочке и, вырвав его из блокнота, сунул мальчишке в руку.

– Скажи, что я жду ответа.

Мальчишка, словно, выпущенная из лука стрела, метнулся к дому. Покровский, закурил. Он вернулся через минут пять.

– Это вам, – произнес он и протянул мужчине записку.

– Спасибо, – поблагодарил он мальчишку и протянул ему деньги. – Кто у нее дома?

– Никого, – ответил тот и побежал по улице.

Покровский поправил шляпу, перешел улицу и вошел в темный подъезд серого дома.

***

Корнилова осторожно вошла в здание клуба «Серп и Молот» и остановилась у входа, так как не знала, куда идти дальше. Мимо нее с шумом промчалась стайка мальчишек и девочек с красными галстуками на шее.

– Гражданочка? Вам кто-то нужен? – поинтересовалась у нее пожилая женщина в синем ситцевом халате.

– Меня ждут в третьем кабинете. Подскажите, как туда пройти?

Женщина остановила подростка и попросила его, чтобы тот показал эту комнату. Поблагодарив ее, Вера направилась за подростком.

– Вот тетя и ваша комната, – произнес он и открыл дверь соседней комнаты.

– Разрешите?

– Проходи «Зорька», – произнес лейтенант Воронцов и рукой указал ей на стул.

Он был одет в костюм светло-серого цвета, который выигрышно подчеркивал его спортивную фигуру.

– Как дела? Контакт с Покровским был?

– Нет. Он попросил меня передать образцы доктору Хмелеву.

– Выходит, прямого контакта у тебя с ним не было. Может, даже это и к лучшему. Пусть немецкие ученые попытаются разгадать свойства нашей брони.

– Что мне делать дальше, товарищ лейтенант?

– Живите, как обычно. Будем ждать контакта с вами, а то, что он будет, мы уверены.

Воронцов поднялся с места и подошел к Корниловой.

– Позволь мне от имени Управления НКВД выразить тебе благодарность.

Лицо Веры вспыхнуло. Заметив это, чекист замолчал.

– Товарищ лейтенант. Немцы наверняка постараются осуществить контрольную проверку направленных им образцов. Что будет, если они поймут, что мы их водим за нос?

– Вы правы, Вера. Мы не исключаем подобную проверку. Поэтому, представленные вами образцы Покровскому не покинут Москвы. Главное, что он подержал их в руках и убедился, что ему удалось вас завербовать. Мы не исключаем, что он направит к вам своего агента и будет поддерживать с вами связь именно через него.

Он замолчал, продолжая наблюдать за реакцией Корниловой.

– Я все поняла, товарищ лейтенант. Буду ждать...

Вера поднялась со стула и посмотрела на сотрудника госбезопасности.

– Мы будем слушать вас телефон, а вас держать под наблюдением. Так, что вам не стоит беспокоиться гражданка

Корнилова. Связь будете поддерживать через Мальцева.

– Я все поняла, товарищ лейтенант.

– Тогда я вас больше не задерживаю. ....

Корнилова вышла из комнаты и направилась к выходу. Мимо нее снова промчалась стайка мальчишек. Звуки музыки заставили ее улыбнуться. За дверью одной из комнат репетировал духовой оркестр, который исполнял вальс «На сопках Манчжурии». В конце коридора она столкнулась с вахтершей.

– До свидания, – попрощалась Вера с ней.

Женщина промолчала и лишь в ответ кивнула ей головой. Улица встретила Корнилову звоном трамваев и уличным шумом. Было жарко, и она направилась к киоску, торгующим газированной водой.

– Мне стаканчик с малиновым сиропом, – произнесла она и протянула продавцу деньги.

Поставив пустой стакан на столик, Вера оглянулась. Ей показалось, что кто-то наблюдает за ней.

«Наверное, показалось», – подумала она и неторопливым шагом направилась по улице в сторону метро.

***

Покровский вошел в подъезд и прежде, чем подняться на второй этаж прислушался. В подъезде было тихо, лишь в приоткрытую входную дверь доносился шум улицы. Впервые за три последних дня, он нервничал. Он достал пистолет

и перевернул затвор. Глубоко вздохнув, он стал подниматься по лестнице. Остановившись у двери, он нажал на кнопку звонка. Рука, державшая в кармане пистолет, стала мокрой. За дверью раздалась едва слышная трель звонка.

– Кто там? – донеслось из-за двери.

– Это Михеев Эдуард Васильевич, – произнес Покровский. – Вам привет от тети Клавы.

Дверь приоткрылась, и он увидел напуганные глаза радистки. Глухо звякнула цепочка, и он вошел в квартиру. Олег Андреевич прошел в зал и сел за стол.

– Что случилось? Почему вы?

Он, молча, прошел в зал, продолжая сжимать рукоятку пистолета в кармане. Вслед за ним буквально засемила хозяйка, напуганная внезапным его появлением. Выглядела она достаточно молодо для своих лет. Пышные, хорошо уложенные волосы, большие выразительные глаза, высокая тугая грудь. Покровский сел в кресло и пристально посмотрел на нее. От этого взгляда его серых глаз, она почувствовала себя какой-то незащищенной рыбой, выброшенной волной на песчаный берег.

– Нужно срочно передать в центр, – произнес он и протянул ей маленький листочек.

– Но, время эфира лишь завтра, – ответила она.

– Передайте на резервной частоте.

Женщина вышла в соседнюю комнату и через минут пять, Покровский услышал писк рации. Вскоре женщина вышла в

зал.

– Передала, – коротко ответила она.

– «Инвалида» повязало НКВД. Не паникуйте, Роза Константиновна! Я думаю, что вам будет лучше, если вы уедите из города, неделки на две примерно, а там будет видно.

– Кто вам сказал?

– Я сам это видел.

– Может, его задержали за что-то другое? – произнесла с надеждой она. – Я слышала от него, что он в последнее время стал приторговывать краденными вещами.

Эта новость насторожила Покровского. Он с удивлением посмотрел на хозяйку квартиры.

– Вон, оно как? Откуда вам это известно?

– Я же вам сказала, что он сам мне рассказывал об этом. Он, как-то недавно предложил мне купить у него золотую брошь. Откуда у него эта вещица, как вы думаете?

Покровский продолжал сидеть без движения, размышляя об услышанном. Он несколько лет потратил на создании агентурной сети в Москве и всегда считал, что он это сделал настолько искусно, и вдруг все это развалилось за несколько секунд.

– Почему вы мне об этом не сказали? Впрочем, какая теперь разница... Нужно, что-то предпринимать... Вам срочно нужно покинуть этот адрес. Я думаю, что у вас есть место, где можно на время затаиться.

– Вы меня пугаете Эдуард Васильевич.

– Я не пугаю, я вам даю бесплатный совет, Роза Константиновна. А, сейчас, я уйду.

Покровский заметил, как мелко задрожали руки хозяйки квартиры, когда она взяла в руки чайную ложку.

– Не ищите меня, я вас сам найду. Адрес, я помню....

Он вышел из квартиры, плотно закрыв за собой дверь. Роза Константиновна быстро уложила рацию в чемодан и, прихватив с собой деньги и документы, вышла из дома. Осмотревшись по сторонам, она направилась в сторону ближайшей станции метро.

***

Корнилова вышла из подъезда дома и, взглянув на чистое небо и солнце, направилась в сторону института, в котором работала. Ей в этот теплый и солнечный день почему-то не хотелось ехать в общественном транспорте, и она решила немного пройтись пешком. Вера прошла два с лишним квартала, прежде чем заметила молодого человека, который двигался на небольшом расстоянии вслед за ней. Она сразу узнала его, это был вор, который в поезде украл у нее сумку с документами и деньгами. На какую-то долю секунды ей стало страшно за себя.

«Зачем он следит за мной? – подумала она. – Что ему от меня нужно?»

Она еще раз оглянулась, «Замок» продолжал следовать за ней. Корнилова перебежала дорогу и остановилась на пе-

рекрестке, ожидая разрешающего сигнала светофора. Мужчина стоял в метрах тридцати позади нее, внимательно рассматривая пешеходов, словно стараясь найти среди них знакомое лицо. Их взгляды встретились. «Замок», словно не признав в ней попутчицу, отвернулся и стал смотреть куда-то в сторону.

«По всей вероятности, он проверяет меня, – решила Корнилова. – Хочет убедиться, что я действительно работаю в институте стали и сплавов».

В том, что этот уголовник связан с Покровским, она уже не сомневалась. Его посещение квартиры Веры, не осталось без внимания сотрудников НКВД. Загорелся зеленый свет светофора и она, перейдя дорогу, уверенным шагом направилась в сторону института. Она спиной чувствовала взгляд этого молодого человека, и ей ничего не оставалось делать, как продолжать начатую контрразведкой игру.

Прежде, чем войти в здание института, Корнилова обернулась. «Замок» стоял в метрах сорока за ее спиной и ждал, когда она войдет в здание. Вера достала из сумки пропуск и, предъявив его сотруднику НКВД, направилась в сторону лестницы. Быстро вбежав по лестнице, она открыла лабораторию и осторожно посмотрела в окно. Площадь перед институтом была пуста. Сняв телефонную трубку, она набрала номер лейтенанта НКВД Воронцова.

– Товарищ лейтенант! Сегодня за мной следил человек, который в поезде похитил мою сумку. Со слов сотрудника

милиции у него кличка «Замок». Что мне делать?

– Вера! Главное перестаньте нервничать. Не беспокойтесь, все идет по плану. Мы предвидели подобное и приняли все меры по вашей безопасности.

– Спасибо.

– Работайте, все будет хорошо.

Она положила трубку на рычаг телефона и вновь посмотрела в окно, площадка по-прежнему была пуста. Немного успокоившись, Вера приступила к работе.

Женщина не заметила, как пролетел рабочий день. Взглянув на часы, она отключила аппаратуру и стала собираться домой. Она сдала ключи сотруднику НКВД, расписалась в журнале и вышла из здания института. Оглядевшись по сторонам, она направилась в сторону остановки. Проходя мимо витрины магазина, она заметила в отражении стекла знакомое лицо «Замка». Сердце Веры учащенно забилось в груди. Какой-то непонятный страх снова сковал ее волю.

«Бежать!» – первое, о чем подумала Корнилова.

Но, это была ее естественная реакция на складывающуюся ситуацию. Однако, слабость моментально прошла, когда она вспомнила слова лейтенанта Воронцова. Подавив в себе панику, она, не останавливаясь, проследовала дальше. Дождавшись трамвая, Вера вошла в вагон и села у открытого окна. Достав из сумочки небольшое круглое зеркальце, она стала поправлять прическу. Она заметила в зеркальце, как в вагон вошел ее преследователь и стал в конце вагона, схва-

тившись рукой за поручень.

«Замок» догнал Веру в подъезде, когда она поднималась по лестнице.

– Здравствуй, Вера! Вам велел кланяться Олег Андреевич, – произнес он, тихо. – Что не ожидали меня увидеть?

– Почему же? Я вас заметила еще утром, когда шла на работу.

– Короче! Покровский просил вас, чтобы вы вынесли с работы журнал испытаний образцов.

– Как же я его вынесу? Я с ним дойду лишь до первого вахтера....

– Это не мое дело, как вы это сделаете. Я лишь передал вам просьбу Олега Андреевича.

– А, если я не вынесу?

– Тогда вынесут вас, Вера, ногами вперед, вот из этого подъезда. Вы меня поняли?

«Замок» развернулся и не торопливо направился вниз по лестнице.

***

Капитан Крылов вышел из кабинета майора Зайкова и направился к себе. Проходя по коридору, он остановился напротив кабинета Воронцова. Открыв дверь, он вошел в помещение и остановился на пороге. Заметив начальника, тот соскочил с места и вытянулся в струнку.

– Костя! Зайди ко мне с материалами по «Зорьке» через

полчаса. Нужно переговорить в свете новых событий.

– Есть зайти, товарищ капитан.

– Не напрягайся, лейтенант, – произнес Крылов и вышел из кабинета.

Сегодня утром Воронцов доложил капитану контакте «Зорьки» с «Замком».

– Товарищ капитан, это была не случайная встреча, он «вел» ее от дома до института. Вечером он снова «принял» ее и довел до дома. Он передал ей приказ Покровского, чтобы она каким-то образом похитила журнал испытаний.

Капитан задумался.

– «Замок» говоришь?

– Так точно, товарищ капитан.

– Ты знаешь, лейтенант, я немного боюсь за «Зорьку». Опыта у нее практически нет, а здесь такой опытный разведчик, как Покровский.

– Мне кажется, товарищ капитан, что он переложил свои контакты на «Замка». Если, что-то не так, то сгорит «Замок», а не он.

– Вполне возможная версия. Он же не просто так вновь засветил «Замка». Этот «волк» – человек тертый, чует опасность.... Да если и «запалится», то кто он? Он – вор, а не агент немецкой разведки.

– Уж, слишком просто они решили разыграть эту комбинацию, товарищ капитан.

– В том-то и дело. Чем проще, тем надежнее, труднее

«проколоться». Ты пока прикинь, кого из наших сотрудников можно ввести в эту оперативную разработку.

– Хорошо, товарищ капитан. Я вас понял...

Сейчас, Воронцов, сложив в папку все необходимые ему бумаги, направился к выходу из кабинета.

«Интересно, что решили начальники? Согласны ли они будут с кандидатурами сотрудников, которые я им предложу? – размышлял он, шагая по коридору. – Впрочем, я бы ввел в разработку какого-нибудь сотрудника с периферии».

Он открыл дверь и вошел в кабинет.

– Садись, – предложил ему Крылов. – Какие соображения?

Воронцов, молча, положил на стол капитана папку с документами возможных кандидатов. Капитан открыл ее и углубился в изучение материалов. Наконец он закончил читать и отложил папку в сторону. Он посмотрел на Воронцова и кратко произнес:

– Аргументируй...

– Они все молодые....

– Это не достоинство, а скорее недостаток. «Замок» «расколет» каждого из них за пять минут общения.

– Я тоже, так думаю, товарищ капитан. Предлагаю Владимира Гусева. Он из Казани, я с ним учился в школе НКВД. Он из бывших беспризорников, легко ориентируется по месту, хорошо знает «феню», а также многих авторитетов из преступного мира. Не исключаю, что ему может быть знаком

и «Замок».

– Это уже лучше, Воронцов....

– Я верю ему, как себе. Он не подведет...

Крылов посмотрел на разгоряченное лицо подчиненного. Глаза его пылали, и как тогда ему показалось, их огонь мог испепелить буквально всех и все.

– Я верю тебе. Вызывай в Москву.

– Есть, – ответил Воронцов и, развернувшись, направился к двери.

– Лейтенант, забери документы...

Взяв папку, он буквально вылетел из кабинета.

***

Покровский сидел за столом небольшой пивной, которая находилась недалеко от Киевского вокзала столицы. Он ждал своего помощника, которого должен был привести, оставленные им недавно образцы брони, которые он получил от Корниловой. Он был одет в серый неприметный пиджак и черные брюки, заправленные в сапоги. На голове вместо привычной шляпы, была серая в клетку, кепка. Посмотрев на часы, он рукой пригласил к столу официантку и заказал еще одну кружку «Жигулевского».

«Почему он так долго? – думал Олег Андреевич, цедя маленькими глотками холодное пиво. – Может, было бы лучше, если он бы сам направился в эту камеру хранения?»

– У вас спичек не будет? – обратился к Покровскому,

мужчина, который сидел за соседним столиком.

Вопрос явно застал Олега Андреевича врасплох. Он вздрогнул и стал лихорадочно рыться в карманах одежды в поисках коробка спичек.

«Что я так разнервничался? – подумал он, протягивая незнакомцу коробок спичек. – Человек лишь попросил у тебя спички. Нервы, нервы...».

В пивную вошел «Замок» и, увидев сидящего за столом Покровского, направился к нему.

– Где железо? – тихо спросил его Олег Андреевич.

– Нет железа. Говорит, кто-то стащил....

Покровский побледнел. Он ожидал чего угодно, но только не этого. «Замок» сразу все понял.

– Олег Андреевич, я его притащил с собой. Он на улице, ждет вас...

– Тащи его сюда, суку, – прошипел Покровский от злости.

«Замок» кивнул и вышел на улицу. Через минуту он снова вошел. Впереди его шел мужчина, которого он то и дело, подталкивал рукой в спину.

– Где багаж?

– Нет его. Еще вчера он стоял на полке в углу камеры, а сегодня куда-то исчез. Я спрашивал сменщика, но он говорит, что не трогал портфель.

– Не мог же он просто испариться? Ты все там осмотрел? Может, его кто-то переложил в другое место?

Приемщик пожал плечами. Он действительно не знал, ку-

да девался этот портфель с железными пластинами.

– Да, я вроде бы все проверил....

«Замок» посмотрел на Покровского, ожидая от него указания, что делать с ним дальше.

– Раз нет, то и суда нет, – примирительно произнес Олег Андреевич. – Проводи его...

«Замок» толкнул в спину приемщика камеры хранения, и они вышли из пивной.

– Давай, зайдем на минутку к моему приятелю, – предложил «Замок» приемщику. – Он живет вот в этом доме.

Они вошли в темный, пахнувший сыростью и кошачий мочой подъезд. Приемщик, сразу почувствовав что-то неладное, заскулил, словно побитая собака:

– «Замок», но я действительно не знаю, где этот портфель. Зачем мне он?

Он еще хотел что-то сказать, но тихо ойкнув, стал медленно оседать на грязный и заплесанный пол. Острое лезвие ножа, разрезав его селезенку, легко вышло из тела, не почувствовав человеческую плоть, словно ее и не было. Из уголка рта приемщика протекла тонкая струйка крови.... «Замок» вытер лезвие ножа об одежду поверженного противника и повернувшись спиной к еще живому приемщику, вышел из подъезда дома.

Заметив стоявшего у угла Покровского, он направился к нему.

– Как? – коротко спросил его Олег Андреевич.

«Замок» промолчал, давая ему понять, что он все сделал чисто, без шума, не оставив после себя следов.

– Завтра поедешь к Вере. Мне нужны журналы испытаний.

– А если откажется?

– Сделай так, чтобы не отказалась....

Они разошлись в разные стороны. Покровский направился в сторону станции метро, а «Замок» на вокзал.

***

Капитан Крылов посмотрел на вошедшего в его кабинет лейтенанта Воронцова и молча, указал ему на стул.

– Что у вас? – спросил он лейтенанта.

– Вот посмотрите, товарищ майор. Это показания связного Покровского, которого мы задержали неделю назад. Он признается, что работал на немецкую разведку.

Воронцов открыл папку и, достав из нее лист бумаги, протянул его майору. Заместитель начальника отдела быстро «пробежал» по ней глазами и положил ее на край стола.

– Что с радисткой? – выдержав небольшую паузу, спросил его майор. – Вы нашли ее?

– Ищем, товарищ майор.

– Слишком долго ищите, лейтенант.

– Пока она не выходила в эфир, следовательно, у нее нет прямой возможности связаться с Покровским. Выходит, «Инвалид» был единственным связным между ними....

– Это ни о чем не говорит, лейтенант. Что у нас с образцами, которые передала ему «Зорька»?

– Они у нас, товарищ майор.

Заместитель начальника отдела многозначительно посмотрел на Воронцова. Почувствовав на себе этот взгляд холодных серых глаз, лейтенант невольно поежился. Он хорошо знал своего начальника и тот мог моментально взорваться.

– Я вам уже докладывал, о контакте «Зорьки» с «Замком». Тот передал ей требование Покровского, чтобы она вынесла с работы журнал проводимых испытаний. Этот приказ был вызван по всей вероятности тем, что нам удалось лишить его образцов брони. Он наверняка понял, что легче переправить на запад этот журнал, чем сами образцы.

– Это не факт. Здесь что-то есть, чего мы пока не знаем.

Воронцов посмотрел на капитана. Он знал, что сидевший перед ним человек, обладал большим опытом работы в органах контрразведки и сейчас, его слова вызвали у лейтенанта некое беспокойство.

– Что вы хотите этим сказать, товарищ капитан?

– Я хочу, чтобы вы, как можно быстрее нашли радиста. Если мы будем знать, что замышляет немецкая разведка, то мы сможем контролировать всю деятельность группы Покровского. Следовательно, всегда можем начать свою контригру, а это, сейчас самое главное в этой игре.

– Я вас понял, товарищ капитан.

– Вот и хорошо. Тогда исполняйте... Держите меня в курсе ваших разработок

– Есть, товарищ капитан.

Воронцов вышел из кабинета заместителя начальника отдела. Заглянув в канцелярию, он приказал вызвать к себе Мальцева. Сев за стол, он закурил папиросу и посмотрел на шторы, которые были плотно закрыты. Раздвинув их, он открыл окно. Поток воздуха буквально ворвался в его кабинет, сбросив, лежавшие на столе бумаги. Нагнувшись, он стал собирать их с пола, не заметив, как в кабинет вошел Мальцев.

– Вызывали, товарищ лейтенант? – обратился к нему сотрудник.

Лейтенант выпрямился и посмотрел на подчиненного.

– Илья! Я только что от капитана. Что у нас с «Зорькой»?

– На работе она, товарищ лейтенант. Наблюдения за ней мы не заметили.

Воронцов сел за стол. Он взял в руки потухшую папиросу и прикурил ее.

– Запомните, Мальцев! Вы несете персональную ответственность за нее.

– Понял. Разрешите идти?

Лейтенант махнул рукой и тот, щелкнув каблучками полуботинок, вышел из кабинета.

***

Корнилова открыла входную дверь квартиры и, сбросив с

ног туфли, вошла в комнату. В кресле, вальяжно развалившись, сидел «Замок», на лице которого блуждала зловещая улыбка. Вера, вздрогнула, увидев его в своей квартире»

«Бежать!» – первое, что пришло ей в голову.

– Проходи! Что замерзла, – произнес мужчина и тихо рассмеялся. – Что не ждала гостей?

Хозяйка, молча, прошла мимо гостя и зайдя за створку шифоньера, она сняла с себя платье и быстро переделалась в домашний халат.

– Что приперся? – грубо спросила «Замка» Корнилова.

Он удивленно поднял брови, так как явно не ожидал столь грубого приема от интеллигентного вида хозяйки. – Что молчишь? Замерз, что ли?

– Ну, ты и даешь, – восхищенно произнес гость. – Настоящая «маруха».

– Я, жду?

– Олег Андреевич интересуется журналом...

– Он, что не понимает, что вынести журнал не возможно.

Во-первых, он хранится у начальника лаборатории в сейфе, во-вторых, похитить его нереально.

– И как теперь? – поинтересовался у нее «Замок». – Безвыходных ситуаций не бывает....

– Я свое слово сказала, остальное за вами. А, сейчас, я хочу, чтобы вы покинули мою квартиру и больше в ней не появлялись.

«Замок» пристально посмотрел на Корнилову. Ему не ве-

рилось, что эта хрупкого вида женщина стала демонстрировать какое-то превосходство над ним.

– Но, но, – угрожающе прошипел он. – Фильтруй базар, барышня. Я не посмотрю, что ты баба....

Рука гостя медленно скользнула по его бедру. Он вытащил нож из голенища сапога и, поднявшись с кресла, медленно направился к Вере. Шаги его были еле слышными, а выражение лица стало напоминать Корниловой, морду хищного зверя.

– Ну, что, мамзель, вот и приплыли, – хрипло произнес он. – Чего молчим? Напугалась? Сегодня я тебя не трону, но если ты начнешь «борзеть», я вскрыю тебя, как скрывают в морге трупы. Ты это поняла? От подбородка до самого этого места.

Вера, молча, смотрела на нож, который плясал в руке «Замка». В этот момент она поняла, что он ее не зарежет, но это – сегодня, что будет завтра, она сказать не могла. Расценив ее молчание, как согласие с его словами, «Замок» сунул нож обратно за голенище сапога.

– Молчишь? Вот, вот и молчи....

Он прошел мимо хозяйки квартиры и скрылся за шторкой прихожей. Сухо щелкнул замок двери, и Корнилова поняла, что осталась дома она.

«Боже мой! Ведь он мог меня просто зарезать, как курицу», – подумала она.

Ноги женщины стали, словно, ватными и она оперлась,

чтобы не упасть на спинку стула. Внутри ее все затряслось от охватившего ее страха. Слезы непроизвольно хлынули из ее больших и красивых глаз.

«Больше не могу, – пронеслось у нее в сознании. – Больше не выдержу».

Она сидела в кресле и плакала. Чтобы как-то успокоиться, она налила из графина в стакан воды и стала ее пить маленькими глотками. Она проклинала тот день, когда дала свое согласие работать в органах НКВД. В тот день она не предполагала, что ее жизнь даст такой крутой поворот.

Она мечтала работать в Париже, вести работу среди заклятых врагов советской власти или Шанхае. Однако, руководство контрразведки предоставило ей роль племянницы репрессированного генерала Стеблева. Она даже не предполагала, что эта роль будет даваться ей так тяжело.

Вера стала с кресла и направилась на кухню, где стала готовить ужин.

***

Покровский сидел около вагонного окна и смотрел, как убегают и тают где-то вдалеке станционные постройки. Скорый поезд Москва-Киев, мчался из одной столицы в другую, столицу советской Украины. Напротив него сидела молодая симпатичная девушка и читала небольшой томик стихов Марии Цветаевой. Она иногда отрывалась от чтения и с интересом бросала свой взгляд на сидевшего напротив нее муж-

чину. Супружеская пара, ехавшая через Киев в Ставрополь, вышла из купе и направилась в вагон-ресторан.

– Скажите, вы всегда такой молчаливый? – обратилась к нему девушка. – Четыре часа едим и ни одного слова.

Олег Андреевич усмехнулся. Ему показался немного странным вопрос этой юной спутницы.

– Что вы хотели услышать от меня? Спросите и я вам отвечу?

Она пожала плечами, давая ему понять, что она вполне готова к маленькому приключению.

– Чем вы так сильно увлечены? – спросил ее Покровский.

– Читаю Марию Цветаеву. Мне нравятся ее стихи....

– А, я был лично знаком с Марией. Меня с ней познакомил мой приятель, который крутил с ней небольшой роман.

Глаза девушки загорелись. Она, просто, не знала, как реагировать на эти слова попутчика.

– И какая она была там в Париже?

– Как вам сказать. Она была привлекательна, но, к сожалению, была замужем.... Скажите, как вас звать, юное создание?

– Валентина или просто, Валя. А вас?

– Можайский Петр Петрович.....

– Вы знаете, вы оказывается очень интересный человек. Бывали в Париже, встречались с Цветаевой....

Он усмехнулся. Судя по блеску ее глаз, Олег Андреевич понял, что ее интерес к его личности у этой девушки непод-

дельный.

– А, вам кто из современных поэтов нравится? – спросила она Покровского, закрывая книгу.

– Я люблю Александра Блока, с удовольствием читаю Сергея Есенина. У меня к вам один не скромный вопрос, куда вы едите?

На щеках девушки появился румянец.

– Я еду в Киев. Там проживает моя бабушка по маме. А вы куда?

– Я тоже в Киев, у меня там дела. А, почему вы одна? Где ваши родители?

Девушка смутилась, и словно обидевшись на вопрос попутчика, отвернулась в сторону.

– Мои родители не могли поехать со мной. У них ответственная работа и им не дали отпуск.

– Вон оно, что? А я сначала подумал, что вы едите с родителями, а оказывается, вы одни. Как вы смотрите на то, что я вас приглашу в ресторан? Угостить вас мне здесь нечем, а в ресторане я думаю, я найду, чем вас удивить.

Судя по ее выражению лица, Валентина была рада этому предложению. Она подошла к зеркалу и стала поправлять прическу.

– Давайте, дождемся, когда вернутся наши соседи, – предложил он ей. – Я так боюсь воров, что не хочу оставлять свои вещи без присмотра.

Ждать пришлось не очень долго, вскоре семейная пара

вернулась в купе. Олег Андреевич поднялся с места и, взглянув на Валентину, вышел в тамбур. Закурив папиросу, он посмотрел в окно вагона, за которым уже сгущались сумерки. Паровоз протяжно загудел, и мимо вагона побежали какие-то станционные постройки.

Валентина, словно мотылек, буквально вылетела из купе. Заметив курившего Покровского, она направилась в его сторону. Вспыхнувший в вагоне электрический свет сделал ее изящную фигурку какой-то призрачно прозрачной и чарующий.

«Какая она изящная, словно фарфоровая статуэтка, – подумал Олег Андреевич. – Как она похожа на Катеньку».

Екатерина Богданова была его первой любовью. Он хорошо помнил, как он, юнкер московского училища, неуклюжа, словно медведь, пытался ухаживать за ней, вызывая ехидные насмешки со стороны своих товарищей. Она погибла в октябре 1917 года при штурме большевиками московского кремля.

– Петр Петрович! Я готова....

Он взял ее под руку и они, покачиваясь в такт движения поезда, направились в вагон – ресторан.

***

Они весело проводили время. Олег Андреевич сыпал анекдотами, вызывая у Валентины приступы смеха. Услужливы официант, молодой человек лет двадцати пяти, услуж-

ливо менял блюда, которые заказывал Покровский.

– Петр Петрович! Можно вас спросить, где и кем вы работаете? – поинтересовалась у него Валентина, покрасневшая от выпитого вина. – Наверняка, вы большой начальник?

– Я, ответственный работника аппарата Молотова. Выполняю его отдельные поручения, – ответил мужчина. – Скажите, Валечка, а вы чем заняты? Работаете? Учитесь?

По лицу девушки разлился румянец.

– Я студентка учительских курсов. Хочу стать учителем.

– Хорошее дело, учить людей, Валя. И чему вы собираетесь учить наших детей?

– Я буду учителем литературы и русского языка.

Покровский улыбнулся. В какой-то момент он поймал себя на мысли, что эта девчушка, сидящая перед ним, годится ему в дочери. Он взял в руки бутылку «Шампанского» и наполнил им бокалы.

– За вас, Валя. Хочу, чтобы вы стали настоящим учителем, чтобы вас любили и уважали ваши ученики.

Они чокнулись бокалами и пригубили напиток.

– Вы извините меня, Петр Петрович, но мне нужно выйти в женскую комнату. Я сейчас вернусь...

Он улыбнулся, давая ей понять, что он не возражает. Она положила салфетку на стол и, поднявшись со стула, направилась в сторону тамбура. Покровский допил вино и направился вслед за Валентиной. Девушка стояла в тамбуре и что-то объясняла мужчине, который стоял к нему спиной. Она

что-то говорила ему, то и дело, жестикулируя рукой. Олег Андреевич злорадно улыбнулся.

«А, говорила, что одна», – с усмешкой подумал он.

Мужчина обернулся, и Покровский сразу узнал в нем сотрудника НКВД, который принимал участие в аресте его связного, «Инвалида».

«Вот я и разгадал: кто есть кто, в этой игре, – подумал он, возвращаясь на место. – Мне даже обидно, что НКВД считает меня дилетантом».

Он сел за стол и, взяв в руки бутылку, налил в бокал вина. Он уже хотел выпить, как заметил Валентину, которая шла между столиками. Она улыбнулась Олегу Андреевичу и присела за стол.

– Налейте мне тоже вина, – обратилась она к Покровскому. – Я хочу вина и любви....

– Не многовато ли будет? – спросил он ее, наливая вино в бокал. – Вы же совсем юная.

Она отрицательно махнула ему головой.

– Гулять, так гулять! Скажите, Петр Петрович, вы женаты?

– Неужели, вы считаете, что я холост? Конечно, женат. У меня двое детей....

Валентина кокетливо улыбнулась.

«Она явно переигрывает, – подумал Покровский, глядя на нее. – Пусть думает, что я не догадываюсь кто она и откуда. Так будет спокойнее ей и мне».

– Вы мне не верите? Почему?

– Если бы вы были женаты, то супруга наверняка бы положила вам «тормозок» с едой, и вы бы не пошли в ресторан.

– Вы умная и наблюдательная, девушка, умеете анализировать и делать выводы. Вам бы в НКВД работать....

В глазах Валентина вспыхнул испуг, но, тут же, погас.

«Она умеет держать себя в руках, и поэтому опасна. Не стоит играть с судьбой и поэтому нужно уходить», – решил он, продолжая наблюдать за девушкой.

Он подозвал к себе официанта и попросил счет. Через пятнадцать минут, Покровский расплатился и, взяв девушку под локоток, направился к выходу из ресторана.

***

Покровский лежал на полке и в свете ночника читал книгу. Иногда он бросал свой взгляд, на лежавшую на нижней полке Валентину. Сейчас, он уже не сомневался в том, что выпитое ей вино стало действовать. Девушка пробовала читать, но томик Цветаевой, то и дело выпадал из ее рук. Рядом с ней мирно сопела женщина, и этот звук буквально баюкал ее и клонил ко сну. Когда из рук Валентины снова выпал томик стихов, Олег Андреевич поднялся с полки и спустился вниз. Он надел обувь и прихватив своей портфель, открыл дверь купе. Прежде чем выйти, он убедился, что коридор вагона пуст. Он осторожно вышел и плотно закрыл за собой дверь. Вагон пошатывало и он, опираясь рукой о стенку ва-

гона, направился в сторону тамбура. Покровский сунул руку в карман пиджака и только сейчас он понял, что на столике оставил свои папиросы.

«Бог с ними, – подумал он. – Главное, выйти незаметно из вагона на ближайшей станции».

Оторвав свой взгляд от вагонной двери, он посмотрел на человека, который вышел из тамбура в противоположном конце вагона. Этим человеком бы сотрудник НКВД. Он осторожно подошел к двери купе, в котором еще минут пять назад находился Покровский и слегка приоткрыл дверь. Увидев, что в купе нет человека, которого они сопровождали с напарницей, он испугано посмотрел по сторонам. На какую-то минуту он исчез в купе и, выскочив оттуда, пулей помчался в сторону тамбура, в котором находился Олег Андреевич. Он стал дергать дверь, но та не поддавалась, так как была закрыта. Покровский хорошо видел растерянное лицо чекиста, он улыбнулся ему и, помахав рукой, открыл дверь вагона.

В лицо Олега Андреевича ударил поток воздуха, который, словно живой человек, попытался вырвать его из тамбура и бросить, куда-то в темноту. Он встал на подножку вагона, стараясь рассмотреть и выбрать место в темноте, чтобы не налететь на столб или дерево. Наконец Покровский прыгнул и исчез в темноте. Коснувшись земли, он несколько раз перевернулся, портфель, который он держал в руках, отлетел куда-то в сторону. Он лежал на земле, стараясь не двигать-

ся и не делать резких движений. Он смотрел в черное бархатное небо, по которому, словно по столу кто-то рассыпал миллионы звезд, которые подмигивали ему своим голубоватым светом. Одни светили ярче, другие были кое-как видны.

Покровский пошевелил левой ногой, затем правой. Боли он не чувствовал и поэтому решил, что ему удалось избежать травмы. Подобную проверку он осуществлял 1919 году, когда его взрывом снаряда швырнуло в глубокий овраг. Тогда ему здорово повезло, телегу, на которой их перевозили раненых, тогда разнесло в клочья, и лишь только он один выжил из семерых его товарищей по оружию. Левая рука легко согнулась в локте, и он коснулся грязными пальцами своего лица.

«Ничего, похоже, Бог миловал», – подумал он.

Он оперся на левую руку и поднялся с земли. Только сейчас, Покровский понял, что в этот раз ему не удалось отделаться так легко. Сильная боль в правом предплечье заставила его вскрикнуть. Перед глазами поплыли радужные круги и комок слабости, словно чья-то невидимая рука схватила его за горло. Его вырвало, но легче от этого Олегу Андреевичу не стало.

«Надо дождаться утра и поискать портфель. Он не мог далеко улететь, – пересиливая боль в плече, подумал он. – Все будет хорошо, я уверен в этом».

Он сделал несколько неуверенных шагов и лег на землю, стараясь расслабиться и забыть о боли, которая с каждой ми-

нутой становилась все сильнее и сильнее. Мимо него, по насыпи, промчался поезд. В темноте ему не удалось прочитать, что было написано на эмалированных белых табличка, прикрепленных к портам вагонов. Наконец ему удалось занять определенную позицию своего тела, и боль стала куда-то исчезать. Он не заметил, как задремал.

Олег Андреевич открыл глаза и не сразу понял, где он находится. Он лежал на небольшой полянке, среди высоких кустов. С трудом поднявшись, он начал искать свой портфель. Нашел он его не сразу, тот повис на одной из ветвей орешника. Покровский услышал мужские голоса и, решив, что его разыскивают сотрудники НКВД, укрылся в кустах. Голоса то стихали, то приближались. Вскоре он увидел мужчину и мальчика. Они сидели на поваленном дереве и завтракали. Рядом с ними на солнце сверкали лежавшие на земле косы.

– Доброе утро, – поздоровался с ними Покровский.

Мужчина с нескрываемым интересом посмотрел на незнакомого мужчину, одетого в грязный и рваный светлый костюм.

– Доброе....., – ответил мужчина.

Он посмотрел на косу, которая лежала в метрах трех от него.

– Скажите, до станции далеко? – задал ему вопрос Олег Андреевич. – Да, вы не бойтесь, я ничего плохого не сделаю вам.

– Кто вы и откуда?

– Я просто неудачно выпрыгнул из кузова грузовика. Было темно, а остальное вы сами видите.

– Странно. До дороги здесь километров около десяти, если не больше.

– Так я и шел всю ночь вдоль железнодорожных путей.

Мужчина с недоверием посмотрел на Покровского, однако уточнять подробности не стал. Ему вообще не нравился этот мужчина, одетый в городской костюм.

– Вот видите это дорогу, – произнес мужчина и рукой указал на едва заметную дорогу, которая петляла между кустов, – двигайтесь по ней. Она вас приведет в село...

– Спасибо, – поблагодарил его Олег Андреевич и направился по дороге дальше.

***

Колеса поезда мерно постукивали на стыках рельс. Олег Андреевич сидел на полке с закрытыми глазами. Он хотел немного вздремнуть, но сильная боль в правом предплечье не давала ему полностью расслабиться. Вправленное травматологом плечо по-прежнему сильно болело и при каждом движении напоминало ему о травме. До Львова было еще далеко, и Покровский пытался мысленно представить этого человека, который должен был обеспечить его переход через границу.

«Прежде, чем звонить ему, нужно проверить надежность явки. После того, как чекисты вышли на меня, я должен быть

намного осторожней. Интересно, кто меня сдал им? «Инвалид», Вера? Корнилова не могла, она и так находится в подвешенном состоянии. Инвалид? Тоже под сомнением. Что он знал обо мне? Практически ничего? Тогда кто? «Замок»? Но он не знал, что я собираюсь поехать в Киев? Так кто же вывел чекистов на меня?»

Чья-то тяжелая рука легла ему на плечо. Он вздрогнул от боли и открыл глаза. Перед ним стоял проводник, за спиной которого он увидел двух пограничников, чьи зеленые околыши на фуражках заметно выделялись среди фуражек, ехавших в вагоне военных.

– Ваш билет? – произнес проводник вагона и посмотрел на пограничников.

Покровский медленно вынул из кармана пиджака паспорт и протянул его проводнику, который передал документ пограничнику.

– Цель вашего приезда? – спросил его военный служащий.

– Хотел навестить своего боевого товарища. Мы с ним когда-то воевали здесь в Галиции.

Пограничник еще раз посмотрел на Олега Андреевича, сверив его внешность с фотографией, вклеенной в паспорте. Видимо его устроил ответ, и он протянул паспорт Покровскому.

– Приятного отдыха, – произнес пограничник, и они проследовали в следующее купе.

Он снова закрыл глаза, погружаясь в свои воспоминания,

словно в воду. Он, молодой юнкер, ждал Катерину около цирка «Шапито», который раскинул свой шатер не так далеко от его училища. Заметив торговку с цветами, он остановил ее жестом руки.

– Мне вот этот букетик васильков, – обратился он к ней и протянул ей мятую купюру.

– Да откуда у меня сдачи? – произнесла торговка. – Помельче есть?

– Нет, коротко – ответил он ей.

В этот момент он увидел Катю, которая шла по улице. Поймав его взгляд, торговка вернула ему деньги и сунула в руку букет с цветами.

– Беги, воин, подари ей букет. Красивая она у тебя....

– Спасибо, – поблагодарил он женщину и, схватив букет синих цветов, поспешил навстречу девушки.

– Ты знаешь, Олег, я пришла попрощаться с тобой. Сегодня я уезжаю в Париж, буду учиться в Сорбонне. Что с тобой? Ты не рад этому?

– Конечно, рад. Выходит, что я тебя больше не увижу?

– Почему же не увидишь? Наступит рождество, каникулы и я вернусь в Москву. Ты что, мне не веришь?

Больше он Катю не видел, вскоре началась война. О том, что она погибла, Олег Андреевич узнал от своего знакомого. Девушка перевязывала раненого солдата, когда в помещение ворвались красногвардейцы. Один из красноармейцев выстрелил в нее, она скончалась на месте.

Паровоз пронзительно загудел. Покровский открыл глаза, взял в руки портфель и не торопясь направился к выходу.

***

Капитан госбезопасности Крылов закончил говорить и, тяжело вздохнув, налил из графина полстакана воды. Он залпом выпил и поставил пустой стакан на поднос. Он двадцать минут назад вернулся с совещания и весь тот негатив, что был «вылит» на него, он буквально выплеснул его на сотрудников своего отделения.

Он остановился напротив лейтенанта Воронцова и посмотрел на него. Тот поднялся из-за стола и вытянулся в «струнку».

– Вы нашли Покровского?

– Пока нет, товарищ капитан, – ответил лейтенант.

– Что вам известно о радисте группы? Вы нашли ее?

– Нет....

– Что значит, нет, Воронцов. Мы держали эту группу в руках, а получилось, что мы ошибались? Немецкая шпионская группа, как песок, вытекла из нашего кулака и бесследно растворилась на просторах нашей родины!

– Мы их найдем, товарищ капитан!

– Я не уверен в этом. Покровский оказался намного умнее и опытнее нас всех! – произнес он раздраженно. – Вы не догадываетесь, что он специально законсервировал свою группу в Москве? Что, молчите?

– Товарищ капитан! Я вам докладывал, что сопровождали Покровского в Киев сержант Новиков и Горелова. Как он расколол их, трудно сказать. Покровский, словно зверь, чувствует опасность.

Лицо капитана стало багровым.

– Вы где служите, лейтенант? В библиотеке или в контрразведке? Здесь нет сказочников! То, что произошло, говорит лишь об одном, что эти два сержанта сделали одну, я повторяю, одну, но существенную ошибку. Проанализируйте их действия при сопровождении объекта наблюдения, и вы найдете ее.

Воронцов моментально понял, что стоит ему произнести еще одно слово и в лучшем случае он может быть уволен из органов контрразведки, а худшем – арестован, как враг народа и расстрелян. Теперь он только смотрел на разъяренного начальника и молчал.

– Вот, что лейтенант! Даю, тебе месяц. Если не найдешь Покровского или кого-то из его группы, можешь сам снять с петлиц шпалу. Ты понял меня, Воронцов?!

– Так точно, товарищ майор!

По лицу капитана Крылова пробежала тень недовольства. Ему явно не нравилась эта солдатская бравада.

– Ты понял, меня? – переспросил он Воронцова. – Делай, что угодно, но найди их! Этим ты спасешь не только себя, но и меня. Там, наверху, не поймут нас.

Он подошел к столу и снова налил себе в стакан воду. Вы-

пив ее, он посмотрел на притихших сотрудников отдела.

– Что, притихли? Работать надо! Это для всех! – произнес он и сел за стол. – Вопросы есть?

Сотрудники молчали. Каждый считал себя отчасти счастливым, ведь весь гнев начальник отдела слил на Воронцова, а не на кого-то из них.

– Раз вопросов нет, то можете быть свободны!

Все встали и, гремя стульями, направились из кабинета.

– Воронцов! Задержись!

Лейтенант задвинул стул под стол и подошел к капитану.

– Присаживайся! Какие будут соображения? – спросил его Крылов.

Он сел и раскрыв общую тетрадь, начал перечислять запланированные им мероприятия. Капитан не перебивал его, делая иногда какие-то лишь ему понятные заметки в своем журнале.

– Хорошо. Я доложу о твоих мероприятиях. Думаю, что подключение сотрудников милиции к розыску, вполне оправдано. Иди, работай....

Воронцов поднялся и, еще раз взглянув на начальника, вышел из кабинета.

***

Покровский сидел за столом небольшой столовой и внимательно наблюдал за точильщиком ножей, который стоял на другой сторону улицы. К нему иногда подходили люди и

он, улыбаясь, точил им ножи и топоры. За все эти два дня, что он наблюдал за ним, Олег Андреевич не заметил, чтобы к нему подходил кто-то дважды. Это был связной. Покровский встал из-за стола и направился к выходу. Выйдя на улицу, Олег Андреевич закурил папиросу и посмотрел по сторонам, стараясь угадать среди мирно шагавших граждан агентов НКВД. Бросив папиросу, он перешел улицу и подошел к мужчине.

– Вы не заточите мне нож, – произнес он и протянул ему небольшой складной нож.

Точильщик взял в руки нож и с интересом посмотрел на клиента.

– Хороший у вас нож, – произнес мастер. – И сталь хорошая....

– Вы угадали. Это подарок моего товарища.

– Не пана Грабовского ли?

– Да....

– Завтра в 17-00 вон в том костеле, – произнес точильщик, возвращая нож Покровскому.

Тот сунул нож в карман пиджака и направился по улице. Он свернул в узкий переулок и вышел у костела. Сняв с головы шляпу, он вошел в храм. Олег Андреевич медленно обошел костел, отмечая про себя возможные пути отхода, в случае засады НКВД.

«Они тоже не дураки и тоже, наверное, осмотрят храм, чтобы перекрыть пути возможного его отхода, – размышлял

он. – Если бы меня ждали чекисты, то наверняка, я бы срисовал их за эти два дня наблюдения. Похоже, здесь все чисто».

На следующий день он снова оказался в этой небольшой точке общепита. Развернув газету и заказав завтрак, он стал наблюдать за улицей. Вскоре появился точильщик. Он встал на свое постоянное место и стал с интересом всматриваться в лица, проходящих мимо него людей. Неожиданно он улыбнулся мужчине, который проходил мимо него. Покровский вышел из столовой через служебный выход и, найдя взглядом мужчину, направился вслед за ним. Тот, словно, почувствовав за собой наблюдение, долго гулял по городу, пока не остановился около пивной. Оглядевшись по сторонам, он вошел в питейное заведение. Вслед за ним в помещение вошел и Олег Андреевич.

Мужчины стояли за столиком и о чем-то тихо переговаривались. Покровский встал недалеко от них и заказал кружку пива. Один из мужчин с нескрываемым любопытством посмотрел на него, и что-то сказав своим приятелям, вышел из пивной. Олег Андреевич нащупал в кармане рукоятку револьвера, взвел курок.

«Неужели засада и я сам, добровольно пришел сюда? – задал он себе вопрос. – Если это так, то просто они меня не возьмут».

В помещение снова вошел мужчина, который выходил из пивной. Взглянув на Покровского, он прошел в зал.

«Нужно уходить», – решил Олег Андреевич и, оставив в

сторону кружку с недопитым пивом, вышел из пивной.

«Если кто-то из них выйдет и пойдет за мной, значит это чекисты», – подумал он и направился в сторону костела.

Он несколько раз проверялся, но обнаружить слежку ему не удалось. Успокоившись, он направился к месту встречи. Точильщика он увидел издали. Тот стоял около двери костела и курил. Покровский сразу же направился в его сторону, предварительно сняв с головы шляпу. Этот жест означал, что он чист и за ним нет слежки. Он встал рядом и, достав из кармана пачку папирос, закурил.

– Мне нужен коридор, – тихо произнес он.

– Вы уходите один? – спросил его мужчина.

– Да....

– Хорошо. Через день на этом месте, – произнес точильщик и, бросив папиросу в урну, вошел с костел.

Покровский посмотрел по сторонам, а затем, надев на голову шляпу, медленно направился в сторону ближайших домов.

***

Ночь выдалась темной. Луна, словно уставшая светить каждую ночь, укрылась в густых и легких облаках. Было тихо так, что хорошо было слышно, как ним приближается наряд советских пограничников. Покровский с силой сжал в руке оружие и от этого внезапно охватившего его волнения, у него моментально вспотела ладонь. Он посмотрел на про-

водника, который лежал в метре от него, но лица этого уже не молодого мужчины, не увидел.

«Хорошо, что пограничники без собаки, – подумал он. – Натасканные и обученные псы моментально бы почувствовали чужих, скрывающихся от них людей».

Пограничник, что был вооружен винтовкой, внезапно остановился

– Захар! Мне, кажется, что там кто-то есть.

Старший наряда, здоровый высокий молодой человек остановился и посмотрел на своего товарища.

– С чего ты вдруг взял? – спросил он напарника.

– Давай, посмотрим?

– Если тебе это так нужно, то посмотри. Я что-то ничего и никого не вижу.

Пограничник замешкался. Ему стало как-то не по себе....

– Может, вместе посмотрим?

– Ты сколько на границе? Вот, вот, а я третий год. В такой темноте может все показаться, особенно, когда боишься.

– Я не боюсь....

На той стороне Буга раздался выстрел. В небе, шипя и брызгая искрами взорвалась ракета. От ее неживого света стало светло, как днем. Молодой пограничник втянул голову в плечи и посмотрел на старшего наряда.

– Захар! Это, что они?

– Пугают. На испуг берут. Пошли дальше....

Догоревшая ракета, шипя, упала в реку, и снова стало

темно. Наряд двинулся дальше по тропе. Покровский почувствовал легкое прикосновение чье-то руки к своему плечу.

– Пора, – шепотом произнес проводник и пополз к реке.

Ползти было не так далеко и вскоре они оказались у самой воды.

– Сможешь доплыть? – поинтересовался у него проводник.

Олег Андреевич кивнул и стал медленно входить в воду. Она на какой-то момент, словно, вернула его к реальной действительности. Он, молча, пожал руку проводника и, оттолкнувшись от дна, поплыл к противоположному берегу. Сначала он плыл довольно легко и быстро, но вскоре Олег Андреевич начал уставать. Намокшая одежда стала тянуть его вниз, снова заболела травмированная рука.

«Боже, мой! Как я устал, – подумал он. – Где же берег?»

Он повернулся на спину и стал медленно грести. Где-то совсем рядом хлопнул выстрел, и очередная ракета буквально повисла над ним. Он снова начал отчаянно грести, чувствуя, как от напряжения затекают все его мышцы. До берега оставалось метров десять, когда он окончательно выдохся. Правую ногу свела судорога, рука отказывалась подчиняться, и Олег Андреевич с ужасом подумал, что еще миг, и он камнем пойдет ко дну. Наконец его ноги коснулись илистого дна. Он с трудом выбрался на берег и обессилено упал на песок. Ему еще не верилось, что он переплыл эту широкую реку. Цепляясь за кусты, он сделал несколько шагов.

– Хальт! – раздалось из кустов.

Он медленно поднял руки и посмотрел на двух немецких солдат, которые вышли из-за кустов.

– Передайте полковнику из абвера, господину Штельману, что Покровский прибыл в его распоряжение.

Немцы с удивлением посмотрели на мокрого и уставшего русского, который стоял перед ними.

– Что он говорит? – спросил солдат своего товарища.

– Я не знаю. Я тоже не понимаю по-русски. Давай, отведем его к лейтенанту. Пусть он разбирается с этим русским пловцом.

Один из солдат схватил Покровского за шиворот и толкнул его стволом автомата в бок. Олег Андреевич хотел еще что-то сказать солдату, но сильный удар приклада автомата в спину заставил его ойкнуть и зашагать быстрее.

***

Лейтенант госбезопасности Воронцов еще раз перечитал полученную из Рязани шифровку и, положив ее в папку, встал из-за стола. Закурив папиросу, он открыл окно и снова сел за стол. Набрав номер секретаря начальника отдела, он стал ждать ответа. Наконец, на том конце провода что-то щелкнуло, и он услышал женский голос.

– Я слушаю вас.

– Это лейтенант Воронцов. Скажите, Ксения, капитан Крылов у себя?

– К сожалению, его нет на месте. Он на совещании у руководства.

Воронцов положил трубку и посмотрел на стену, на которой с неким укором смотрел на него основатель ЧК – Дзержинский. Положив папку на стол, он сел в кресло.

«Интересно, что скажет капитан, когда я ему доложу о том, что нами установлено местонахождение радистки? – подумал он. – Конечно, он спросит в отношении Покровского, что ему ответить? Что, мы по-прежнему пытаемся его найти? Я ему об этом уже говорил, тогда, что сказать? Не знаешь?»

Лейтенант действительно не знал, как ему нужно ответить на этот вопрос. Покровский, словно человек-невидимка, растворился на просторах страны.

«Как быть с Корниловой? Стоит ее выводить из игры или нет? Крылов не позволит, а вдруг Покровский объявится снова?»

На столе противно зазвонил телефон. Звук звонка был каким-то глухим, словно, аппарат заболел и терял последние силы. Лейтенант снял трубку.

– Зайди, – скомандовал Крылов.

– Есть, – ответил Воронцов.

Он расправил гимнастерку и, взяв в руки папку, направился к двери. Кабинет капитана находился в другом конце узкого и длинного коридора. Шаги лейтенанта глушила ковровая дорожка, которая лежала на полу. Остановившись у

двери заместителя начальника отдела, он глубоко вздохнул и толкнул дверь. Воронцов прошел мимо секретаря и вошел в кабинет капитана. Судя по его лицу, тот находился в не лучшем расположении духа. Он, молча, указал подчиненному на стул. Подписав несколько документов, он положил их в папку и посмотрел сотрудника.

– Товарищ майор! Нам удалось установить местонахождение радиста Покровского. Она сейчас живет у дальней родственнице в Рязани.

Лицо Крылова было неподвижно, словно он не понимал, о чем идет речь.

– Какие будут указания, товарищ капитан?

Начальник, словно очнувшись, посмотрел на сидевшего напротив него лейтенанта.

– Что ты сказал? Нашел радиста? Это хорошо, Воронцов. Что у нас с «Замком»? Только не говори, что ищите. Спите много, лейтенант. Вы уже и уголовного разыскать не в состоянии, – произнес Крылов. – Что мне с тобой делать? Ты понимаешь, что Покровский после себя оставил «спящую» ячейку, которая в любой момент может снова активно работать?

– Так точно, товарищ капитан. Думаю, что в самые ближайшие дни нам удастся найти их всех.

– У тебя еще одна неделя, ты понял лейтенант?

– Так точно, товарищ капитан. Что будем делать с радистом?

– Держать под колпаком. Если Покровский не ушел за кордон, он обязательно с ней свяжется.

– Все понял.

– Да, ничего ты не понимаешь, лейтенант. Немцы активизировали свою разведку. Фиксируются множественные попытки перехода нашей границы. Теперь, когда вся Европа под немецким сапогом, главным врагом для них становимся мы.

– А, как же Пакт о ненападении?

– Это пыль. Так, что нас в скорее ожидают большие потрясения.

Капитан посмотрел на подчиненного. Тот выдержал этот колючий взгляд своего начальника.

– Надеюсь, ты понял меня?

– Так точно, товарищ капитан.

– Иди, работай. Я жду от тебя лишь положительных результатов.

Лейтенант встал и, развернувшись, направился к двери.

***

Рита Александровна тяжело шагая поднималась по лестнице. В последнее время ее мучили сильные боли в коленях. Остановившись, она перевела «дух» и, проклиная себя за то, что не послушалась совета мужа, пошла в магазин за продуктами. На третьем этаже щелкнул замок.

«Это у Мамедовых», – определила она на слух

Мимо нее прошел молодой человек, насвистывая какой-то веселый мотивчик. Она проводила его взглядом, и сразу забыв о боли, направилась домой. Открыв дверь квартиры, она направилась в зал, где на тумбочке стоял телефон.

– Алло! Полиция! Хочу сделать устное заявление, – произнесла слегка осипшим от волнения голосом, Рита Александровна. – Мне только что попался навстречу молодой человек, которого вы разыскиваете. Я не помню его фамилию, я его фото видела на доске объявлений милиции. Приезжайте по адресу Советских писателей, дом 64. Похоже, он проживает у моих соседей Мамедовых.

– Записал, – ответил ей дежурный по отделу милиции. – Скажите, Рита Александровна, вы сами в какой квартире живете?

Этот вопрос дежурного застал ее врасплох.

– А зачем вам моя квартира?

– Нужно, – сухо ей ответил дежурный. – Я, жду....

– Номер 65, – выдавила она из себя. – Но, я ничего подписывать не буду...

– Ждите, – коротко произнес милиционер и положил трубку.

Она положила трубку, и в этот момент в прихожей раздался звонок. Он был таким резким и неожиданным, что женщина вздрогнула. Она буквально на цыпочках подошла к двери и посмотрела в глазок. За дверью стоял ее муж. Она облегченно вздохнула и открыла дверь.

– Что с тобой? – поинтересовался у нее муж. – На тебе нет лица? Кто тебя так напугал?

– Что опять не так? – спросила Рита Александровна его.

– Бледная какая-то, словно кто-то тебя напугал до смерти. – повторил он снова. – В гроб и то краше кладут. Ты только посмотри на себя.

Она закрыла за ним дверь и когда они прошли в зал, она рассказала мужу что встретила на лестнице преступника, которого разыскивает милиция.

– Надеюсь, ты не подняла шум?

– Я позвонила и сообщила об этом в милицию.

Мужчина с осуждением посмотрел на жену.

– Ты знаешь, почему мы выжили в гражданскую войну? – спросил он ее. – Потому, что не совались ни в какие дела. Нам было все равно, кто у власти: красные или белые. Сколько тогда погибло людей, кто решил, что это им не все равно.

– Гриша! Но я хотела сделать, как лучше....

Муж промолчал, так как хорошо знал, что все беды человечества возникают при желании сделать что-то лучше.

– Обедать будешь? – поинтересовалась она у мужа.

Он махнул головой и, открыв дверь, вышел на балкон. Недалеко от их подъезда остановилась черная «Эмка». Из машины вышел мужчина в шляпе и, взглянув на дом, направился в их подъезд. У хозяина квартиры моментально заболело что-то за грудиной. Через минуту-другую в их дверь кто-то позвонил. Из кухни вышла Рита Александровна и, вы-

тирая руки о передник, прошла в прихожую.

Хозяин квартиры встретил гостя в зале. Вошедший мужчина, молча, протянул ему раскрытое удостоверение личности. Перед глазами Григория все поплыло и он не смог даже прочитать, кто стоял перед ним.

– Я присяду с вашего разрешения? – произнес гость и посмотрел на хозяина.

– Конечно, – выдавил из себя хозяин, чувствуя, как между лопаток заструился ручеек пота.

Мужчина достал из кармана пиджака несколько фотографий и положил их на стол.

– Кого вы сегодня видели в вашем доме? – задал он им вопрос.

– Вот этого, – произнесла женщина и ткнула пальцем в фото, на котором был изображен «Замок». – Правда он сейчас выглядит более импозантно.

– Выходит, он выходил из соседней квартиры? Во что он одет?

– Это вы не ко мне. Я его не видел, – произнес он и посмотрел на Риту Александровну.

Женщина стала рассказывать мужчине о своих соседях. Ее муж сидел в сторонке и с удивлением слушал ее рассказ. Он не скрывал своего удивления, что его супруга так много знает о жизни этих людей. Мужчина, неторопливо что-то писал в свой небольшой блокнот и бросал свой взгляд на рассказчика. Когда она замолчала, мужчина поднялся из-за

стола.

– Я рассчитываю, что наш разговор останется в тайне, – произнес гость, прощаясь с хозяевами квартиры.

– О чем речь. Мы немые, словно рыбы.

Мужчина улыбнулся и вышел из квартиры.

***

«Замок» ехал в трамвае и привычным взглядом «карманника» рассматривал пассажиров, которые толпились в вагоне. Наконец его взгляд остановился на полной женщине в черном бархатном платье.

«А, вот и «овца», которую нужно постричь», – с усмешкой подумал он и стал медленно приближаться к женщине, работая локтями.

Неожиданно он уперся в спину молодого человека. Он хотел его отодвинуть в сторону, но тот, не двигаясь с места. «Замок» сразу все понял. Рука парня осторожно приоткрыла женскую сумку и в ту же секунду появилась вновь, сжимая между пальцев кошелек.

«Ловко он «подстриг» даму», – успел подумать «Замок», прежде чем молодой человек, работая локтями, переместился в сторону от женщины.

– Караул! Обворовали! – закричала женщина. – Держите, вора!

«Замок» попытался отодвинуться от женщины, как кто-то из стоящих рядом с ним мужчин, схватил его за руку. Он

попытался вырваться, но мужчина, словно клещ, вцепился в его руку. «Замок» моментально понял, что еще момент и его передадут в руки милиции.

– Порежу! – громко закричал он, и страшно вращая глазами, достал свободной рукой финку.

Вокруг него моментально образовался вакуум. Однако, мужчина все также крепко держал его за руку, стараясь скрутить ее. В этот момент на помощь мужчине ринулся еще один пассажир, который ловким ударом ноги, выбил из его рук финку. «Замок» был в отчаянии, так как не видел какого-либо выхода из сложившейся ситуации. Все моментально изменилось, когда стоявший в стороне незнакомый ему вор, сильным и хорошо поставленным ударом в челюсть свалил на пол одного из мужчин. Тот отлетел в сторону и непонимающим взглядом посмотрел на парня. Вторым ударом, незнакомец свалил с ног и второго мужчину, который падая на пол, отпустил руку «Замка».

– На срыв! – громко выкрикнул незнакомец и на ходу выскочил из трамвая.

Вслед за ним выпрыгнул и «Замок», который споткнувшись, повалился на землю. Парень помог ему подняться, и они бросились в ближайшую подворотню. Убедившись, что за ними никто не гонится, они присели на лавку. Парень достал из кармана брюк папиросы и протянул их «Замку».

– Кури! – произнес незнакомец. – Спички есть?

«Замок» закурил и посмотрел на своего спасителя.

– Ты кто такой? – спросил его «Замок». – Что-то я тебя парень не знаю?

– Ты случайно не из милиции? Слишком много вопросов. Я тоже тебя не знаю...

«Замок» сплюнул под ноги и с вызовом посмотрел на незнакомца.

– Поинтересуйся у братвы, кто такой «Замок», если желаешь узнать кто я и каких мастей.

Теперь уже незнакомец с интересом посмотрел на своего собеседника.

– Меня зовут Владимиром, я из Владимира. Погоняло у меня «Ветер». Слышал о таком?

«Замок» присвистнул от удивления. Эту кличку он слышал не раз и хорошо знал, что она принадлежит известному вору.

– Слышал я о «Ветре», слышал... Говорят среди братвы, что ты парень фортовый. «Щипачь» ты профессиональный.

Владимир улыбнулся.

– Фарт нужен при игре в очко, а в жизни нужна голова.

«Замок» бросил недокуренную папиросу на землю и придавил окурочком носком полуботинка.

– Может, пойдем «Ветер» спрыснем наше знакомство. Спасибо тебе, что помог товарищу в трудную минуту.

– Пойдем, я не против, тем более, что я смог «подрезать» кошелек у этой овцы прежде чем поднялся этот кипишь.

Они поднялись со скамейки и направились в пивную.

***

Варшавская школа абвера. В кабинете царил полумрак. На столе полковника Штельмана работал вентилятор и потоки прохладного воздуха, словно капли живительной влаги, периодически натывались на потное лицо Покровского, который сидел напротив хозяина кабинета и не отрывая своего взгляда, смотрел на хозяина кабинета.

– Господин Покровский, почему вы без нашего согласия перешли границу? Где ваши люди?

– Я решил перевести агентуру в «спящий» режим. Чекистам удалось выйти на связного, и его арест мог привести к ликвидации всей агентурной сети.

– Выходит, вы просто испугались возможного провала и решили перебраться сюда?

По лицу Олега Андреевича пробежала едва заметная тень.

– Господин полковник! Еще никто и никогда не обвинял меня в трусости. Я всегда был врагом советской России, им и остаюсь. Пока есть с кем сражаться, я не побегу и не лягу в траншею.

– Не нужно возмущаться, господин Покровский. Я не хотел вас как-то унижить или обидеть. Мы сейчас в ожидании больших событий. Наши передовые части стоят на границе с Советским союзом. Вы, наверно, уже сами догадались, к чему я виду. Нашему командованию необходимы сведения о дислокации советских войск, их численности и вооружения.

Так, концерн Крупа очень интересуют разработки советской брони, которую они используют в производстве своих танков Т-34 и КВ-2. Для того чтобы успешно с ними бороться, нам нужен состав брони, то есть все, что связано со всем этим. Как я понял, вам удалось завербовать сотрудника лаборатории, в которой проходят эти испытания, но, ни образцов, ни отчетов по их испытаниям мы получить так и не смогли и в этом ваша вина. Вы меня поняли, господин Покровский?

Олег Андреевич был немного удивлен откровенностью полковника. Он и сам догадывался, что все эти Пакты о ненападении, лишь «филькина» грамота и что война между Германией и СССР неизбежна. Сейчас, то, что поведал ему Штельман, вселило в Покровского некоторую уверенность, что крах большевиков практически неизбежен.

– Вам придется, снова, вернуться в Россию. Вы и ваши люди должны подорвать уверенность в победе большевиков. Если раньше вопрос о техническом шпионаже был закономерно первичным, то теперь на первое место ставится совершенно другие методы борьбы с большевизмом. Мы должны уничтожать их промышленные предприятия, вселять ужас....

Он сделал небольшую паузу и посмотрел на своего собеседника, как тот реагирует на его слова. Заметив неподдельный интерес на лице Олега Андреевича, полковник продолжил:

– Диверсии, вот, что мы поставим во главу борьбы с боль-

шевиками. Чем меньше они выпустят танков и самолетов, тем легче будет вермахту, сломать гребет русским. Теперь нам нужны не только сведения о составе брони русских танков, но и уничтожение самой лаборатории. Насколько нам известно, данная лаборатория является, пока единственным местом испытания брони и если мы ее выведем из строя, то русским понадобится несколько месяцев для ее восстановления.

Полковник замолчал. Он достал из кармана френча носовой платок и вытер им вспотевший лоб. Пауза явно затягивалась.

– Что вы скажите, господин Покровский?

– Вас интересует мое мнение, господин полковник? Я офицер и для меня приказ, дело святое. Я готов вернуться в СССР...

– Другого ответа я от вас не ожидал. Вам приходилось прыгать с парашютом?

– Нет. Для меня более привычный способ по земле.

– Хорошо. Все остальное вы узнаете у моего заместителя майора Вильма. Больше я вас не задерживаю.

Покровский встал с кресла и, попрощавшись с полковником, направился к двери. Прежде чем выйти, он еще раз посмотрел на Штельмана и лишь, затем закрыл за собой дверь.

«Выходит мы на пороге большой войны, – подумал Олег Андреевич, доставая из кармана сигареты. – Бог услышал мои молитвы и дает мне еще одну возможность посчитаться

за родителей и любовь».

Заметив майора, он бросил сигарету в урну и направился ему навстречу.

***

Мотор самолета неожиданно взвыл, словно, стараясь напомнить о себе летчику. Самолет, задрав нос, стал набирать высоту, чтобы уйти выше облаков. Покровский уцепился руками за металлическую лавку, которая проходила по борту транспортного самолета немецких ВВС. Его стало мутить. Он широко раскрыл рот, как бы стараясь захватить им, как можно больше воздуха. Олег Андреевич посмотрел на трех парашютистов, которые вместе с ним находились в этом металлическом брюхе самолета.

Дверь кабины пилота открылась. Стрелок-радист, одетый в серо-зеленый комбинезон, прошел мимо Покровского и подошел к двери. Через мгновение над кабиной пилота загорелась лампа. Все встали со своих мест и медленно шагая, подошли к двери. Он открыл дверь. Сильный порыв ветра ударил в лицо, Олега Андреевича, прижав его к холодному металлу фюзеляжа. Он невольно посмотрел на других парашютистов, лица которых моментально побелели. Этот порыв ветра заставил каждого из них втянуть голову в плечи.

– Давай! – произнес он и рукой указал в черный проем.

Покровский прыгал последним. Он остановился около двери, за которой чернела бездна. Сильный толчок в спину

заставил его сделать шаг вперед. Пролетев четыре секунды, он согласно инструкции дернул за кольцо. Сильный хлопок и рывок парашюта, немного успокоил его. Он посмотрел вниз. Ни огонька, ни звука. Под ним колыхалась бездонная темнота. Это черное безмолвие вселяло страх, который заставлял учащенно стучать сердце. Сколько оставалось до земли, он не знал. Ему здорово повезло, Олег Андреевич, приземлился на небольшой лесной полянке. Он быстро собрал парашют и, выкопав под деревом яму, сунул его туда. Засыпав ее, он достал карту, компас и стал определять место своего нахождения. Согласно карте, он находился в десяти километрах от дороги.

«Нужно срочно покинуть зону приземления, – вспомнил он слова инструктора, – если хотите остаться в живых. Любое промедление на точке высадки может обернуться для вас задержанием, либо ликвидацией».

Закинув вещевой мешок за спину, он быстрым шагом, направился в сторону дороги. Покровский шел лесом и вскоре заметил, что тот стал редеть. Олег Андреевич остановился и, достав из-за пазухи карту, стал ее тщательно рассматривать. То, что он шел по временному графику, радовало его. До дороги оставалось еще километра два. Наконец он увидел витиеватую ленту дороги, которая, словно, нож разрезала на две половины лесной массив. Вскоре на шоссе показался грузовик. Он промчался мимо него и остановился, съехав в кювет. Водитель вышел из кабины и, подняв капот полу-

торки, стал осматривать двигатель машины.

Олег Андреевич не спешил выходить из кустов. Лишь только убедившись, что в машине кроме водителя никого больше нет, он достал фонарик и трижды мигнул. Заметив два сигнала со стороны шофера, он вышел из кустов и направился в его сторону. Сжав в руке пистолет, он подошел к машине.

– Как далеко до станции? – обратился Олег Андреевич к водителю.

– Это, смотря до какой, – прозвучал отзыв.

– До ближайшей....

Покровский с облегчением снял с плеч вещевой мешок и положил его в кузов грузовика. Он сел в кабину и посмотрел на шофера, который опустив капот, сел рядом с ним.

– Успеем? – спросил его Олег Андреевич.

– Должны успеть, – ответил тот и протянул ему железнодорожный билет.

Машина рванула с места и помчалась в сторону ближайшей железнодорожной станции. Водитель попытался, что-то спросить у пассажира, но тот, продолжал молчать.

– Что вы все молчите и молчите. В дороге молчать нельзя....

– Заткнись! – с нескрываемой злостью ответил ему Покровский.

Водитель замолчал. Достав из кармана куртки папиросы, он закурил. Впереди показались станционные постройки.

– Останови машину, – приказал ему Олег Андреевич. – Здесь недалеко, дойду, время еще есть..

Машина, натружено скрепя тормозами, остановилась. Покровский достал из кузова вещевой мешок и молча, направился к станции. Оглянувшись, он увидел, как полуторка развернулась и помчалась в обратную сторону.

«Вот я и снова на родине, – подумал он. – Я словно щепка в мировом океане, волны которого неоднократно прибивают меня к одному и тому же берегу».

Олег Андреевич подошел к кассе и слегка, постучал пальцами по фанерке. Она дрогнула и в открытое окошечко на него посмотрела уже не молодая женщина в черном кителе железнодорожника.

– Чего нужно? – со злостью спросила его женщина.

От такого неожиданного напора он даже растерялся.

– Как с поездом? Не опаздывает?

– Мне не докладывают, – произнесла кассир и закрыла свое окошко.

Покровский посмотрел на часы и сел на лавку.

***

«Ветер» сидел за столом, на котором в беспорядке стояли бутылки с вином и водкой, лежали куски хлеба, колбасы, пустые банки из-под рыбных консервов. В прихожую вошел «Замок» и прошел в зал.

– Ты где так долго мотался? – спросил его «Ветер». – Те-

бя только за смертью посылать, проживешь еще три лишних дня.

– Что за базар? Ты что следовательно, что ли?

Час назад «Замок» встретился с Покровским и теперь не знал, как ему поступить со своим приятелем.

– Ты фильтруй базар, я тебе не «смявка» какая-то.

Этот человек, называющий себя «Ветром», пристроил его на одну из квартир и «Замок», был очень ему благодарен за крышу над головой. Он жил в этом адресе более трех месяцев, не зная и не испытывая никаких проблем. Вчера, вечером к нему зашел «Ветер» и они неплохо провели этот вечер за водкой и вкусной закуской. Утром, оставив его в квартире, «Замок» отправился на место встречи с Покровским, который снова, внезапно, появился в его жизни.

«Замок» не ответил, он подошел к столу и налил полстакана водки. Выпив ее залпом, он посмотрел на Владимира. Он явно хотел что-то сказать ему, но, почему-то не решался. Он снова вспомнил вопрос Покровского, который спросил его о «Ветре».

– «Замок»! Это что за молодой человек трется вокруг тебя? – спросил его Олег Андреевич. – Кто он? Что-то он мне не нравится....

«Замок» невольно удивился этому вопросу. Он замялся под пристальным взглядом Покровского.

«Выходит, он следил за мной, если срисовал «Ветра», – подумал он.

– Это мой кореш Володя из Владимира. Он вор и сейчас находится в бегах...

– И, где вы с ним скорешились? В пивной?

– Понимаете, он спас меня от милиции. Не мог же я ему не ответить взаимностью? Он известен в нашей среде...

– Выходит, он тоже, как и ты, блатной?

– Да. Его знают, как «Ветер»....

Покровский замолчал. Сейчас он просто не знал, как поступить с «Замком». Если бы не приказ Берлина о проведении диверсий, он бы конечно не стал бы долго думать и просто исключил бы «Замка» их сферы своих интересов.

– Обо мне ему не слова. Понял? Найди, ему комнату. Я не хочу, чтобы он жил у тебя. Это опасно...

– Понял, – как-то обреченно произнес «Замок». – Он и не живет у меня. Просто иногда заходит в гости....

– Раз понял, то до завтра. Ты мне будешь нужен.

Теперь, глядя на Владимира, «Замок» не знал, как ему сказать, чтобы тот покинул его квартиру. «Ветер» словно догадавшись о молчании приятеля, поднялся из-за стола.

– У тебя есть хата? – спросил его «Замок».

– Не переживай, я не пропаду. Вот видишь, как в жизни все сложно. Я тебя от лагерей спас, ты еще вчера клялся мне в любви и дружбе, а сегодня спрашиваешь, есть ли у меня хата?

Взяв в руки бутылку с водкой «Ветер» вылил в стакан остатки водки и, подняв его, вылил жидкость в широко рас-

крытый рот.

– Пока, «Замок». Бог даст, еще увидимся.....

– погоди, «Ветер»! Ты меня просто неправильно понял....

– Сука, ты «Замок», – произнес он и направился к двери. –

Похоже, ссучился ты окончательно. Я обязательно «прокричу» это братве.

– погоди! Так надо, «Ветер». Если тебе некуда «упасть», то у меня есть одно место. Я его для себя берег, но раз так получилось. Вот возьми, это адрес моей подруги. «Покантуйся» у нее немного, а там будет видно.

«Ветер», молча, взял из его рук небольшой листочек и также, молча, сунул его в карман пиджака.

– Бывай, «Замок»....

Он громко хлопнул дверью. Хозяин квартиры подошел к окну и посмотрел на улицу. Он видел, как из подъезда вышел «Ветер» и, не оглядываясь, проследовал в арку, в которой исчез. Замок быстро переоделся и вышел из квартиры. Посмотрев по сторонам, он по привычке выставил сигнальный маячок на двери и быстро сбежал по лестнице.

Он шел по улице, любуясь заходящим солнцем, которое словно в зеркалах, отражалось в витринах и стеклах домов и магазинной. «Замок» сделал петлю, чтобы убедиться в том, что за ним никто не следит. Изначально, у него возникло подозрения в отношении молодого человека, что два квартала шел за ним. Но вскоре, он свернул в переулок и пропал среди пешеходов.

Он быстро спустился по эскалатору и запрыгнул в отъезжавший вагон электрички. Только здесь, он расслабился и улыбнулся девушки, которая с явным интересом рассматривала его.

***

Корнилова Вера шла домой. Всю дорогу ее не покидало ощущение, что кто-то за ней наблюдает. Она вошла в магазин и, встав около прилавка, стала делать вид, что выбирает товар. Заметить наружное наблюдение ей не удалось, то ли человек не последовал за ней в магазин, то ли его просто не было.

«Вера! Что с тобой? Почему ты решила, что кто-то наблюдает за тобой? Покровский бесследно исчез, а, кроме него, ты больше никому не нужна, – размышляла она, складывая продукты в сумку. – Неужели вернулся Олег Андреевич?»

Она вышла из магазина и на какую-то секунду остановилась около дверей. Она внимательно осмотрелась по сторонам и, не заметив ничего подозрительного, направилась в сторону дома. Она вошла в подъезд и поднялась на второй этаж, когда внизу хлопнула входная дверь. Сердце Веры застучало где-то в районе ее горла. По лестничному пролету с третьего этажа спускался «Замок». На его лице блуждала улыбка, которая не сулила Корниловой ничего хорошего.

– Привет! Как живешь, Вера? – спросил он ее. – Я гляжу, все цветешь?

Она хотела броситься по лестнице вниз, но в лестничном пролете, между этажами, стоял незнакомый ей мужчина. Она обернулась. На лице «Замка» играла победная улыбка.

– Не дергайся, милая, ненужно делать резких движений, – тихо произнес он. – Я, не дурак и поэтому все предусмотрел заранее. Еще раз дернешься, и твоя жизнь оборвется прямо здесь, на этом месте.

– Что вам от меня нужно?

– Мне лично, ничего. Но есть интерес к тебе знакомого тебе человека. Завтра он тебе позвонит и назначит встречу. Не придешь – пожалеешь.

Все это было сказано так спокойно и буднично, что у Веры по телу пробежали мурашки. «Замок» прошел мимо нее и стал спускаться вниз. Вслед за ним вышел и мужчина. Корнилова попыталась открыть входную дверь в квартиру, но у нее так дрожали пальцы, что она не сразу могла вставить ключ в замочную скважину. Войдя в квартиру, она села в прихожей на стул и горько заплакала. Ее тело сотрясались от рыданий. Немного успокоившись, она выложила продукты и, набрав телефонный номер, стала ждать ответа. Наконец, ей ответили.

– Товарищ лейтенант! Нам нужно срочно увидеться. Да, да, желательно сегодня, в любое удобное для вас время.

Она уже пятнадцать минут сидела на лавке и ждала лейтенанта Воронцова. Она накинула на себя плащ и посмотрела на наручные часы, которые ей когда-то подарил дядя.

«Почему, нет лейтенанта? – подумала она. – А, может, занят и не может прийти?»

Лейтенанта Воронцова она узнала сразу, несмотря на сумрак. Он спешил ей на встречу, держа в руке небольшой букет полевых цветов.

– Это вам, – произнес он и протянул цветы Вере.

– Как мне? – удивленно спросила его Вера. – Вы же мой начальник?

– Цветы, это не камуфляж. Они действительно для вас. Не смотрите на меня так удивленно, вы просто мне нравитесь, Вера.

Она знала, что этот симпатичный сотрудник госбезопасности не женат и всегда удивлялась тому, что как его до сих пор не женила на себе, какая-нибудь активная девушка.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – поблагодарила она его. – Мне очень приятно. Честно...

Он сел рядом с ней и, обняв ее за плечи, поинтересовался, чем была вызвана эта экстренная встреча. Корнилова рассказала ему о визите к ней «Замка», который передал ей привет от Покровского.

– Выходит, он снова в Москве, – тихо произнес Воронцов. – Что в этот раз заинтересовала его? Наверняка, проведенные вами испытания новых сплавов танковой брони.

– Он завтра должен позвонить мне. Скажите, как мне себя с ним вести? Вы знаете, если честно, я их боюсь.

– Вера! Вы же комсомолка и сотрудник контрразведки!

Вы же сами дали согласие помочь нам в борьбе с немецкими шпионами, а что сейчас получается? Испугались?

– А вдруг они догадаются, что я не тот человек, за которую я себя выдаю? Что тогда?

Воронцов улыбнулся.

– Вы знаете, Вера, если они до этого момента не поняли кто вы, то сейчас вряд ли будут это проверять. Кстати, вы поинтересуйтесь у Покровского, что с вашим знакомым, друга вашего дяди генералом Жигловым?

Она кивнула, давая ему понять, что она все поняла.

– И еще. Вы сами задавайте ему как можно больше вопросов. Тогда и он будет меньше спрашивать вас. Да, да, это один из способов ухода от нежелательных вопросов.

Она замолчала и снова, уже в который раз, «погрузилась в себя».

– Да вы, не переживайте. Наши сотрудники будут прикрывать вас.

Корнилова встала со скамейки и, попрощавшись с лейтенантом, медленно направилась в сторону своего дома.

***

Телефонный звонок был таким неожиданным, что Вера невольно вздрогнула. Руководитель лаборатории поднял трубку и посмотрел на Корнилову.

– Это вас, Вера, – произнес он и положил телефонную трубку на стол. – Скажите вашему воздыхателю, чтобы он

вам больше не звонил на работу. Вы же знаете, у нас это строго запрещено.

Покровский хорошо слышал реплику руководителя лаборатории и поэтому, по его лицу пробежала едва заметная усмешка. Она подошла к столу и взяла в руки трубку.

– Корнилова, – произнесла она сдавленным от волнения голосом. – Слушаю... Да, я поняла, хорошо, буду ждать.

Она положила трубку на рычаг телефона и посмотрела на руководителя лаборатории.

– Что с вами, Вера? Вам плохо?

– Ничего. Сейчас все пройдет, – ответила она и обессилено села на стул.

Ей звонил Покровский и назначил ей встречу на восемь часов вечера.

«Что делать? Звонить Воронцову или нет?»

Последний раз он сказал, что ее прикрывают сотрудники НКВД.

«А, если это не так? – размышляла она. – Нет, звонить не буду. Он ответственный человек и раз так сказал, значит, я должна ему верить».

День тянулся удивительно долго. Наконец, стрелка больших электрических часов, вмонтированных в одну из стен лаборатории, дрогнула и остановилась на цифре 12. Вера сняла с себя халат и, взяв в руки сумку, направилась к двери.

Солнце еще не успело спрятаться за крыши ближайших домов и продолжало светить, радуя людей своим осенним

теплом и светом. «Замка» она увидела сразу. Он сидел на лавочке и делал вид, что читает газету. Корнилова прошла мимо него, сделав вид, что она его не заметила. Мужчина смял газету и швырнул ее в урну, а затем, бросив взгляд по сторонам, направился вслед за Верой.

Корнилова шла по улице, чувствуя на себе взгляд «Замка». Она не пыталась оторваться от него, так как хорошо знала, что преследователь не один и стоит ей лишь сделать попытку оторваться от этих людей, как эта попытка может быть последней в ее жизни. До парка было еще далеко и она, остановившись около киоска, купила себе мороженой.

– Я, под колпаком, – тихо произнесла она, протягивая продавщице деньги. – Двое идут за мной.

– Не волнуйтесь, – посоветовала женщина ей. – Мы в курсе....

– Мне пломбир, – громко произнес «Замок», заметив, что Вера остановилась у светофора.

Продавщица, молча, протянула ему пачку мороженого и стала отсчитывать сдачу. Светофор загорелся зеленым светом, Корнилова стала уверенно переходить перекресток. «Замок» рванул за ней, забыв о сдаче.

– Молодой человек! – закричала вслед ему продавщица. – Возьмите сдачу!

Вера улыбнулась, представив на секунду лицо «Замка». Она свернула в переулок, который упирался в небольшой зеленый парк. Покровский сидел на ближайшей к ней скамей-

ке и держал в руках развернутую газету. Заметив Корнилову, он свернул газету и улыбнулся ей.

– Присаживайтесь, милая, – произнес он, хорошо поставленным баритоном. – Как вы живете? Что нового в вашей прекрасной жизни?

Она присела рядом с Олегом Андреевичем и, взглянув на него, произнесла:

– Без вас бы жила лучше. Что вам в этот раз нужно от меня?

Он снова улыбнулся, не смотря на жесткое высказывание Корниловой.

– Успокойтесь, Вера, не накручивайте себя. Руководство Абвера, а если быть точнее, руководство команды 103, благодарит вас за помощь. А, теперь, слушайте очередную задачу. Вот возьмите фотоаппарат, сфотографируйте все листы вашего журнала испытаний. Это не сложно, расстояние между объектом и аппаратом не более 70 см.

Он сунул руку в карман пиджака и вынул из него маленький миниатюрный фотоаппарат и протянул его Корниловой.

– Желательно работать в свете настольной лампы, – продолжал инструктаж Покровский. – Насколько я знаю, у вас в институте сумки не проверяют.

– Я никогда не занималась фотографией. А вдруг, у меня не получится?

– Не Боги горшки обжигают. Думаю, что вам удастся сделать прекрасные фото.

Вера оглянулась. Недалеко от них на лавке сидел «Замок» и курил папиросу.

– Олег Андреевич! Я не хочу, чтобы вот этот человек ходил за мной попятам. Он раздражает меня.....

Покровский громко рассмеялся и посмотрел в сторону «Замка».

– Сделаете фото, передадите аппарат этому человеку, и он исчезнет из вашей жизни так быстро, как и появился. До свидания, Вера.

Покровский встал и медленным шагом направился в сторону трамвайной остановки.

***

Раздался стук в дверь и небольшую комнату вошел «Замок». Увидев сидевшего за столом Владимира, он радостно подмигнул ему.

– Ну, как «Ветер» устроился у марухи? Вижу, вижу, все на мази.

– Ты, что приперся? Скучно стало? – спросил его Владимир, откинувшись на спинку стула.

– Как тебе сказать, «Ветер», конечно не желание поплакаться в твою жилетку. Дело есть, вот и вспомнил о тебе.

– Значит, нужда заставила шапку передо мной ломать. Это как-то не по масти «Замок». Давай, толкуй....

Гость пододвинул к себе стул и сел. То ли стул был настолько старым, то ли он весил достаточно много, но стул под

ним заскрипел, словно жалуясь на свое трудное прошлое. «Замок», молча, налил полстакана водки и, не глядя на Владимира, опрокинул его в широко раскрытый рот. Крякнув от удовольствия, он закурил. Судя по его поведению, он давал понять «Ветру», что именно он хозяин квартиры, а не этот молодой человек, сидящий напротив него. Он выпустил струю дыма в лицо Владимира и с улыбкой стал наблюдать за тем, как на лице «Ветра» из глаз покатились слеза. Однако, это продолжалось лишь какой-то миг, как в следующее мгновение от сильного удара в челюсть он отлетел от стола и растянулся на полу.

– Ты, что творишь, сука! – прохрипел «Замок», поднимаясь с пола. – Распишу!

Он достал нож и, перебрасывая его из руки в руку, шагнул в сторону Владимира, который продолжал спокойно сидеть за столом. Он приподнял полотенце, и гость увидел револьвер.

– Я тебя еще раз спрашиваю, что сюда притащился? – произнес «Ветер».

Неожиданно распахнулась дверь, и в комнату вошел мужчина средних лет в черном костюме.

– Поговорили или еще нет? – спросил он, обращаясь к Владимиру.

– Ты кто? – спросил его «Ветер» и взял в руки револьвер. – Мент?

Незнакомец улыбнулся.

– Если бы я был ментом, то вы давно бы валялись у помойного ведра со связанными руками.

– Тебе «Замок» сказал, кто я?

– Не успел, – ответил тот, поднимая с пола, стул.

Из разбитой губы гостя струилась тонкая струйка крови. Незнакомец присел на стул и в упор посмотрел на Владимира.

– Я знаю, кто ты и какие у тебя отношения с властью. Она таких, как ты «Ветер» просто пускает в расход. Так, что у тебя жизнь не сладкая. Скрываться всю жизнь невозможно, рано или поздно все равно сгоришь. Я могу тебе помочь легализоваться в этой жизни, сделаю новый паспорт, дам денег. Это для того, чтобы ты мог жить, не опустошая карманы и квартиры трудящихся...

– Мягко стелешь, фраерок. Бесплатный сыр, только в мышеловке бывает. Я не из таких людей, кто верит в подобные слова.

– Конечно, ты прав, «Ветер». Никто тебя не собирается брать на иждивение. Все стоит деньги и работа и отдых. Сделал дело, отдыхай смело, так, по-моему, здесь говорят. Предлагать дважды не буду. Только сгоришь ты «Ветер» синим пламенем, когда сюда нагрянут чекисты.

– А, вам то, какой интерес во мне. Я, кроме того, что воровать больше ничего не умею делать?

– «Ветер»! Ты зубы не показывай, этот человек говорит правду. Кто ты для власти? Правильно пустое место, сегодня

живешь, а завтра сгниешь в лагере. А здесь, новый паспорт, – вклинился в разговор «Замок».

Владимир посмотрел на них, ему просто не верилось, что есть такие добрые люди, готовые помочь ему просто так.

– Я не верю вам! «Замок»! Ты же вор, а он фраер и вдру ты поешь мне его песню.

Незнакомец продолжал в упор рассматривать Владимира, словно пытаясь понять, что еще нужно этому человеку, которого разыскивает вся милиция страны.

– Я больше не буду тебя уговаривать. В конечном итоге, ты не красная девица. Надумаешь выйти из подполья, найдешь «Замка».

Мужчина поднялся из-за стола и вышел из комнаты.

***

Вечером Корнилова встретила с Воронцовым, который как обычно сидел на скамейке небольшого парка. Рядом с ним лежал небольшой букет астр.

«Откуда он знает, что я так люблю эти осенние цветы? – подумала Вера. – Ведь я об этом никогда и никому не рассказывала?»

Она, взглянув на него, присела на краешек скамейки и достала из сумки книгу.

– Вы проверялись, Вера? – тихо спросил он ее.

– Да, – ответила девушка. – Я ничего подозрительного не заметила.

Лейтенант протянул ей амбарную книгу, в которую, как правило, записывались результаты испытаний образцов танковой брони.

– Вот вам журнал, переснимите с него последние данные за сентябрь месяц. Не беспокойтесь, здесь все правильно.

– А, вдруг они догадаются, что это ложные показатели? – спросила его Вера.

– Ничего страшного. Для того чтобы разобраться во всем этом нужно не один месяц. Во-вторых, это испытания образцов и ничего удивительного в том, что эти образцы не могли пройти испытания, вполне закономерен.

Вера взяла журнал и сунула его в сумку.

– Будьте осторожны. Это очень опасные люди, – предупредил он еще раз девушку.

– Спасибо, – ответила она.

– Это, Вера, вам, – тихо произнес лейтенант. – Я знаю, что вы очень любите эти цветы...

На лице Веры выступил едва заметный румянец. Корнилова сунула книгу в сумку и поднялась с лавочки. Взглянув на Воронцова, она улыбнулась и направилась к выходу из сквера.

«Как хорошо, что теперь у меня есть человек, который заботится обо мне, – подумала она. – Сестра в Минске, ей не до меня».

Вернувшись, домой, Вера раскрыла журнал и стала делать фотографии. Работа заняла около часа времени. Закончив,

она убрала журнал в тумбочку и, раздевшись, легла спать.

Весь следующий день она ждала звонка Покровского, но он в этот день не позвонил. Вечером в ее квартире раздался телефонный звонок.

– Добрый вечер, Вера, – поздоровался с ней Покровский. – Надеюсь, ты выполнила мою просьбу?

– Да, – тихо ответила она. – Аппарат у меня дома.

– Хорошо. Завтра его заберет «Замок».

– Может, я сама вам его передам. Мне неприятен этот человек....

– Я же не заставляю вас ложиться с ним в постель. Вы просто передадите ему фотоаппарат и не более. Он зайдет завтра часов в восемь вечера. Будьте дома....

В трубке слышались гудки отбоя. Корнилова положила трубку на рычаг телефона, отметив про себя, что у нее вспотела ладонь, державшая трубку.

«Вера! Держи себя в руках, – словно подводя итог разговора, подумала она. – Тебе же лейтенант говорил, что это лишь начало игры».

Вечером следующего дня в квартиру Корниловой постучали. Она подошла к двери и взглянула в дверной глазок. На освещенной электрической лампой лестничной площадке, стоял, переминаясь с ноги «Замок». Она открыла дверь и, взглянув на связного, молча, протянула ему фотоаппарат.

– Ты чего? – произнес он.

– Ничего. Зачем пришел, то и получил.

Она резко захлопнула дверь, чем вызвала у «Замка» приступ злости. Он с силой двинул по двери ногой и грязно выругавшись, стал спускаться по лестнице вниз. Он вышел во двор и со злостью ударил ногой по урне.

– Гражданин! Вы, что хулиганите?

«Замок» вздрогнул. К нему направлялись два сотрудника милиции. Он бросился бежать, перепрыгивая через кустарник и невысокий забор. Позади, затрещали милицейские свистки. Выскочив на улицу, он бросился в первый попавший ему навстречу магазин. Он выскочил из него через служебный выход и заскочил в проходящий мимо трамвай. Оглянувшись назад, он понял, что ему удалось оторваться от преследовавших его милиционеров.

«Дурак! – в сердцах выругался он про себя. – А, если бы тебя задержали?»

Только сейчас он осознал угрозу, которую ему удалось избежать. Спрыгнув на ходу с подножки трамвая, он направился к ближайшей станции метро.

***

Роза Константиновна возвращалась с рынка домой. Вот уже третий месяц она гостила у своей далекой родственнице. В определенные моменты, особенно по вечерам, ей казалось, что вся ее прежняя жизнь была каким-то одним страшным приключением. Курсы радистов, которые она успешно закончила еще в разведшколе панской Польши, были в про-

шлом. Тогда она еще не предполагала, что жизнь ее забро-сит в СССР, где она выйдет замуж за музыканта из местного театра и скоро овдовеет.

В один из теплых весенних вечеров в ее квартиру вошли двое мужчин. Тот, что был постарше возрастом бесцеремонно сел за стол и взгляну на ее растерянное и испуганное лицо произнес пароль.

– Теперь вы будете работать на немецкую разведку, – произнес мужчина.

Она хотела возразить, но от мужчины исходил такой холод, словно она уже была мертва, и ее тело находилось в холодильнике морга. Она кивнула.

– Все будет, как и прежде. Вот возьмите, здесь указано время выхода в эфир, частота и позывной. Если вопросов нет, то мы уходим....

Мужчины развернулись и молча, покинули ее квартиру. С этого дня она стала регулярно выходить в эфир, отсылая и получая шифрограммы.

– Добрый день, Роза Константиновна, – услышала она у себя за спиной мужской голос.

Это было так неожиданно для нее, что она чуть ли выронила сумку с продуктами. Она остановилась и посмотрела на молодого человека, который стоял рядом с ней. Она однажды его уже видела, именно он с мужчиной приходил в тот памятный для нее вечер.

– Вам не помочь?

– Спасибо, мне не тяжело, – ответила она.

– Вам срочно нужно вернуться в Москву, – произнес молодой человек. – Это приказ....

Она хотела что-то сказать, но мужчина развернулся и быстро затерялся среди прохожих. На следующий день, она собрала вещи и, попрощавшись с родственницей, поехала в столицу.

.... Лейтенант Воронцов закончил читать сводку наружного наблюдения за радисткой и отложил в сторону несколько мелко исписанных листов бумаги. Он с утра писал отчет по работе за группой Покровского и сейчас, эта сводка наблюдения была как никогда кстати.

«Выходит, что Покровский приступил к активным действиям, – решил он. – Интересно, ограничится он лишь разведывательной деятельностью или перейдет к диверсиям, ведь он в этом большой мастер».

На столе зазвони телефон, который напрямую связывал его с начальником отдела.

– Лейтенант Воронцов, слушаю, – представился он.

Через минуту, он уже шел по коридору, в конце которого находился кабинет капитана Крылова.

– Товарищ лейтенант! Капитан попросил вас немного подождать. Сейчас у него с докладом лейтенант Ларин.

Он присел на стул и, раскрыв папку, снова начал читать документы, подготовленные им для доклада. Из этих документов следовало, что Абвер команда-103 значительно ак-

тивизировала свою деятельность в последние два месяца. Неделю назад, органами контрразведки Особого Западного округа было задержано несколько групп немецких диверсантов, которые должны были совершить несколько диверсий на крупных железнодорожных узлах Белоруссии.

Напольные часы, стоявшие в углу, приемной пробили два раза. Лейтенант посмотрел на часы, отметив про себя, что ждет приема уже сорок минут. Он посмотрел на секретаря, которая, что-то печатала на пишущей машинке. Ее тонкие музыкальные пальцы, словно в каком-то только ей понятном танце, буквально порхали над клавиатурой машинки. В какой-то момент этот «пулеметный» треск прекратился и она, оторвавшись от текста, посмотрела на лейтенанта.

Наконец дверь открылась и из кабинета, вышел молодежьего вида офицер. Он взглянул на Воронцова и молча, протянул ему руку.

– Как он там? – спросил его лейтенант.

– Зверствует, – ответил Ларин и, сняв с крючка фуражку, вышел из приемной.

– Заходите, товарищ лейтенант, – произнесла секретарь и посмотрела на напряженное лицо Воронцова. – Капитан вас ждет.

***

Вера спешила на встречу с Покровским, который назначил ей встречу около метро «Сокол». Выйдя из подземки,

она стала искать фигуру Олега Андреевича. Несмотря на то, что в этот воскресный день народу на станции было не столь много, она никак не могла найти глазами его спортивную фигуру. Она посмотрела на часы и облегченно вздохнула, до времени встречи оставалось еще около пяти минут.

– Кого ждешь, красавица? – услышала она за спиной, голос незнакомого мужчины.

Корнилова резко обернулась. Перед ней стоял молодой человек, которого она видела с «Замком», когда они встречались последний раз на лестничной площадке ее дома.

– Он перенес встречу, – произнес парень и прикурил папиросу.

– Я не понимаю, о чем вы говорите, – произнесла Вера. – Вы, наверное, ошиблись молодой человек. Я никого не жду...

– Не «ломайся». Меня лишь просили передать, чтобы вы пришли завтра к восьми вечера на старое место. Надеюсь, вы не забыли, где оно?

Парень развернулся и выплюнул папиросу изо рта, скрылся в толпе пассажиров, спешивших в метро. Вера, проводив его взглядом, направилась в метро вслед за ним.

«Что произошло? Почему не пришел Покровский? Может, они что-то заподозрили в материалах, которые я переняла с журнала?» – размышляла Корнилова.

За окном, в темноте мелькали электрические огоньки. Вагон, медленно раскачивался, словно не летел по металличе-

ским рельсам, а плыл по морским волнам. Мысленно она снова вернулась к ее разговору с этим незнакомым для нее человеком.

«Почему он послал к ней не «Замка», а незнакомо­го ей человека? Может, Покровский, решил передать ее на связь этому человеку? Все может быть, здесь не отгадаешь. Какие у него «расписные» кисти. Похоже, что судимый...».

Услышав название своей станции, Корнилова направи­лась к выходу из вагона. Кто-то сильно толкнул ее в плечо при выходе из вагона. Толчок был таким сильным, что она даже вскрикнула от боли в плече. Она обернулась, но поезд тронулся, унося в себе ее обидчика. Шагая по улице в сторо­ну дома, она почему-то вспомнила о Воронцове. Этот спор­тивного сложения молодой человек нравился ей все больше и больше.

«Интересно, нравлюсь ли я ему или все эти букетики цве­тов, лишь служебная уловка в этой игре?», – подумала она.

Вера невольно вспомнила лекцию инструктора, который напоминал курсантам о запрете каких-либо любовных свя­зей. Как тогда он сказал, стараясь припомнить его слова Кор­нилова:

– Любовь для разведчика, подобна смерти. Именно это чувство зачастую приводит к провалу, так как позволяет раз­ведчику расслабиться, переключить свое внимание от ана­лиза, складывающейся обстановки, к внутреннему анализу своих чувств. Любое увлечение разведчика, как правило, ве-

дет его к неизбежному концу, он становится узнаваемым и предсказуемым.

В какой-то момент, Вера поймала себя на том, что лейтенант Воронцов, становиться для нее именно тем человеком, о котором она все чаще и чаще думает.

«Но, как же, бороться с этим чувством? Хватит ли у меня сил побороть его?».

Она остановилась около двери и, достав из сумочки ключи, стала открывать замок. На кокой-то момент она застыла около открытой двери, боясь войти в прихожую. Этот страх у нее повторялся изо дня в день. Пересилив себя, она шагнула за порог прихожей.

***

Вера спешила на встречу с Покровским. Спешка была вызвана тем, что перед окончанием рабочего дня, руководитель лаборатории попросил ее подготовить справку, о результатах испытаний брони. Сейчас она спешила, боясь опоздать. Выйдя из метро, она направилась к парку. Олег Андреевич сидел на лавке и смотрел куда-то в сторону. О том, что он увидел Веру, она не сомневалась. Краем глаза, Корнилова заметила «Замка», который, похоже, страховал его. Она села рядом с ним и молча, взглянула на него. Судя по выражению его лица, она поняла, что он не в лучшем расположении настроения.

– Извините, меня, – тихо произнесла Корнилова. – Была

срочная работа, пришлось задержаться.

Покровский промолчал, словно не слыша ее извинений. Он бросил недокуренную папиросу в урну и пристально посмотрел на Веру.

– Абвер хочет остановить исследовательскую деятельность вашей лаборатории. Насколько это реально?

Корнилова задумалась.

– Каким образом приостановить? – спросила она Олега Андреевича. – Эту работу можно остановить, лишь уничтожив саму лабораторию. Но, это сделать практически не возможно. Вход в здание охраняют сотрудники НКВД, как и вход в саму лабораторию. Проникнуть в нее через окна, не возможно.

– Мне нужен план вашего этажа. Надеюсь, вы понимаете, что это такое?

– Да, – коротко ответила Вера.

– Меня еще интересуют помещения, в которых отсутствует какая-либо охрана. Короче, все пути, ведущие в ваш институт.

Корнилова была удивлена полученным заданием.

– Как вы видите выполнение подобного задания? У нас не возможно праздное шатание по коридору. На каждом этаже находится пост и без спецпропуска не пройти.

– А, вы попробуйте голубушка. Нет безвыходных ситуаций, есть лишь неприятные решения.

Вера уже в который раз с удивлением посмотрела на Оле-

га Андреевича, словно, ожидая от него услышать реплику, о том, что это все шутка. Однако, на лице Покровского, по-прежнему, царило спокойствие.

– И еще. Связи со мной не ищите. Все последующие указания, я буду передавать через вот того молодого человека, которого зовут «Ветер».

Корнилова посмотрела в указанную им сторону и увидела того самого молодого человека, который передал ей сведения о встрече с Покровским. Парень ей улыбнулся и как-то озорно подмигнул.

– Все, что вы сделаете, передадите через него. Вам ясно?

– А, если.....

– Никаких, если!

Олег Андреевич поднялся со скамейки и не взглянув на Корнилову, молча направился в сторону выхода из парка. Не заметив ни «Замка», ни «Ветра», которые словно призраки растворились в осенних сумерках, Вера направилась в сторону станции метро.

***

Воронцов отложил в сторону бумаги и посмотрел на часы. До начала совещания у капитана Крылова оставалось еще сорок минут. Он сидел в кресле и в голове, словно в комисионной лавке, перебирал сведения, полученные от «Зорьки». Ясно было одно, что немецкая разведка запланировала диверсию, которая могла остановить на длительное время,

работу советских ученых по дальнейшей разработке образцов брони.

Сейчас, он снова посмотрел на текст, расшифрованного радиосообщения, перехваченного два дня назад.

«Что они там задумали в Абвере? – размышлял Воронцов, то и дело, бросая свой взгляд на расшифрованную радиограмму. – Проникнуть на объект? Едва ли у них получится. Тогда, что?»

На столе зазвонил телефон. Лейтенант снял трубку, звонила Корнилова.

– Нужно встретиться. Есть разговор, – коротко произнесла она и положила трубку.

«Позвоню после совещания», – решил он, поднимаясь из-за стола.

Расправив складки на гимнастерке, он направился к двери. В приемной капитана уже толпились сотрудники отделения. Он поздоровался с ними и стал ждать, когда их всех пригласят в кабинет Крылова.

Хозяин кабинета сидел за столом с каменным выражением лиц, он явно был не духе. Час назад он вернулся с совещания, которое проводил руководитель контрразведки. Тот не стесняясь в выражениях, прошелся по подразделению, которое возглавлял Крылов.

– Что вы там копаетесь, капитан, с этой группой Покровского. Почему она до настоящего времени не ликвидирована. Чего вы ждете? Ждете, когда они совершат теракт?

– Товарищ комиссар! Группа Покровского полностью под нашим контролем. Нам удалось внедрить в группу двух своих агентов.

– Я не понимаю вас, товарищ Крылов? За год работы у нет ни одной ликвидации. Товарищ Берия призывает нас к нещадной борьбе с шпионажем иностранных разведок и что мы видим? Вы до сих пор не решаетесь ликвидировать группу Покровского...

Капитан хотел что-то сказать, но его остановил решительный жест комиссара.

– Вы, что не согласны с линией нашей партии, которая призывает нас бороться с врагами нашего государства?

Лицо Крылова побледнело, так как он хорошо знал, к чему ведет комиссар.

– Я все понял.

– Вот и хорошо, Крылов. Доложите мне в следующий понедельник о результатах вашей работы

Капитан сидел и всматривался в сосредоточенные лица подчиненных. В кабинете было так тих, что хорошо было слышно, как прозвенел, пробегающим по рельсам трамвай.

– Что притихли? – спросил он сотрудников.

Сотрудники молчали, никто из них не знал, что за этим последует. Капитан вышел из-за стола. Он, молча, прошел по кабинету и снова сел за стол.

– Я не буду проводить с вами политинформацию, вы и без меня хорошо знаете, что творится в мире и стране. Се-

годня комиссар приказал мне приступить к ликвидации всех немецких разведгрупп.

Он сделал паузу и посмотрел на сотрудников. Остановившись взглядом на Воронцове, капитан продолжил:

– Больше не каких разработок.

– Товарищ капитан! Мы чуть ли не полгода провозились с группой Покровского. Нам удалось внедрить ....

Он не договорил. Крылов жестом руки остановил лейтенанта.

– Я же сказал русским доходчивым языком, что получен приказ о полной ликвидации немецкой агентурной сети. Разве, это вам не понятно. Я должен доложить комиссару о выполнении его приказа через неделю. Если вопросов нет, прошу приступить к исполнению.....

Все встали и стали медленно выходить из кабинета.

***

Воронцов сидел на лавочке и с нескрываемым нетерпением ждал Корнилову. Наконец, он облегченно вздохнул, заметив ее, идущую по аллее в его сторону. Он встал с лавочки и улыбаясь, направился ей на встречу.

– Это вам, – произнес он, протягивая Вере небольшой букетик лиловых цветов.

– В такое время, цветы? – несколько удивленно произнесла Корнилова, прижимая их к своей груди.

– Что случилось? – спросил он ее.

– Покровский, как я его поняла, готовит какую диверсию в нашем институте.

– Почему ты так решила?

– Он приказал мне, чтобы я достала ему поэтажный план института.

Воронцов задумался.

– Когда ему нужен этот план?

– Срок поставил неделю....

Они пошли рядом. Корнилова осторожно взяла Воронцова под руку. Он улыбнулся ей, давая понять, что он оценил этот жест девушки.

– Вера! Ты должна срочно уехать из города, ну скажем, в командировку. Не спрашивай ничего, так надо. Придумай любую историю, но уезжай....

Корнилова с удивлением посмотрела на лейтенанта. Ей было не совсем понятно, почему она должна срочно уезжать из города. Почему, так тщательно подготовленная операция капитана Крылова по ее внедрению в группу Покровского должна так неожиданно для нее свернуться.

– Скажите, а капитан Крылов, в курсе вашего решения?

Воронцов явно не ожидал от нее подобного вопроса. Он на какую-то долю секунды остановился и посмотрел на Веру.

– Пока, нет, но я ему доложу о принятом решении. Думаю, что он согласится с ним.

Они, молча, прошли еще метров сто.

– Костя, а что будет с нами? Неужели мы с тобой больше

никогда не встретимся?

– Мне трудно, сейчас, что-то сказать Вера.

Корнилова неожиданно для него, крепко прижалась к его телу. Воронцов моментально почувствовал, как задрожало ее тело. Он обнял ее и целуя в губы, сжал в своих объятиях. Проходящие мимо них пешеходы с любопытством рассматривали эту молодую пару, бросившим вызов, существующий в этот период морали.

– Я люблю тебя, Костя, – прошептала Вера.

– И я тебя.....

Она схватила его за руку и буквально потянула его за собой.

– Куда ты меня тянешь?

– Не спрашивай, просто доверься мне....

Они свернули в переулок и, заметив стоявший на остановке трамвай, поспешили к нему.

– Куда мы едим? – спросил Воронцов Корнилову.

– Ко мне домой....

– Но ты живешь в другом месте, – произнес лейтенант.

– Мы едим туда, где моя родная квартира.

Они вошли в подъезд и Вера, достав из сумочки ключи, открыла входную дверь квартиры. Они вошли в прихожую, и девушка снова обняла Константина. Он поднял ее на руки, и осторожно ступая в темноте, понес ее в спальню.

Воронцов открыл глаза, почувствовав запах и шум, который доносился с кухни. Он потянулся и улыбнулся, заметив,

как в комнату вошла Вера.

– Вставай, соня, – произнесла она. – Завтрак уже на столе...

Через час, они вышли из подъезда и, поцеловав друг друга, направились в разные стороны.

***

Вера вышла с работы и быстрым шагом направилась к остановке общественного транспорта.

– Куда спешим, мадмуазель?

Этот голос заставил ее не только оглянуться, но и остановиться. К ней насвистывая какую-то мелодию, подошел «Ветер». Он вынул руки из карманов брюк и улыбнулся.

– Чего уставилась? – грубо произнес он. – Не ожидала?

– Нет, – ответила она. – Что нужно?

– Просто хотел напомнить о своем существовании.

Он окинул ее оценивающим взглядом и, сплюнув на землю, произнес:

– Может, вечером прошвырнемся? Наверное, надоело дома одной сидеть?

– С вами? Никогда... Я еще раз спрашиваю, что нужно? Кстати, через два дня, меня направляют в командировку. Поеду в Челябинск, а затем в Магнитогорск. Можете это все передать Покровскому.

Она хотела снова направиться к остановке, но ее остановил. «Ветер». Он крепко сжал ей руку, заставив Веру помор-

щиться от боли.

– А, ты не спеши, – произнес парень. – Я передам ему о твоём отъезде. Скажи, когда вернешься?

– Не знаю. Я еду не одна, а в составе группы специалистов. Как решит руководитель, тогда и вернусь.

– Ну, ну... Давай, вали, девочка. Беги, только не споткнись, – произнес «Ветер», и как-то, противно засмеялся.

Корнилова вырвала из его руки свою кисть и, взглянув на «Ветра», неторопливо направилась дальше. В какой-то момент она поймала себя на мысли, что ей хочется, как можно быстрее уйти с этого места, однако, она пересилила себя. Оглянувшись назад, она не увидела этого парня с манерами уголовника, он словно испарился в воздухе.

Вечером «Ветер» позвонил Покровскому. И доложил ему о встрече с Корниловой.

– Выходит, уезжает в командировку, – словно размышляя сам с собой, тихо произнес Олег Андреевич. – Некстати... Похоже, придется отложить акцию, пока она не вернется...

– А, может, мы все же попробуем сами проникнуть в здание? Я не думаю, что все выходы заблокированы или охраняются сотрудниками НКВД.

Покровский с интересом посмотрел на «Ветра». Он и сам уже думал о этом, а тут вдруг этот молодой человек, словно, прочитав его мысли, предлагает ему аналогичный вариант.

– Вот, что. Ты завтра понюхай там все, может и найдется тропинка, как попасть в здание.

– У меня вопрос? Кто пойдет?

– Ты, я и «Замок».

«Ветер» положил трубку. Надев кепку, он вышел из телефонной будки и направился в сторону ближайшей станции метро. Покровский после разговора, посмотрел на «Замка», который развалившись в кресле, курил папиросу.

– Посмотри за «Ветром».

– Ты, что ему не веришь? – спросил его «Замок». – Если не веришь, может его просто...

Он провел ладонью по шее.

– Если, что успеем. Посмотрим, что он накопает....

«Замок» замял папиросу в пепельнице и, взглянув на Покровского, встал с кресла.

– Я пойду...

Олег Андреевич проводил его взглядом, и когда за ним закрылась дверь, стал лихорадочно собираться. Какое-то звериное чувство нависшей опасности, заставило его покинуть обжитую им комнату. Почему-то он решил, что больше он не вернется сюда. Он собрал свои вещи, которых было не так и много, протер все, к чему он мог прикоснуться и направился к двери. Уже на улице он остановил проезжавшую мимо него машину и направился в гостиницу. Заполнив анкету гостя на имя Лазарева Олега Андреевича, он подошел к администратору. Вложенный в паспорт червонец, решил все проблемы. Администратор вернула ему паспорт и молча, протянула ключ от номера.

– Спасибо, – поблагодарил он женщину и подхватив свой небольшой чемодан, направился в номер.

***

Олег Андреевич шел по улице, чувствуя на спине чей-то взгляд, который его сопровождал от самой гостиницы. Он несколько раз пытался определить человека, который вел за ним наблюдение, но вычислить его среди пешеходов, спешившим по своим делам, у него не получилось.

«Помотаю, может, потеряет меня», – решил он, ускоряя свой шаг.

Однако, какое-то второе чувство, продолжало держать его в полном напряжении, так как он никак не мог избавиться от этого ощущения слежки. Покровский всегда верил в то, что его ведет по жизни Бог. Вот и сейчас, он снова почувствовал, что в его груди словно кто-то завел непонятный ему моторчик. Он резко перебежал улицу, едва не угодив под машину. Он сразу же бросился в открытые двери станции метро, стараясь затеряться среди массы пассажиров. Не разбираясь, он просто заскочил в отходившую электричку и прислонился спиной к двери. Только здесь, он почувствовал себя спокойнее.

Он вышел на конечной станции и, договорившись с водителем автомашины, поехал на встречу с «Ветром». Парня он увидел сразу, тот стоял на остановке трамвая. Расплатившись с водителем, он направился в его сторону. Встав рядом

с ним, они оба вошли в подъехавший трамвай.

– Здравствуй! – в полголоса, поздоровался Олег Андреевич. – Ты готов?

– Да.

– Хорошо, – все также тихо произнес Покровский и, расталкивая людей локтями, стал пробиваться к выходу из трамвая.

«Ветер» выпрыгнул из трамвая на ходу и, найдя глазами Олега Андреевича, направился вслед за ним. Догнав его, они пошли рядом.

– Вот возьми, – произнес он и протянул «Ветру» небольшой сверток.

– Тяжелый, – ответил парень.

– Установишь это в распределительном щитке. Сработает через пять часов, то есть ночью. Я там уже установил время, твое дело лишь закрепить это устройство и выдернуть чеку.

– Я все понял, ты же мне показывал, что нужно делать.

Покровский мысленно улыбнулся, так как хорошо знал, что стоит лишь выдернуть чеку и устройство сразу же взорвется. Они проходили мимо дома, около которого, переминаясь с ноги на ногу, их ожидал «Замок». Они прошли мимо него, словно не замечая последнего, он должен был убедиться, что за ними нет наблюдения. Они остановились напротив здания института. Олег Андреевич оглянулся назад, стараясь глазами отыскать «Замка». Только сейчас он понял, что того нет. Он словно растворился в холодном воздухе ок-

тября. Он посмотрел влево и заметил черную «Эмку», около которой стояло трое мужчин. Несмотря на то, что они изображали на лице полное отсутствие какого-либо интереса к ним, Покровский сразу понял, что эти люди из НКВД..

Рука Олега Андреевича сжала рукоятку «ТТ». Он пальцем правой руки взвел курок и приготовился открыть огонь в каждого, кто приблизится к нему.

– Расходимся, – тихо произнес Покровский. – Засада!

Он резко развернулся и быстрым шагом направился в противоположную сторону. Мужчины, стоявшие около автомашины, бросились вслед за ним. Он выхватил из кармана пальто пистолет и выстрелил в ближайшего из них. Мужчина, словно, переломился пополам. Он схватился за живот и, сделав несколько неуверенных шагов, рухнул на землю. Олег Андреевич уже не шел, а бежал, расталкивая идущих ему навстречу прохожих. Он хорошо знал, что наличие большого количества пешеходов не даст возможности применить сотрудникам оружие в отношении него. Где-то за его спиной раздавалось несколько выстрелов.

Заметив стоявшую недалеко от него автомашину, он бросился к ней. Резким рывком, Покровский буквально выкинул сидевшего за рулем небольшого роста водителя. Пока тот соображал, что с ним произошло, его автомобиль сорвался с места и помчался по улице.

– Врешь, не возьмешь, – прошептал он и увеличил скорость.

Загнав машину в какой-то неприметный двор, он выбрался из кабины.

«Может отсидеться у доктора? – подумал он. – Нет.... Там, наверняка, засада!»

Он вышел на улицу и, подняв воротник своего демисезонного пальто, двинулся в сторону Казанского вокзала.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ,

Заканчивался декабрь 1942 года. Майор Крылов долго смотрел в окно, стараясь рассмотреть в темноте, старшего лейтенанта Воронцова, которого ждал уже минут десять. Наконец он увидел его. Тот вошел в подъезд и, следовательно, через полторы минуты должен войти к нему в кабинет. Он невольно посмотрел на напольные часы, которые показывали начало девятого вечера. Дверь кабинета скрипнула, и в кабинет вошел Воронцов.

– Проходи, – произнес Крылов. – Присаживайся.

Константин сел на стул и посмотрел на майора. Они несколько лет проработали вместе и сейчас, этот поздний вызов, похоже, не сулил для Воронцова ничего хорошего. Крылов закурил и прищутив правый глаз, сквозь дым посмотрел на подчиненного.

– Я сегодня был у комиссара, – начал майор. – Он меня ознакомил с шифровкой, полученной от нашего человека из Абвера.

Он сделал глубокую затяжку и, выпустив из себя табачный

дым, продолжил:

– Ты помнишь 1940 год? Я имею в виду группу Покровского?

– Да, товарищ майор. Тогда мы получили информацию, что он погиб при переходе границы.

Майор кивнул.

– Так вот, Покровский тогда не погиб. Это был не его труп.

Крылов пристально посмотрел на Воронцова. Он видел, как напряглась вся фигура старшего лейтенанта, а на лице появился не поддельный интерес.

– Немецкая разведка планирует операцию, которую они назвали «Ульм». Что это за операция, источник не знает. Известно, что одну из групп, которая примет участие в этой операции, возглавит Покровский. Я думаю, что он непременно появится в Москве и попытается реанимировать остатки своей сети.

– Я, кажется, начинаю понимать, товарищ майор, куда вы ведете.

– Это хорошо, что ты въехал в эту ситуацию. Меня, сейчас, интересует одна из ключевых фигур в этой оперативной комбинации, это Никонова – Корнилова Вера. Ты случайно не знаешь, где она сейчас?

На лице Воронцова вспыхнул румянец. Он сразу понял, что Крылов в курсе их отношений.

– Товарищ майор, она сейчас в отряде товарища Трофима.

Отряд дислоцируется в Белоруссии.

Крылов сделал отметку в своем блокноте.

– Приготовь приказ об ее отзыве в Москву. С приказом не затягивай, так как нам не известно, когда начнется эта самая операция.

– Все понял, товарищ майор.

Крылов посмотрел на радостное лицо своего подчиненного и невольно улыбнулся.

– Нужно снова временно выселить семью генерала Стеблева. Лучше будет, если они выедут куда-нибудь подальше из Москвы.

Майор поднялся из-за стола, давая понять Воронцову, что он больше не задерживает своего подчиненного.

– Кстати, как у тебя с людьми?

– У меня сейчас шесть человек, товарищ майор.

– Хватит ли тебе их?

– Не знаю, думаю, что на первое время хватит.

Крылов, молча, кивнул.

– Приступайте к исполнению незамедлительно. Операция на контроле....

Он не договорил. Воронцову и так стало понятно, кто осуществляет контроль. Он поднялся из-за стола и направился к выходу из кабинета. Крылов проводил его взглядом и, открыв свой сейф, достал из него документы. Он не спешил домой, так как его никто не ждал. Жена и трое его детей были в эвакуации и сейчас, проживали в Куйбышеве. Он поче-

му-то улыбнулся, вспомнив о них. Он снова закурил и углубился в изучение документов.

***

Вера возвращалась из города. Впереди показался пост, на котором дежурили полицейские.

– Стой! – как-то лениво произнес полицейский и, оглядевшись по сторонам, направился к девушке. – Предъяви документы.

Она улыбнулась ему и, сунув руку за пазуху, достала свернутый вчетверо лист бумаги.

– Что это? – спросил ее полицейский.

– Аусвайс. Мне его вчера выдали в комендатуре. Вот видите все в порядке: подпись коменданта района, печать, все как положено.

– Андрейка! Подь, сюда! – громко выкрикнул полицейский, подзывая к себе молоденького напарника, похожего на подростка. – Прочитай, что там написано?

Тот взял из рук полицейского бумагу и быстро пробежал по ней глазами.

– Что там пишут?

– Это разрешение, выданное на фамилию Фроловой Клавды. Ей разрешено приобретать продукты питания для немецкой столовой в ближайших к городу деревнях.

Андрейка протянул документ своему напарнику и, взглянув на красивое лицо девушки, отошел в сторону. Полицейский, придав серьезность своему широкому лицу с маленькими

красноватыми глазами, поправил висевшую на поясе кобуру с «Наганом».

– Вот в бумаге написано, что ты можешь покупать продукты для немецкой столовой? – переспросил он Веру. – Это так?

Она, молча, кивнула.

– Тогда покажи мне деньги? Сколько их у тебя?

На лице девушки вспыхнул румянец, словно вопрос о деньгах, лишь был какой-то причиной к ее обыску.

– Зачем вам мои деньги?

Она еще что-то хотела сказать, но из-за поворота дороги показался грузовой автомобиль с немецкими солдатами. Полицай вытянулся в струнку и приложил ладонь руки к черной каракулевой шапке. Солдаты весело заулыбались, увидев Веру и стали дружески махать ей рукой.

– Ладно, иди, – примирительно произнес полицай. – Посмотрим, что ты купишь....

Она поправила сбившийся платок и, опустив голову, пошла по дороге дальше. Через два часа, Вера уже была в расположении отряда товарища Трофима. Она положила на стол перед командиром небольшой листочек с донесением. Он быстро прочитал его и отложив его в сторону, попросил девушку рассказать о том, что она видела в городе.

– В город, похоже, прибыла новая воинская часть, товарищ командир. Судя по их темным от загара лицам, честь откуда-то с юга. На кабинах машин изображены две скре-

ценные стрелы. Их разместили в школе. Численность около батальона...

– Молодец, Вера. Эту часть немцы планируют использовать против нас. Она у немцев считается какой-то особой, и они ее используют лишь в борьбе с партизанами. Кстати, поступил приказ. Москва требует направить тебя в распоряжение Главного управления контрразведки. Я не думал, что тобой может заинтересоваться Центр.

– Как же так, товарищ Трофим? Вы здесь, а я, в Москву?

– Так надо, «Зорька». Приказы не обсуждаются, а исполняются. Иди, отдыхай, а мы здесь «покумекаем», как тебя переправить....

Вера вышла из землянки. Свежий лесной запах буквально опьянил ее, а весть о Москве не только обрадовала ее, но и вселила надежду на встречу с Воронцовым.

«Как он там? Помнит меня или забыл? Сейчас, во время войны так много свободных и доступных женщин, что не каждый может избежать искушения, – подумала она. – Что гадать, вот приеду в Москву, там все и увижу».

– «Зорька»! – окликнул ее, вышедший из землянки замполит. – Вернись! Тебя зовет товарищ Трофим.

Она развернулась и, открыв дверь, вошла в землянку.

– Вот что, «Зорька»! Завтра Платон тебя проводит к нашим соседям. К ним завтра прибудет самолет с «Большой земли», им и улетишь в Москву. Поняла?

– Так точно, товарищ командир. Разрешите исполнять?

– Иди, собирайся, – произнес командир и улыбнулся, пряча ее в свой густой бороде.

Она вышла и, не останавливаясь, направилась к своей землянке.

***

Полковник Штельман внимательно слушал выступление адмирала Канариса. Они знали друг друга давно и даже в какое-то время дружили. Оба занимались проблемами разведки, однако, подходы к решению поставленных фюрером задач, перед разведкой в годы войны, кардинально расходились. Штельман считал, что только крупные диверсии в глубоком тылу противника, способны были переломить ход войны. Уничтожая крупнейшие металлургические предприятия русских, позволило бы лишить советские войска танков, артиллерии, боеприпасов. Даже самая идеологически подкованная армия не в состоянии воевать, не имея достаточного количества танков, самолетов и другого тяжелого вооружения. Канарис, ставил в «красный» угол классическую разведку: планы командования, нанесение главных ударов....

Полковник в какой-то момент поймал себя на мысли, что ему не интересен доклад адмирала, который почему-то стал его раздражать. Он посмотрел на спокойное лицо Канариса и закрыл глаза. Он всегда это делал, когда хотел осмыслить ту или иную концепцию, выдвигаемую руководством Абвера.

Он открыл глаза, почувствовав на себе взгляд стальных глаз адмирала. Полковник посмотрел на Канариса, словно ожидая, что тот что-то скажет в его адрес. Он достал из красной папки лист бумаги и начал читать текст.

«Это же мое письмо, которое я направил ему в начале войны, – подумал он. – Зачем он его зачитывает?»

Канарис закончил читать и снова взглянул на него.

– Господин полковник! Прошу вас высказать свое мнение, если вы его, конечно, не изменили за это время.

Штельман напрягся. На его большом покато лбе выступил пот. Он поднялся с места и направился к трибуне, около которой стоял, улыбаясь Канарис. Теперь ему снова пришлось повторять свою доктрину борьбы с противником, нанося ему разящие удары в глубоком тылу.

– Господа! Вы все профессионалы своего дела и я не хочу повторять то, что вы и так хорошо знаете. Я еще в конце 1940 года предлагал нашему командованию нанести удары по металлургическим предприятиям нашего вероятного противника, а именно: по предприятиям Челябинска и Магнитогорска. Если бы мы тогда сумели нанести эти удары, танковая промышленность русских лишилась бы танков. Тогда в 1941 году, наши самолеты могли достигать до линии Казань – Астрахань – Самара. Сотни, хорошо подготовленных диверсантов малыми ручейками устремились на Урал.

Он сделал паузу и посмотрел на Канариса, который с нескрываемым интересом слушал полковника. Штельман

сделал глоток воды.

– Сейчас это сделать стало намного сложнее. Наша авиация не способно так далеко летать, просто у нас нет таких самолетов. Но, это дело времени, нет ничего не возможно, главное было бы принято политическое решение нашего командования. Здесь собрались руководители школ Абвера. Я хочу обратиться к ним с просьбой, чтобы они пересмотрели кадры своих курсантов. Для этих целей, Абверу нужны грамотные, хорошо подготовленные агенты, способные легко легализоваться на территории противника. Эти люди должны хорошо знать Урал, людей проживающих там, знать обычаи и привычки местного населения.

Полковник закончил и, достав из кармана галифе носовой платок, вытер им лицо.

– Как вам концепция полковника Штельмана? – обратился к офицерам адмирал Канарис. – Кто готов из вас высказать свое мнение?

В зале стояла тишина. Похоже, офицеры Абвера не были готовы к этому непростому разговору. Наконец, последовала команда и все стали расходиться, гремя стульями.

– Господин полковник! – обратился к нему Канарис. – Через два дня я приму участие в совещании, которое проводит фюрер. Я хотел бы попросить вас, чтобы вы подготовили к этому дню обширную справку по предполагаемым объектам диверсий. Укажите численность рабочих, мощность предприятия.

– Так точно, господин адмирал, – приняв стойку «смирно», ответил полковник.

– Вот видишь, Хельмут и выстрелило твое ружье, – произнес он. – Мне бы хотелось, чтобы ты вплотную занялся решением этой задачи. Чтобы ты лично вел работу по подбору диверсантов.

– А, как же школа, господин адмирал?

– Считайте, что я вас освободил от обязанностей руководить школой. Это более серьезная работа и я не хочу перекладывать ее на неизвестные мне плечи. Здесь два варианта, как говорят русские, либо грудь в крестах, либо голова в кустах.

Полковник вскинул руку в партийном приветствии и, развернувшись, направился к выходу из зала заседаний.

***

Самолет швыряло из стороны в сторону, словно щепку в океане. Покровский крепко вцепился руками в металлические края лавки. Его мутило, и он то и дело широко открывал свой рот, хватая им разряженный воздух. Это был его второй полет на самолете и он, бросая свой взгляд на сидевших напротив него людей, невольно завидовал им. Где совсем рядом с фюзеляжем самолета стали рваться снаряды, это зенитные орудия и спаренные пулеметы открыли огонь. Несмотря на то, что все они ждали этого огня, все это произошло так неожиданно, что с лиц пассажиров самолета мо-

ментально исчезли ухмылки. Осколок снаряда вспорол обшивку самолета в сантиметрах десяти выше головы Олега Андреевича.

«Господи, пронеси...», – подумал он.

Самолет резко упал на левое крыло и стремительно понесся к земле. Сердце у Покровского застучало где-то в районе шеи. Он еще крепче сжал руками края металлической лавки, заметив, как побледнели его суставы рук.

«Летчики, наверняка, пытаются уйти зоны огня зенитной артиллерии», – успел подумать он, прежде, чем самолет снова стал набирать высоту.

Комок тошноты снова перехватил его горло. Он посмотрел на своих подчиненных, входящих в его группу, их внешний вид был не лучше, чем у него. Дверь кабины пилота открылась, и из нее вышел штурман. Он подошел к Покровскому и показал ему три пальца, что соответствовало трем минутам. Олег Андреевич кивнул, давая ему понять, что все понял. Штурман подошел к двери и открыл ее. Сильный поток воздуха ворвался внутрь самолета, прижав диверсантов к металлической обшивке фюзеляжа. Немец взглянул на Покровского, штурман показал на дверь.

– А, а, а!!! – закричал Олег Андреевич и шагнул в бездонную черноту ночи.

Почувствовав резкий рывок, он схватился за стропы. Внизу ни огонька, лишь черный бархат ночи властвовал над землей. Вскоре он стал различать что-то белое, которое стреми-

тельно неслось ему навстречу. Он сразу понял, что это снег. Он поджал ноги, коснувшись земли, повалился на бок. Гася купол парашюта, он услышал вой волка, который доносился из темнеющего леса.

Около часа прошло с момента приземления группы Покровского. К месту сбора прибыло лишь пятнадцать человек из восемнадцати. Ждать остальных было опасно, и он повел группу к дороге, которая судя по карте, пролегла в километре от места высадки. Они вышли во время. Через несколько минут спустя на дороге показались шесть полуторок, в которых плотно, прижавшись плечом к плечу, сидели красноармейцы. Заметив группу военнослужащих на дороге, к ним чуть ли не бегом, бросился молоденький лейтенант.

– Товарищ майор государственной безопасности! Комендантская рота полка НКВД прибыла для организации и задержания вражеских диверсантов.

– Как ваша фамилия, лейтенант? – спросил его Покровский, поправляя портупею.

– Сергеев, товарищ майор.

– Я смотрю, ты совсем молодой, Сергеев?

– Месяц, как после училища, товарищ майор.

– Вот, что, Сергеев. Ставлю боевую задачу. Роту разворачиваешь в цепь и начинаешь движение, пока не встретите своих бойцов, я имею в виду, бойцов лейтенанта Борзова, который двигается в вашу сторону. Смотри, лейтенант, не перестреляйте своих. Я со своими бойцами, заблокирую до-

рогу около села Никольское. Я возьму у тебя на время одну из машин.

– Разрешите исполнять, товарищ майор?

– Исполняйте...

Лейтенант громко скомандовал и рота, развернувшись в цепь, увязая в снегу, медленно двинулась в сторону темнеющего леса. Майор скомандовал, и его бойцы быстро расположились в кузове одного из грузовиков. Машина медленно тронулась и набрав скорость, направилась в сторону узловой станции.

Покровский выбрался из кабины машины и, дождавшись, когда его группа выстроилась, обернулся к водителю.

– Я вас больше не задерживаю, – произнес он.

Водитель радостно улыбнулся. Он сел в кабину и завел двигатель. Вскоре автомобиль скрылся с глаз Олега Андреевича.

***

Корнилова Вера вошла в подъезд и стала подниматься на свой этаж. Ее сразу привлек запах табачного дыма.

«Интересно, кто курил? – подумала она, так как она уже хорошо знала, что среди жильцов их подъезда курящих не было. – Наверное, к кому-то приехали гости....».

Остановившись напротив двери, она открыла сумочку и стала доставать ключи от квартиры.

– Здравствуйте, Вера, – услышала она за спиной знакомый

мужской голос.

Она не могла ошибиться, голос принадлежал Покровскому Олегу Андреевичу. Она резко обернулась и на какой-то миг застыла от неожиданности.

– Что забыла? А я вот вдруг вспомнил о тебе и решил навестить. Как ты живешь?

Она не ответила и, открыв дверь, первой вошла в прихожую. Вслед за ней вошел и гость. Он, как галантный кавалер помог снять пальто и повесил его на вешалку. Скинув с себя шинель, он прошел в зал и сел в кресло. Вера, молча, прошла на кухню и поставила чайник на керогаз.

– Ты знаешь, Вера, – переходя на, ты, произнес Покровский, – мне вдруг показалось, что нет войны, что вот-вот в открытую дверь твоей квартиры войдут гости и среди них я, с большим букетом красных роз.

– Я надеюсь, что вы пришли ко мне не ностальгировать о мирном времени. Что вам нужно от меня, Олег Андреевич?

Он усмехнулся и, достав из кармана галифе пачку папирос, закурил.

– Вы правы, Вера. Я зашел, чтобы напомнить вам, о немецкой разведке. Чтобы вы не забывали об этом. Сейчас, идет война и Советы, не станут церемониться с родственницей врага народа, которая помогала немецкой разведке.

– Это шантаж?

– Нет, это напоминание о прошлом, ведь тот, кто забывает прошлое, лишается будущего.

– Зачем вы меня пугаете?

– Я вас просто предупреждаю.

Олег Андреевич загасил папиросу и посмотрел на Корнилову.

– Я пойду, – произнес он и направился в прихожую. – Если к вам кто-то придет и передаст привет от дяди из Киева, этот человек от меня. Вы должны будете выполнять все его приказы. Я надеюсь, вы поняли меня? Да, кстати, вы тогда в 1940 году выезжали в Челябинск и Магнитогорск. Как долго вы там были?

– Чуть больше месяца....

– Следовательно, вы хорошо знаете эти города?

– Я бы так не сказала. Я кроме металлургических комбинатов там нигде не была.

– Вот и хорошо. Не исключено, что вам снова придется выехать в эти города.

– Зачем?

Покровский не ответил. Он надел шинель и, поправив на себе ремень портупей, открыл дверь и вышел из квартиры. Вера еще с минуту стояла без движения и лишь, затем закрыла за ним дверь. Она подошла к окну и осторожно, отодвинув штору, посмотрела на улицу. Она увидела, как к Покровскому подошли два человека одетые в шинели, и она направились вдоль улицы. Задернув плотно штору, она села в кресло. Она невольно вспомнила слова Воронцова, который инструктировал ее по прибытию в Москву. Все шло, словно

Константин изначально знал сценарий: посещение ее адреса Покровским, мягкое напоминание о работе на немецкую разведку и возможное предложение о выезде в Челябинск и Магнитогорск. Корнилова хотела позвонить ему, но взглянув на часы, подавила это желание.

Она прошла на кухню и снова стала разогревать чайник. Порывшись в буфете, что стоял на кухне, она нашла остатки черного азербайджанского чая, оставшегося еще с довоенных времен, и высыпала его в заварочный чайник. В зале зазвонил телефон. Корнилова сняла трубку:

– Алло! Говорите же...

Раздались гудки отбоя. Она положила трубку и направилась в спальню.

***

Покровский встал из-за стола и, бросив недокуренную папиросу в пустую консервную банку, посмотрел на мужчину, который сидел напротив него.

– Мне нужна машина, – произнес он. – Любая: грузовая или легковая.

– Где же я возьму ее? – спросил мужчина. – Сейчас, каждая машина на учете у властей.

– Ищите, что у вас нет знакомых, кто работает водителем? Сейчас такое время и редко найдется такой человек, который бы отказался от денег. Мне нужна машина часа на два-три.

Мужчина задумался, а затем радостно хлопнул себя ладо-

нюю по колену.

– Есть такой человек! Как же я мог забыть о нем.

– Вот и хорошо. Мне машина нужна завтра, часов в шесть вечера.

Олег Андреевич встал из-за стола и направился к двери. Остановившись около нее, он оглянулся.

– Значит, завтра....

Мужчина кивнул. Он был завербован немецкой разведкой, когда попал в плен во время финской войны. Немецкий офицер, хорошо говоривший на русском языке, объяснил ему, что его ожидает в ближайшее время, если он откажется от сотрудничества с немецкой разведкой. Он колебался не долго. Расписавшись в предложенном немце документе, он в тот же вечер был освобожден и переправлен через линию фронта. Через полгода, он понял, что его не забыли немецкие «друзья». Однажды, к нему домой постучался мужчина, который передал ему привет от дяди Леши. Он тогда испугался и попытался на время исчезнуть из города, но его нашли довольно быстро. Его долго били, какие-то незнакомые ему лица, пока он не понял, что прижат к стенке.

– Запомни, Шукин, если еще раз попытаешься скрыться от нас, мы тебя просто сдадим НКВД. Думаю, что ты хорошо понимаешь, что тебя будет ждать в застенках этой конторы.

Узнав о начале войны, он даже обрадовался этому. Впервые за все время, что он помнил себя, Шукин начал мечтать. Он представлял себя большим начальником в черном, лаки-

рованном автомобиле. . . . Но время разбило его мечты, когда были разбиты немецкие передовые части под Москвой. Прошел год, и новые его хозяева снова напомнили о себе.

Рано утром его разбудил сильный и настойчивый стук в дверь.

– Товарищ Шукин! Откройте дверь!

Он встал с койки и, шлепая голыми ступнями ног по некрашеному полу, подошел к двери.

– Шукин! Откройте дверь!

Немного подумав, он сбросил крючок с двери. Сильный удар в лицо, отбросил хозяина квартиры в сторону. Падая, он сшиб со стены какие-то никому не нужные и давно забытые предметы, которые с шумом и грохотом полетели на пол. Он попытался подняться с пола, но сапог майора НКВД уперся ему в грудь.

– Что, тварь, немцам продался? – произнес майор. – Мы все про тебя знаем!

– Я не понимаю, о чем вы говорите? Каким немцам?

– Сейчас поймешь, ты все поймешь, – произнес он и ударил носком сапога ему в лицо.

– За что?

Сотрудник НКВД не ответил. По его приказу два бойца подняли Шукина с пола и усадили за стол.

– Чего молчишь?

Он сидел и молча, наблюдал, как в комнате хозяйничали военные. Неожиданно майор приказал им выйти из кварти-

ры.

– Как ты себя чувствуешь? – произнес майор. – Твой дядя из Киева просил меня передать тебе привет.

Щукин не сразу понял, что прозвучал пароль. Он удивленно смотрел на майора, не зная, что ему ответить.

– Ты, что молчишь или от страха лишился речи?

– Дядя умер в 1939 году. Один я теперь остался.

Покровский улыбнулся. Отзыв на пароль был правильным.

– Ты не обижайся этой проверки, я должен был понять, кто ты....

Только сейчас до Щукина дошли слова Олега Андреевича. Лицо его исказила злобная гримаса.

– Сука, ты майор, – произнес он. – Для тебя это вроде шутки, а я, чуть не обделался.

Он встал со стула и сплюнул на пол.

***

Олег Андреевич стоял на перекрестке, постукивая сапогами. Было холодно и у него замерзли ноги. Улица в столь ранний час была практически пуста, лишь отдельные граждане, подняв воротники своих зимних пальто, спешили на работу. В дальнем конце улицы показалась легковая автомашина, выкрашенная белой краской. Автомобиль скрепя тормозами остановилась около него. Покровский открыл дверь и увидел в салоне Щукина. Он сел рядом с водителем и тихо

произнес:

– Поехали.

Машина, набрав скорость, помчалась в сторону выезда из города. Заметив пост, водитель остановил легковушку.

– Документы, – произнес молодой лейтенант, обращаясь к водителю.

Тот, молча, протянул ему документы. Лейтенант развернул их и стал читать.

– Цель поездки? – спросил он водителя.

Покровский выбрался из салона автомобиля и поправив кобуру, подошел к лейтенанту. Тот, заметив майора, козырнул ему.

– Я начальник особого отдела 865 танковой бригады, майор Тихонов. В чем дело, товарищ лейтенант?

– Обычная проверка, – ответил лейтенант. – Скажите, товарищ майор, где дислоцируется ваша часть?

По лицу Покровского пробежала едва заметная тень.

– Вы, почему меня об этом спрашиваете, товарищ лейтенант? Что за нездоровый интерес? Вы у всех интересуетесь дислокацией их частей?

Лицо лейтенанта побелело. Даже сильный мороз не смог ничем украсить смертельную белизну его кожи.

– Простите меня, товарищ майор.

– Заметьте лейтенант, излишняя заинтересованность может привести вас к трибуналу.

Лейтенант козырнул и приказал бойцу поднять шлагбаум.

Машина, урча мотором, помчалась дальше. Отъехав километров сорок, легковушка остановилась. Из машины вышел Покровский с бойцом и, посмотрев по сторонам, направились к ближайшему разбитому бомбой дому.

– Готовь рацию, – приказал Олег Андреевич радисту.

Тот быстро установил станцию и, размотав антенну, забросил ее на крышу. Присев около рации, он стал ее настраивать на нужную ему волну.

– Есть связь, – произнес радист и посмотрел на Покровского.

– Передавай, – произнес он и протянул тому зашифрованный текст.

Станция запищала и в эфир полетела первая шифровка. Покровский сообщал полковнику Штельману об успешном прибытии группы. Мысленно представив его довольное лицо, Олег Андреевич улыбнулся.

– Принял ответ? – спросил его Покровский и, получив утвердительный ответ, приказал ему сворачивать рацию.

– Быстрее, быстрее!

Они вышли из здания и сели в машину.

– В Москву, – произнес Покровский.

Они снова проехали все тот же КПП. В этот раз лейтенант козырнул майору и не стал останавливать для проверки легковушку. Шукин и радист вышли раньше и используя возможности метро, растворились на просторах города.

– Вот здесь останови,

Машина, уткнувшись капотом в кучу снега, остановилась. Олег Андреевич вытащил из кармана деньги и сунул их водителю.

– Вот возьми. Можешь не считать, я не обманываю...

– Спасибо, – поблагодарил его водитель и, подав немного назад, тронулся.

Покровский проводил взглядом машину, и когда та исчезла из виду, медленно шагая, направился к дому, в котором снимал комнату. Он открыл дверь и, сняв с себя шинель, прошел в зал.

***

Майор Крылов посмотрел на вошедшего к нему в кабинет лейтенанта из отдела связи. Тот козырнул ему и положил перед ним лист бумаги.

– Что это? – спросил его Крылов.

– Шифровка. Вчера неизвестная нам радиостанция вышла в эфир в пригороде Москвы. Длительность передачи была около четырех минут. Запеленговать рацию не удалось. Судя по подчерку, передачу вел хорошо обученный радист.

– Вам удалось расшифровать текст?

– Нет, товарищ майор. Шифр необычный....

– У вас все необычное, – раздраженно ответил майор. – И, что ты мне прикажешь с ней делать?

Лейтенант промолчал. Его молчание еще больше распало майора.

– Вот, что милейший! Передай своему начальнику отдела, пусть приложит все свои силы и расшифрует мне все эти сообщения. Ты меня, понял?

– Так точно, товарищ майор.

В этот момент на столе майора зазвонил телефон. Он резким движением руки снял трубку и посмотрел на все еще стоявшего перед ним лейтенанта. Когда тот развернулся, Крылов произнес:

– Слушаю вас, товарищ комиссар.

Майор положил трубку и, открыв сейф, достал из него тонкую картонную папку. Закрыв металлический ящик, он направился к двери.

– Товарищ комиссар! – он не договорил, так как тот жестом руки показал ему на стул.

– Что у нас с группой Покровского?

– Контакт с «Зорькой», как я вам уже докладывал, произошел. Во время встречи он поинтересовался у нее, как хорошо она знает Челябинск и Магнитогорск. Я думаю, что его интересуют наши металлургические предприятия, не исключено, что он планирует провести на них крупные диверсии.

Комиссар пристально посмотрел на Крылова.

– Я тоже так думаю. Ваши соображения?

Майор откашлялся. Он всегда так поступал, прежде чем отвечать на вопросы руководства. Этот не хитрый финт, позволял ему, сосредоточиться на ответе.

– Взять группу Покровского мы сможем в любое время.

Нам известно их лежбище. Дело в том, товарищ комиссар, что если мы ее ликвидируем, то немцы наверняка направят еще несколько групп, для осуществления своих целей. Невольно напрашивается вопрос, сможем ли мы их выявить и ликвидировать? Так, что, товарищ комиссар, думаю, не стоит их сейчас тревожить. Для такой большой диверсии им явно не хватает людей, взрывчатки. Следовательно, нужно ждать еще гостей....

Комиссар задумался. Логика в словах майора Крылова явно была налицо. Ликвидация на данный момент группы Покровского ничего не решала. Нужно было принимать какое-то решение.

– Убедил ты меня, Крылов. Смогу ли я убедить там наверху, – произнес он и указал пальцем куда-то на потолок.

– Товарищ комиссар! Вы уж постарайтесь убедить. Мы здесь подумали немного и решили устроить игру. Пусть немцы думают, что вышли на какое-то антисоветское подполье, которое ждет прихода гитлеровцев.

– А, что? Интересная идея. Крылов изложите все в письменном виде. Завтра я иду с докладом, вот там я изложу все это.

На лице комиссара появилась улыбка.

«Здорово, лишь бы все это получилось. Покровский человек с опытом. Впрочем, Савинков тоже был не из простых людей, а попался», – подумал он.

– Иди, майор. Больше я тебя не задерживаю. Справка мне

нужна в 15 часам.

Крылов, встал из-за стола и направился к двери.

– Погоди, Крылов. Кто у нас контактирует с Покровским?

– «Зорька», товарищ комиссар.

– Помогите ей, уж больно матер этот Покровский.

– Хорошо, товарищ комиссар.

Майор вышел из кабинета и, улыбнувшись секретарю-машинистке, вышел из приемной.

***

Корнилова шла из магазина. Стояла хорошая погода, было тихо, шел крупный снег, который словно сказочный ковер, медленно покрывал потемневшую от грязи дорогу. Она невольно вспомнила свое детство, когда она с покойным отцом лепила во дворе дома снеговиков. Перейдя улицу, она остановилась напротив витрины магазина. Когда-то до войны, она сверкала огнями, привлекая в магазин сотни москвичей, сейчас же завешана черной тканью светомаскировки, наглядно свидетельствовала о разительных переменах, что произошли с начала войны. Она тяжело вздохнула и направилась дальше. Где-то там за поворотом дороги был ее дом.

– Здравствуйте, Вера, – поздоровался с ней молоденький военный, в петлицах его шинели блеснули два кубика. – Не шумите, я от Олега Андреевича.

Молодой человек улыбнулся, обнажив ряд белых и крепких зубов. Несмотря на то, что она хорошо знала, что в

скором времени к ней обратиться человек Покровского, эта встреча оказалась для нее неожиданной. Она машинально отодвинулась от молодого военного.

– Кто вы?

– Неважно. Именно со мной вам придется ехать в Челябинск. Зовут меня Сергей, фамилия Соколов. Что вы на меня так смотрите? Осуждаете? Ненужно, изображать из себя кого-то, ведь вы не лучше меня.

– Передайте вашему начальнику, или как там у вас, что я хочу с ним встретиться, – обратилась к нему Вера.

– Можете сказать и мне, я передам....

– Вы, к сожалению, не Олег Андреевич. Так что, передайте. А, сейчас, не провожайте меня, я дорогу знаю.

Сергей улыбнулся. Ему нравилась эта красивая и дерзкая девушка.

– Хорошо. Я не прощаюсь, а говорю лишь до свидания.

Корнилова прибавила шаг и вскоре оказалась дома. Поздно вечером, когда она собиралась ложиться спать, ей позвонил майор Крылов. Она коротко доложила ему о встрече с Соколовым.

– Вера! Пойми меня правильно, я не всегда могу контролировать и страховать тебя. Поступай так, как считаешь нужным. Если Покровский потребует тебя отправиться на Урал, не отказывайся. Мы хотим знать, что задумали немцы.

– Я все поняла, товарищ майор. Мне кажется, что Покровский уцепится на кончик нити, что мы ему предложим. Так,

что, все в твоих руках... Я надеюсь на тебя.

Он положил трубку. Вслед за ним, трубку положила и Корнилова. Она подошла к окну и посмотрела на улицу. Мимо дома прошел военный патруль. Она погасила свет и легла. Она снова и снова стала повторять фамилии и имена людей, с кем она должна была вступить в контакт самое ближайшее время.

«Интересно, как выглядит этот Александр Степанов, которого я должна представить Покровскому? – подумала она. – А, вдруг, его «расколет» Олег Андреевич? Он враг опытный и на простой «мякине» его проведешь».

Корнилова улыбнулась, мысленно представив, как все это будет. Она еще о чем-то думала, пока сон не сморил ее. Веру разбудил телефонный звонок. Она прошла в зал и сняла трубку.

– Сегодня, я буду ждать тебя в 18-00 на старом месте, – узнала она голос Покровского.

Она хотела что-то ответить, но в телефонной трубке раздались гудки отбоя. Она взглянула на часы и стала быстро одеваться. Позавтракав, она вышла на улицу. Корнилова сразу обратила внимание на мужчину, который бросив сигарку на землю, последовал за ней.

«Похоже, Покровский не слишком доверяет мне, если повесил «хвост» с самого утра, – подумала она. – Впрочем, мне спешить некуда, пусть мотается».

Она свернула за угол дома, мужчина последовал за ней.

– Гражданин! Предъявите документы, – остановил его голос воинского патруля. – Вы, что не слышите?

Мужчина остановился и, сунув руку во внутренний карман полупальто, достал паспорт и протянул его старшему наряда. Тот открыл документ и быстро вернул его мужчине.

– Почему не на фронте?

– У меня «броня», – ответил мужчина. – Вот посмотрите...

Он протянул военному бумагу, продолжая наблюдать за дверью магазина, в которую вошла Вера. Старший наряда вернул мужчине документы и козырнув, направился дальше. Вслед за ним двинулись и двое бойцов. Мужчина облегченно вздохнул и прижавшись боком к стене дома, стал наблюдать за дверью магазина.

***

Корнилова вошла в скверик и направилась по знакомой ей аллее вглубь садика. Он был по-зимнему красив и пуст. Вдоль аллеи, словно спрятавшись от людских глаз, мирно дремали скамейки, укутавшись в белые пушистые одежды. На скамейке, где ее обычно ждал Покровский, сидел уже знакомый ей мужчина. Заметив Веру, он поднялся со скамейки, и чуть прихрамывая на правую ногу, направился в ее сторону.

– Следуйте за мной, – произнес он каким-то сиплым и неприятным голосом.

– Кто вы? Я вас не знаю....

– Не ересься, ты хорошо знаешь от кого я, – ответил мужчина.

Корнилова, молча, направилась вслед за ним. При выходе из сквера она заметила черную легковую машину. Из автомобиля вышел Покровский в форме сотрудника НКВД и рукой указал ей на раскрытую дверь легковушки.

– Садитесь, Вера, – произнес Олег Андреевич.

Она села в машину и посмотрела на Покровского.

– Что случилось?

– На днях, я случайно встретила знакомого моего дяди. Генерала Стеблева, он служил под его началом. С его слов после ареста дяди, его разжаловали, и сейчас он командует батальоном, который охраняет железнодорожные станции в Подмосковье. Короче, этот человек обижен властью....

Она посмотрела на Покровского, лицо которого было абсолютно спокойным.

– Вам не интересно?

– Нет. Сейчас много людей недовольных властью.

– Тогда извините. Я думала, что вам это интересно. Наверное, все, что я вам сейчас рассказала, выглядит, довольно, глупо....

– Почему же?

– Его фамилия – Степанов, он капитан.

Покровский снова промолчал. Он не хотел показать Вере, что его заинтересовала личность этого человека.

– У вас все, Вера?

– Да....

– Вы уже познакомились с человеком, с которым вам нужно будет выехать в Челябинск?

Корнилова кивнула.

– Вот и хорошо. Поезд завтра в 20-00. Он заедет за вами....

Покровский вышел из машины и помог выйти Вере.

– До свидания, – тихо произнес Олег Андреевич. – Удачной поездки...

– Что я там должна делать?

– Ничего, конкретного.

Машина, загудев мотором, плавно тронулась и исчезла в темноте. Вера оглянулась, она стояла одна. Мужчина, сопровождавший ее весь день, вдруг бесследно исчез. Когда и куда он скрылся. Вера не заметила. Она направилась в сторону метро, чтобы успеть добраться до дома еще до начала комендантского часа.

«Почему его не заинтересовал капитан Степанов? – размышляла она. – Может, я что-то не совсем правильно представила его Покровскому? Неужели, майор Крылов, просчитался, подводя эту фигуру столь опытному агенту немецкой разведки?»

Так размышляя, она незаметно дошла до дома. Она хотела позвонить Крылову, но почему-то не решилась. Она плохо спала в эту ночь. Ворочаясь с одного бока на другой, она

почему-то все время думала о Воронцове. Его внезапное исчезновение не только волновало ее, но и пугало.

«Если его отправили на фронт, то он бы обязательно попрощался бы с ней. Ведь, судя по его словам и поведению, он был не равнодушен к ней. Значит, не фронт. Что тогда? Где он? Почему он молчит? – думала она. – Если не фронт, выходит он где-то здесь. Тогда снова вопрос? Почему не звонит?»

Вера не заметила, как задремала под утро. Ее разбудил настойчивый звонок телефона. Она пошарила рукой по прикроватной тумбе и, нащупав кнопку звонка будильника, нажала на него. Поежившись, она поднялась с кровати и стала быстро прибираться в квартире. Взглянув на свой небольшой чемоданчик, что стоял в прихожей, она почему-то невольно улыбнулась. В этот момент в зале зазвонил телефон. Корнилова сняла трубку и услышала голос лейтенанта Соколова.

– Доброе утро, Вера. Я заеду за вами в шесть вечера. Будьте готовы к отъезду.

– Хорошо, я уже готова.

Услышав гудки отбоя, она положила трубку.

***

Майор Крылов шел вдоль аккуратно уложенных в штабеля железнодорожных шпал. Несмотря на легкий мороз, в воздухе витал устойчивый запах креозота. Рядом с ним, ши-

роко шагая, шел капитан Степанов.

– Как дела? Вжился в роль? – спросил его майор. – Жди гостей, наверняка скоро объявятся.

– Я уже устал от ожидания, товарищ майор. Скорей бы....

– Еще успеешь. Как личный состав?

– Все хорошо. Мне удалось наладить постовую службу. Все на местах, пока без ЧП.

– Ну, ну, давай служи. Если, что, не переиграй. Покровский человек с большим опытом, наверняка, устроит проверку.

– Все понял, товарищ майор.

Крылов оглянулся по сторонам и, убедившись, что за ним никто не наблюдает, пожал капитану руку. Он направился дальше, а Степанов проводив его взглядом, направился к складам.

– Стой! Кто идет! – раздался голос бойца.

– Что слепой! Не видишь?

– Пароль!

– Смоленск! – выкрикнул Степанов.

Боец закинул винтовку за плечо и посмотрел на подходящего к нему капитана.

– Товарищ капитан! За время дежурства происшествий не было.

– Хорошо.

Он прошел мимо бойца и направился к следующему посту. Проверив очередной пост, он направился в сторону ка-

зармы, в котором размещался его батальон.

– Товарищ капитан. Разрешите обратиться. Полчаса назад к КПП подъезжал майор госбезопасности и интересовался вами.

– В каком смысле интересовался?

– Спрашивал, как давно вы командуете батальоном. Откуда вы прибыли?

«Прав, майор Крылов. Вот оно началось», – подумал он.

– Что ты ему ответил?

– Ничего, товарищ капитан. Что я ему мог ответить, если я вас практически не знаю.

Степанов, ничего не сказав, молча, прошел в свой кабинет. Он сел за стол и посмотрел, на стоявшей на его столе, телефон. Ему вдруг так захотелось позвонить, что от этого желания у капитана вспотела ладонь.

«Прости меня, что не звоню. Мне просто нельзя...», – подумал он.

В кабинет заглянул лейтенант и, заметив Степанова, вытянулся в струнку.

– Товарищ капитан, вы будете присутствовать на политзащиты? – поинтересовался у него он.

– Начинайте без меня. Я подойду чуть позже.

Лейтенант исчез за дверью, а Степанов, снова посмотрел на телефон. Искушение было столь большим, что он поднял трубку.

– Слушаю, товарищ капитан, – услышал он голос дежур-

ного по батальону.

– Как у вас дела? – спросил он его слегка охрипшим голосом.

– Пока все хорошо, товарищ капитан. А, что у вас есть претензии к несению службы?

– У меня их нет, но они могут возникнуть у других. Сегодня приезжал майор НКВД и интересовался делами батальона. Имейте в виду – некого на охраняемые объекты без моего личного разрешения. Действовать по уставу.

– Все ясно, товарищ капитан.

Он положил трубку и, надев на голову шапку, вышел из кабинета.

***

Вагон покачивался из стороны в сторону. Напротив Веры Соколов и прикрыв лицо шапкой, дремал. Он иногда поднимал шапку и смотрел на Корнилову. Словно убедившись, что та по-прежнему сидит на месте, снова закрывал лицо, погружаясь в дремоту.

– Граждане! Приготовьте билеты и документы, – произнес проводник вагона, заглянув в их купе.

Соколов надел шапку и, порывшись в полевой сумке, достал все необходимые документы, которые положил на столик. В купе вошли проводник и старший лейтенант, на шинели которого матово поблескивали кубари.

– Документы, – уставшим голосом произнес он.

Соколов протянул ему бумаги.

– Куда и зачем едим? – поинтересовался он.

– Еду в отпуск после ранения, товарищ старший лейтенант. Мать живет в Челябинске. Хочу познакомить мать с женой.

Старший лейтенант просмотрел документы и, козырнув, вернул документы.

– Счастливо отдохнуть, лейтенант. Берегите жену, уж больно она у вас красивая.

Он улыбнулся и вышел из купе. Соколов посмотрел на Веру, на щеках которой алел румянец.

– Простите меня, это всего лишь легенда, – произнес он и, поднявшись, вышел из купе.

Вера проводила его взглядом и, открыв сумку, положила обратно в нее документы. Раньше, до плена Сергей Соколов носил другую фамилию. Эта фамилия принадлежала его погибшему в бою другу. Покойный Сергей много рассказывал о себе, о своих родителях, проживавших в Саратове. Поэтому, он уверенно рассказал немецкому офицеру все, что знал о Соколове. Похоже, немца устроила его легенда и тот, подписал рекомендацию, позволившую ему вступить в школу Абвера. Имея за спиной высшее образование, Сергей заметно отличался от других курсантов. Он хорошо читал карту, отлично усвоил саперное дело и со слов инструкторов претендовал на одну из вакантных должностей в школе.

Однажды Соколова вызвал к себе начальник разведшколы полковник Штельман. В кабинете, кроме него находился

еще один мужчина лет сорока. Его темно-русые волосы были аккуратно пострижены, а темно-синий костюм, сидел на нем как влитой, подчеркивая его спортивную фигуру. Сергей внимательно посмотрел на него, отмечая холод в его серых глазах.

– Знакомьтесь, это курсант Соколов, – произнес полковник. – Он у нас один из лучших: хорошо знает саперное дело, отличный стрелок, а главное – предан рейху.

Мужчина прикурил сигарету и посмотрел на Соколова.

– Как вы попали в плен? – задал он вопрос. – Меня интересует причина верности рейху.

Сергей задумался. Перед ним явно сидел русский, и здесь нужно было что-то сказать такое, чему бы он мог поверить.

– Я рос в приемной семье. Мои родители были расстреляны большевиками зимой 1918 года.

Мужчина посмотрел на него как-то по-особенному.

– Это меняет дело, – произнес он. – Выходит и у вас тоже личные счета с советами?

– Да, – ответил Соколов.

Штельман посмотрел на Покровского.

– Соколов! Скоро вам представится возможность поквитаться с советами. Идите, я вас больше не задерживаю.

Сергей четко развернулся и направился к двери. Когда за ним закрылась дверь, Покровский произнес:

– Вы знаете, господин полковник, он не убедил меня.

– В каком смысле?

– Мне кажется, что он не искренен.

– Вы сами просили меня подобрать умных и надежных людей. Соколов один из таких, кто может индивидуально принять решение и выполнить поставленную перед ним задачу.

– Вот в этом и кроется проблема. Судя по его анкете у Соколова начальное образование, тогда откуда у него столь великолепные знания топографии, саперного дела? Проверьте его, господин полковник, я должен верить своим людям. Там за линией фронта, это самое главное.

– Хорошо, я понял вас.... Вы правы, задача поставлена слишком серьезная и мы не должны «проколоться».

На следующий день Соколова и еще троих курсантов ночью привезли на полевой аэродром, где их ожидал транспортный самолет. Капитан Вернер проинструктировал их. Сергей первым поднялся на борт самолета. Вскоре самолет, взревев моторами, устремился в небо. Фюзеляж машины тихо подрагивал и он, прижавшись спиной к дюралевой стенке самолета, закрыл глаза. В этот момент время потеряло свое значение. Он открыл глаза, когда его плеча коснулась рука штурмана. Тот, молча, показал ему три пальца. Это означало, что через три минуты будет выброска. Соколов посмотрел на людей, с которыми ему предстояло взорвать железнодорожный мост. Над кабиной пилота загорелась лампа, и штурман открыл дверь самолета.

Земли он не видел, скорей почувствовал, что она уже под

ногами. Он слегка согнул ноги в коленях. Коснувшись земли, он упал на бок и, вскочив на ноги, стал быстро гасить белый шелковый купол парашюта, который ярким пятном выделялся на темном фоне поля.

Стало светать. Взглянув на карту, он направился на восток, туда, где темнел лес.

– Стой! Кто идет! – услышал он откуда-то сбоку от себя.

«Что делать? Почему здесь оказались военные?», – промелькнуло у него в голове, прежде чем штык винтовки, уперся ему в спину.

Он обернулся, перед ним стоял военный, держа в руке пистолет. Что-то сильное обрушилось на его голову. Перед глазами все поплыло, он пошатнулся и рухнул на землю.

***

Соколов очнулся оттого, что где-то недалеко от сарая, в котором он лежал на земле, громко разговаривал. Он хотел прислушаться к разговору, чтобы понять, где он находится. Однако сильная головная боль не позволяла ему понять, о чем говорят эти два человека. Он застонал от бессилия и попытался подняться на ноги. Наконец, пересилив боль, ему удалось подняться на ноги. Он припал лицом к щели, стараясь рассмотреть то, что находилось за воротами сарая. Заметив бойца, который направлялся в сторону сарая, он опустился на землю и закрыл глаза. Боец, молча, посмотрел на него и, взяв в руки ведро с водой, плеснул ему в лицо. Сер-

гей открыл глаза и посмотрел на него.

– Чего пялишься? Давай, поднимайся!

Он помог Соколову подняться на ноги и толкнув его в спину прикладом винтовки, приказал ему выйти из сарая.

– Слышишь, браток! Где я? – спросил Сергей бойца.

– Сейчас тебе все объяснит, товарищ лейтенант, – ответил тот и дарил прикладом в спину Соколова.

Сергея завели в какой-то полуразрушенный дом и втолкнули в небольшую комнату.

– Данилов! Выйди, я сам поговорю с арестованным, – произнес лейтенант, обращаясь к бойцу.

Тот развернулся и вышел из комнаты.

– Я сотрудник Особого отдела мотострелкового полка. Насколько я понял, ты немецкий парашютист. Я, конечно, мог бы сразу расстрелять тебя, но решил сначала поговорить.

Он, молча, положил перед собой лист бумаги, который достал из полевой сумки. Взяв в руки карандаш, он достал из кармана галифе перочинный нож и стал затачивать карандаш.

– Ну, я жду....

– Я командир роты 897 зенитного полка. Полк дислоцирован в Пензе. Возвращаюсь в часть после ранения.

Сотрудник Особого отдела усмехнулся.

– Все ваши товарищи уже арестованы. Они сообщили нам, что вы являетесь командиром их группы, что ваша фамилия Соколов.

«Интересно. Откуда эти люди узнали, что моя фамилия Соколов. Я этих людей видел впервые и, похоже, они были из другой школы Абвера», – подумал Сергей.

– Что вы молчите?

– Что я вам должен ответить. Перед вами на столе лежат мои документы. В них вы найдете ответ на все ваши вопросы.

Лейтенант встал из-за стола и, поскрипывая новыми ремнями португалии, подошел к нему. Резким коротким ударом в челюсть, он сшиб Соколова с табурета и стал бить его ногами. Сергей попытался увернуться от этих ударов, но связанные за спиной руки не давали ему этой возможности. Получив увесистый удар сапогом в лицо, он потерял сознание.

Сергей открыл глаза и в какой-то момент понял, что задыхается. Это боец лил ему на лицо воду из ведра.

– Вот она живая вода, способная оживить даже мертвого, – произнес лейтенант и громко засмеялся. – Я не буду тебя спрашивать кто ты, я и так все знаю о тебе. Я решил тебя просто расстрелять, как немецкого парашютиста.

– Я не парашютист, – ответил Соколов. – Я не понимаю, о чем вы говорите. Давайте я вам напишу все о себе?

Лейтенант улыбнулся.

– Хорошо. Пиши...

Он приказал развязать ему руки и протянул ему бумагу и карандаш. На столе по-прежнему лежал небольшой перочинный нож, которым он затачивал карандаш. Все произошло так стремительно, что лейтенант не отреагировал на вы-

пад Соколова, который схватил со стола нож и что есть силы, ударил им по его кисти. Нож, словно шило пробил насквозь ладонь сотрудника особого отдела и глубоко вошел в деревянную столешницу стола. Лейтенант закричал от охватившей его боли. В этот момент в комнату заскочил боец, который хотел вскинуть винтовку, но Сергей опередил его. Ловким движением руки он вырвал из его рук винтовку и с силой вонзил в его грудь трехгранный штык. Он подбежал к лейтенанту и ударил его штыком в грудь. Он услышал, как сталь с хрустом вошла в его грудь. Соколов вытащил пистолет из кобуры и метнулся к окну. Через мгновение он уже бежал по тропе в сторону леса.

– Хальт! – раздалось из кустов, и в ту же секунду автоматная очередь, прошла над его головой, срубив несколько крупных веток, которые с шумом упали к его ногам.

Из кустов вышел немецкий офицер в сопровождении двух автоматчиков и направился в его сторону.

***

– Вера! – обратился к ней Соколов, входя в купе. – Собирайся, сейчас через двадцать минут будет станция, нам нужно будет выйти.

– Но до Челябинска еще километров тридцать, если не больше.

– Я сказал, собирайся, значит нужно собираться. Не заставляй меня дважды повторять одно, и тоже.

Корнилова поднялась и стала быстро укладывать свои вещи в чемодан. Сергей стоял в дверях и смотрел на ее сборы.

– Сейчас нас встретит один человек. Я тебя попрошу не задавать ему никаких вопросов. Так нужно....

Вера кинула. Она накинул на голову платок, и посмотрела на Сергея, который укладывал в вещевой мешок свои вещи. Паровоз громко засвистел и, лязгнув чугунными буферами, стал притормаживать.

– Пошли! – тихо произнес он и направился в сторону тамбура.

Проводник открыл дверь вагона и отошел в сторону. Сильный порыв холодного ветра заставил Веру поежиться. Они вышли из вагона и направилась в сторону здания станции. Они вошли в холодное помещение станции и направились в сторону кассы, около которой стоял мужчина в черном длинном пальто с каракулевым воротником.

– Здравствуйте, – поздоровался с ним Соколов. – Иван Семенович просил вам кланяться.

– Как его самочувствие? Болеет или уже поправился?

– Болеет....

Мужчина развернулся и направился к выходу.

– Вы что как вырядились, словно собрались на маскарад? – спросил его Соколов.

– Вчера выменял у одного городского за ведро картошки. Пальто теплое, только немного длинновато. Ничего, укоротить всегда можно. Переночуете у меня, а завтра я вас отвезу

в Челябинск.

– Хорошо, – ответил Соколов.

– Как мне ее называть? – поинтересовался у него мужчина.

– Вера Федоровна. Если, что, это моя супруга....

Мужчина как-то противно захихикал, прикрыв свой рот рукавицей. Вера посмотрела на Сергея, ожидая от него какой-то реакции на слова мужчины, но тот промолчал. На улице их ждал грузовой фургон. Мужчина открыл дверь фургона и посмотрел на Веру. Она быстро забралась внутрь. Мотор машины глухо фыркнул и машина тронулась. Вскоре машина остановилась. Водитель открыл дверь и помог Корниловой выбраться из фургона. Они вошли в дом. Только в доме, Вера почувствовала, как она замерзла.

– Проходите, – предложил им мужчина. – Грейтесь, небось, замерзли.

Корнилова сняла пальто и спиной прислонилась к горячей печи. Мужчина быстро поставил на стол вареную картошку, соленые огурцы и грибы. Нарезав хлеб большими ломтями, он пригласил гостей к столу. Достав из-под стола бутыль с самогоном, он налил его в кружки.

– Будешь? – обратился он к Вере и поставил на стол рюмку.

Они, молча, выпили и, поставив на стол, пустую посуду, стали закусывать.

– Барышня, наверное, устала, – произнес мужчина, – пусть

идет отдыхать. Не обессудьте, у нас конечно не город, но постельное белье чистое, можете не сомневаться.

Вера вышла в соседнюю комнату и, раздевшись, легла на кровать. Она прислушалась к разговору двух мужчин. Они обсуждали, где и как хранить взрывчатку, которой потребуется достаточно много. В ее памяти, как на фотографической бумаге, остались адреса и места складирования. Она закрыла глаза, притворяясь, что спит, когда в комнату вошел Соколов. Взглянув на спящую девушку, он вышел из комнаты.

***

Майор Крылов отодвинул от себя рапорт начальника отдела дешифровки, который сетовал на то, что они до сих пор не могут расшифровать текст радиogramм, перехваченных ими. Капитан Храмов словно расписывался в своей беспомощности, сообщая об этом Крылову. Майор встал из-за стола и, взглянув на лейтенанта, который стоял у двери, вышел из кабинета. Он шел по коридору, едва сдерживая гнев. Остановившись около двери, он резким движением руки открыл дверь и вошел в кабинет начальника отдела связи. Заметив в кабинете капитана комиссара, он на какой-то миг остановился.

– Товарищ комиссар, разрешите обратиться к капитану Храмову? – обратился майор Крылов.

– Разрешаю, – ответил тот.

Крылов подошел к столу и положил радиограмму на стол капитана.

– Я хотел бы знать, товарищ капитан, когда ваши люди смогут расшифровать все эти радиограммы за подписью Учитель? Неужели ваши люди не понимают, как это важно?

Храмов посмотрел на майора и совершенно спокойным голосом произнес:

– У меня люди работают сутками, стараясь расшифровать эти тексты. Здесь не обычный шифр и пока у нас нет ключа, чтобы его расшифровать.

– Разрешите идти, товарищ комиссар, – произнес, еле сдерживая себя, майор Крылов.

– Идите, майор. Научитесь держать себя в руках.

Крылов развернулся и молча, направился к двери. Он вошел в свой кабинет и начал звонить по телефону.

– Степанов? Что у тебя нового? – спросил майор его. – Что, пока никого нет? Плохо, Степанов, плохо.

«Неужели не сработало? – подумал он. – Нет, просто Покровский умный человек и просто так ничего делать не будет. Нужно ждать...»

– Ты там не дергайся, Степанов.... Жди.

– Все понял, товарищ майор.

Капитан Степанов положил трубку на рычаг телефона и посмотрел на человека, который стоял в дверях его кабинета.

– Майор госбезопасности Тихонов, – представился он. – Собирайтесь, капитан. Вы арестованы.

– За что?

– Собирайтесь. Не заставляйте меня применять в отношении вас силу.

– Скажите, товарищ майор, я могу позвонить своему заместителю. Хочу передать ему командование подразделением.

– Ты меня не понял, капитан. Я сказал, собирайся, оружие не трогать!

Степанов надел на себя полушубок, который получил сегодня утром и посмотрел на майора.

– Я готов...

– Только без глупостей, капитан. Дернешься, уьем на месте. Понял?

Он, молча, кивнул и направился к двери. Выйдя в коридор, он увидел двух бойцов, вооруженных автоматами, которые встали по бокам и они все вместе, направились к выходу из казармы. Около дверей стояла «Эмка». Один из конвоиров открыл дверь автомобиля. Степанов сел. Когда все разместились в легковушке, машина тронулась. Она долго петляла по городу, пока не остановилась около небольшого дома.

– Вы куда меня привезли? – поинтересовался он у майора.

Тот не ответил. Конвоир приказал капитану выходить и когда тот выбрался из «Эмки», повел его в дом. Майор Тихонов снял с себя шинель и сел за небольшой столик, что стоял в углу комнаты. Конвоир толкнул Степанова автома-

том в спину и рукой указал на табурет, стоявший посреди комнаты.

– И так, фамилия, имя, отчество, звание и должность? – задал ему майор вопрос.

Когда он ответил, майор достал папиросу и закурил. Сквозь облако табачного дыма, он вновь задал ему вопрос:

– Когда начали свою антигосударственную деятельность? Что вас связывало с расстрелянным генералом Стеблевым?

Майор заметил, как непроизвольно дернулась щека капитана.

– С генералом Стеблевым мы вместе служили. До 1934 года я исполнял обязанности его адъютанта.

– За что вас понизили в звании?

– Мне неизвестно. Просто вызвали в штаб полка и приказали сдать батальон.

Майор усмехнулся и впервые с какой-то добротой посмотрел на Степанова.

***

Капитан сплюнул кровь из разбитой губы и с вызовом посмотрел на майора.

– Ненавижу, – тихо произнес он. – Я всегда ненавидел вас. Чего смотришь? Стреляй!

Майор Тихонов продолжал пристально смотреть на Степанова. Ему не верилось в искренность сидевшего перед ним командира воинской части. Он пытался понять, что меша-

ет поверить ему, но никак не мог грамотно сформулировать это.

«А, может, он действительно ненавидит Советскую власть? – размышлял он. – Что она ему дала?»

– Чего смотришь, чекистская морда? Стреляй! Я уже давно жду, когда вы меня арестуете. Вы же всех кончили из окружения генерала Стеблева. Я, наверное, остался последним!?

– Ты, что распустил хвост, как петух. Мы тебя, конечно, расстреляем, это однозначно.

Стоявший позади капитана боец, ударил его в затылок, от чего тот отлетел в сторону и потерял сознание. Майор посмотрел на бойца, который словно ничего не произошло, все также стоял около табурета.

– Если еще раз ударишь, я тебя просто убью. Ты понял меня? Подними его и приведи в порядок.

Боец наклонился и с трудом поднял обездвиженное тело Степанова. Он попытался усадить его обратно на табурет, но он сползал обратно на пол.

– Принеси воды! – приказал он бойцу.

Тот вышел из комнаты и вернулся с ведром, в котором плескалась вода. Он вылил воду на голову капитана и отошел в сторону. Степанов открыл глаза и посмотрел на майора.

– Встаньте, капитан! Смерть нужно принимать стоя, глядя ей в глаза. Сейчас вас расстреляют. Вы все хорошо понимаете, сейчас война и задача особых отделов сведена к вы-

явлению и ликвидации врагов государства. Вы, один из них. Примите смерть, как человек....

Он не договорил и рукой указал бойцу, чтобы его вывели из комнаты. Боец толкнул в спину Степанова и приказал тому выйти во двор. Капитан обреченно опустил голову и молча, направился во двор, где находился еще один боец.

– Ты куда это его?

– Майор приказал расстрелять, как врага народа.

Автоматчик толкнул Степанова в спину.

– Вставай к стене, – равнодушно произнес автоматчик и передернул затвор.

На крыльцо вышел майор и, закурив папиросу, произнес:

– Я тебе подарю жизнь, если откажешься от своих слов.

Неужели ты не понимаешь, что умираешь не за идею, а за слова....

– Стреляй, сука! – процедил сквозь зубы Степанов. –

Ненавижу!

Майор усмехнулся, поймав себя на мысли, что все это напоминает какой-то дешевый

спектакль.

– Капитан! Если я вам предложу оказать нам помощь в борьбе со сталинским режимом, что скажите?

– Стреляйте! Я готов умереть....

Майор опять улыбнулся.

– Заведите капитана в комнату, произнес майор и скрылся за дверью.

– Повезло тебе, капитан, – произнес автоматчик. – Жи-
ви....

Степанов вошел в комнату и впервые за все это время почувствовал, что очень озяб и устал. Взглянув на майора, он попросил у него папиросу. Тот протянул ему пачку и коробку со спичками.

– Ну, теперь, поговорим серьезно, – произнес майор. – Спектакль закончен.

***

Машину трясло на кочках и Корнилова то и дело, хватала Соколова за руку. Тот, не обращая ни малейшего внимания на Веру, пристально вглядывался в корпуса танкового завода, которые виднелись из-за высокого забора.

– Вера! Вы должны показать мне самый важное здание завода, которое в случае его уничтожения парализует работу завода.

– Самое важное в работе любого предприятия это: электрическая подстанция, водокачка. Уничтожение сборочного цеха ничего не поменяет, сборку могут перенести в любой из этих корпусов.

– Так, где эта подстанция, водокачка?

– Они находятся вот за этим корпусом, – ответила Корнилова. – Вопрос, как вы доставите взрывчатку на территорию предприятия? Вы же сами видите, какая здесь охрана.

Соколов улыбнулся, но вопрос Веры заставил его как-то

по-другому посмотреть на нее.

«Профессиональный вопрос, – подумал он. – А я, почему-то считал ее простой лаборанткой».

Машина вильнула на дороге и, прижавшись к обочине, остановилась. Из автомобиля вышел водитель и, подняв капот, начал швыряться в двигателе. Соколов встал рядом с ним, словно пытаясь оказать ему какую-то помощь в ремонте. Корнилова прислушалась к разговору мужчин.

– Вот этот люк, как я вам говорил. Через него можно легко оказаться на территории завода. Он выходит за котельной. Место там безлюдное, так, что можно пронести хоть тонну взрывчатки.

– Ты сам-то проверял?

– Нет, я не лазил, – ответил водитель.

– Проверь. Я не верю людям. Запомни, если мы воспользуемся им, то ты пойдешь с нами. Понял?

– Да. Я все понял...

– Тогда, поехали. Не стоит мозолить глаза охране.

Они сели в машину и поехали дальше. Свернув в ближайший переулок, легковушка остановилась около небольшого дома. Вера вышла из машины и направилась к дверям. Она открыла дверь и вошла в сени. Вслед за ней вошел и Соколов. В сенях было темно и он, обхватив девушку руками, прижал ее спиной к стене и начал целовать. Она попробовала вырваться из ее крепких объятий, но у нее ничего не получилось. Наконец, его губы нащупали ее губы, и Сергей

буквально впился в девичьи губы. Он на какой-то миг ослабил свои объятия, и этого оказалось вполне достаточно, чтобы она с силой оттолкнула его от себя. Кто-то из них сбил со стены висящую на гвозде оцинкованную ванну, которая с грохотом ударилась об пол. Корнилова буквально влетела в комнату и посмотрела на дверь, ожидая появления Соколова, но того не было. Она сняла с себя пальто и прошла в маленькую кухню. Услышав шаги, она обернулась. В дверях стоял Сергей. На его лице блуждала улыбка, не сулившая ей ничего хорошего.

– Не подходи, – тихо произнесла она и выставила перед собой нож. – Если сделаешь еще шаг, я убью тебя.

Соколов засмеялся.

– Ты же умная девушка, Вера. Я намного сильнее тебя и мне ничего не стоит просто сломать тебе шею.

– Сломать? Тогда, что ты скажешь Покровскому? Что убил меня в порыве страсти?

Он снова улыбнулся, но шага в ее сторону, почему-то не сделал. Сергей смотрел на нее так пристально, что от этого взгляда Вере стало как-то не по себе. Они стояли друг перед другом, не решаясь сделать ни шага навстречу.

– Дура ты набитая, – произнес он. – Кто такой Покровский? Чем он лучше меня? Только тем, что продает себя чуть дороже, чем я.

Соколов развернулся и вышел из кухни. Корнилова облегченно вздохнула. На глазах ее, словно два брильянта, по-

катились капельки слез. Она зажгла керогаз и поставила на него чайник. На какой-то миг она почувствовала непреодолимое желание бросить все это и сломя голову умчаться в Москву. Однако, она смогла победить это желание.

***

Темно. Часовой, услышав скрип снега под ногами людей, направляющихся в его сторону, вскинул винтовку.

– Стой! Кто идет! Пароль!

– Пашков! Ты что слепой? Это я, капитан Степанов!

– Все равно, пароль!

В темноте сухо щелкнул затвор винтовки.

– Варшава, Пашков, Варшава, – произнес капитан, подходя к часовому. – Что у тебя?

– Тихо, товарищ капитан.

Степанов посмотрел по сторонам и, убедившись, в отсутствии посторонних лиц, выхватил из рукава полушубка нож и ударил им в живот часового. Тот вскрикнул и медленно повалился на бок. Капитан свистнул, и из темноты показались несколько человек, одетых в шинели.

– Вскрывай! – скомандовал он негромко. – Берите ящики, только осторожно, в них взрывчатка.

К путям подогнали полупорку и стали быстро перегружать в нее ящики. Загрузив ящиков двадцать, мужчины забрались в кузов машины, и она медленно двинулась в сторону дороги. Капитан задвинул дверь вагона и неторопливо направился в

сторону станционных построек. Пройдя мимо часового, он поднялся к себе на этаж и, открыв дверь, вошел в кабинет. Не снимая полушубок, он подошел к телефону и, сняв трубку, быстро набрал номер. Ждать пришлось не долго.

– Алло! Это капитан Степанов. Груз отправлен, – произнес он и положил трубку.

В кабинет вбежал помощник дежурного по части.

– Товарищ капитан! У нас ЧП! – сбивчиво произнес он. – Пропал боец Пашков!

– Как пропал? Что значит, пропал?

– Не знаю, товарищ капитан.

– Поднимай всех свободных от наряда людей, и прочешите все, – скомандовал Степанов.

Боец выскочил из кабинета и, гремя ботинками по полу, скрылся за дверью. Капитан надел шапку и вышел на улицу. Перед ним, выстроившись в две шеренги, стояли бойцы его подразделения.

– Красноармейцы! Полчаса назад бесследно пропал с поста наш товарищ Пашков. Уйти самовольно с поста он не мог. Поэтому слушай мой приказ: прочесать всю близлежащую местность, задерживать всех подозрительных. Приказ ясен? Исполняйте

Бойцы, выстроившись в цепь, медленно двинулись по железнодорожным путям, в сторону станции. Сам Степанов направился обратно к себе в кабинет. Раздевшись, он снял телефонную трубку и быстро набрал знакомый ему номер.

– Товарищ майор! Кажется, все прошло гладко. Сейчас, бойцы подразделения занимаются розыском Пашкова. Да, да, я все понял.

Он положил трубку и, достав папиросу, закурил.

«Интересно, что теперь скажет Покровский, увидев ящики с взрывчаткой, – подумал он. – Поверил ли он ему или все еще нет».

Олег Андреевич, услышав шум подъехавшего к дому автомобиля, вышел во двор.

– Как все прошло? – спросил он одного из своих подчиненных.

– Гладко. Капитан зарезал часового тихо, как говорят без шума и пыли.

Покровский подошел к ящику и открыл крышку. В свете луны он увидел плотно уложенные в ящике брикеты. Взяв в руки один из них, он прочитал надпись и усмехнувшись, положил брикет на место.

– Все разгрузить в сарай! – приказал он, и зябко передернув плечами, скрылся за дверью.

Поздно ночью Покровский отправил шифровку в Абвер: «В мыле не нуждаюсь, нужны прачки».

Дождавшись ответа, диверсанты свернули рацию и на машине вернулись в город.

***

Корнилова вернулась в Москву. Соколов довез ее на ма-

шине до дама и, не прощаясь, поехал дальше. Открыв дверь квартиры, она увидела на столе небольшую записку. Она быстро прочла ее и, смяв ее, положила записку в пепельницу. Поглядев на часы, она направилась на кухню. Она вернулась обратно в комнату и зажгла спичку. Крохотный лист бумаги вспыхнул и исчез, в пожирающем, бумагу пламени. Размяв пепел коробком спичек, она устало села на диван. Немного отдохнув с дороги, Вера села за стол и стала писать отчет по командировке. В какой-то миг она поняла, что пишет его чисто механически. Она положила ручку на стол и стала раздеваться. Только сейчас она поняла, как устала от этой поездки.

Утро выдалось каким-то серым. По улице ветер гнал мелкий колючий снег. Порывы его были столь сильны, что казалось, что они легко могли сбить человека с ног. Вера отошла от окна и, пододвинув к себе поближе телефон, набрала номер. В трубке долго звучали длинные гудки. Потеряв надежду дозвониться, она хотела положить трубку, когда услышала в трубке женский голос.

– Соедините меня с майором Крыловым, – обратилась к ней Корнилова.

– Его сейчас нет, он на совещании.

– Передайте ему, если можно, что звонила «Зорька».

– Хорошо, – ответила женщина и положила трубку.

«Как хочется, есть, – подумала она. – Карточки просрочены, новых у меня пока нет».

Надев пальто, она вышла из дома и направилась в жилищный комитет, в котором она всегда получала карточки на хлеб. Ей пришлось отстоять около часа в очереди, прежде чем получить их. Радостная, она направилась в магазин. Купив хлеба и другие продукты, Вера направилась в сторону дома. Поднимаясь по лестнице, она столкнулась с соседкой, которая жила этажом выше. Соседка, женщина лет шестидесяти пяти, была одета в зимнее пальто. На голове была некогда модная шляпка, поверх которой был надет шерстяной платок. На ее неестественно бледном лице, словно два больших зеркала, сверкали большие изумрудного цвета глаза. Корнилова слышала, что когда-то эта женщина выступала в театре, с которым объездила практически весь Советский Союз. Сейчас, от ее было красоты остались лишь глаза и хорошо поставленный голос.

– Здравствуйте, Мария Александровна, – поздоровалась Корнилова. – Как вы себя чувствуете?

– Здравствуйте, Вера, – ответила она и грустно улыбнулась. – Что-то я тебя давно не видела?

– В Челябинск ездила....

– Вера! Тебя долго ждал какой-то военный, – произнесла Мария Александровна.

– Какой он из себя?

– Трудно сказать. Я его через окно видела. Он довольно долго стучал в вашу дверь, а затем вышел из дома и стал ждать вас около машины.

У Веры екнуло сердце.

«Неужели Костя? – подумала она. – Нет, он бы позвонил мне по телефону».

Поблагодарив соседку, она открыла дверь и вошла в прихожую. Сняв с себя пальто, она вошла в комнату. Она посмотрела на телефон, который словно живой, угадавший ее желание, неожиданно зазвонил.

– Сегодня в восемь на старом месте, – произнес знакомый ей голос.

Она положила трубку и подошла к окну. Она заметила легковую автомашину, которая въехала во двор дома. Из машины вышел мужчина и, взглянув на окна дома, направился к парадной. Она не сразу признала в этом импозантном мужчине майора Крылова. Раздался звонок. Вера подошла к двери и посмотрела в дверной глазок. На площадке стоял майор. Она скинула цепочку и широко открыла дверь.

– Можно? – поинтересовался он у Корниловой.

Она, молча, кивнула. Крылов вошел в прихожую и снял с головы каракулевую шапку.

– Я не сразу вас узнала, товарищ майор, – произнесла хозяйка. – Чай будете? Правда, он у меня морковный....

Крылов усмехнулся и прошел в зал, где сел в кресло.

– Давай, докладывай, – произнес майор.

Вера протянула ему лист бумаги, исписанный мелким убористым текстом.

– Я здесь все изложила, товарищ майор. Покровский заду-

мал совершить крупнейшую диверсию. Они хотят взорвать Челябинский танковый завод. Их пока держит отсутствие взрывчатки, так как для совершения подобной диверсии им необходимо больше двухсот килограмм тола. Пока его у них нет.

– Уже есть, Корнилова, есть....

– Группа Покровского, как я поняла, малочисленна, и сейчас, они планируют получить подкрепление. Там в рапорте я указала места, где готовятся принять эти группы.

Майор улыбнулся.

– Скажите, товарищ майор, что вам известно о Воронцове? Где он, жив ли?

– Не волнуйся, Константин жив. Больше я тебе ничего сказать не могу.

Он встал с кресла и направился в прихожую.

– А, как же чай, товарищ майор.

– В следующий раз, «Зорька».

Он вышел из квартиры, плотно закрыв за собой дверь.

***

Полковник Штельман еще раз прочитал полученную радиограмму от Покровского и невольно улыбнулся. Олег Андреевич сообщал ему о том, что был осуществлен выезд разведгруппы в Челябинск. Что им удалось на месте определить объекты для диверсий, пути проникновения на территорию предприятия. Полковник закрыл глаза, представив взрывы

на танковом заводе, как рушатся стены и перекрытия цехов, как при большом стечении руководителей рейха, ему вручает награду сам фюрер. В приподнятом настроении, он поднял трубку и попросил соединить его с адмиралом Канарисом.

– Господин адмирал! Думаю, что вы можете доложить фюреру о том, что группа Покровского готова к выполнению операции «Ульм». Я вам уже докладывал, что группа самостоятельно сумела обеспечить себя взрывчаткой. Единственно, что необходимо Покровскому это увеличение численного состава. Предприятие занимает большую территорию, и он считает, что эти люди должны будут атаковать охрану предприятия, что отвлечет сотрудников НКВД от истинных наших целей.

Адмирал, молча, слушал доклад полковника.

«Если удастся взорвать крупнейшее танковое предприятие русских, у меня, наверняка, получится заткнуть рты людям из СС», – подумал он, продолжая слушать доклад Штельмана.

– Господин адмирал! Вы меня слышите?

– Да, полковник, я вас слышу. Поздравляю вас. Вы знаете, нужно перебазировать часть группы Покровского из Москвы в Челябинск. Пусть обоснуются на месте....

– Я понял вас, господин адмирал. Назовите мне дату акции....

– Полковник! Давайте приурочим ее к празднику русских,

который они справляют 23 февраля каждого года. В этом случае, мы сразу убьем двух зайцев: нанесем удар по их оборонному заводу, а также удар политический. Я думаю, что Сталин, как никогда почувствует этот удар.

– Я согласен с вами, адмирал. У нас есть еще время, чтобы тщательно подготовиться.

– Полковник! Вы даете отчет тому, какая большая ответственность легла на ваши плечи. Как говорят русские, или грудь в крестах, или голова в кустах. Вы понимаете, что нас ожидает с вами, если эта тщательно подготовленная акция сорвется.

– Так точно, господин адмирал. Я надеюсь, на Покровского и уповаю на Бога.

– Удачи вам, полковник.

Штельман взял в руки красный карандаш и обвел цифру 23 на своем настольном календаре. Он вышел из-за стола и подошел к двери. Приоткрыв ее, он позвал секретаря.

– Пригласите ко мне руководителей курсов, – приказал он миловидной блондинке.

Закрыв дверь, он достал из секретера хрустальную рюмку и налил в нее коньяк. Он выпил жидкость, почувствовав, как обжигающая жидкость медленно стекает по пищеводу в желудок. Крякнув от удовольствия, он поставил рюмку обратно в секретер и сел за стол.

Прошло несколько минут и в кабинет стали входить офицеры разведшколы. Когда они все расселись по своим ме-

стам, из-за стола поднялся полковник Штельман.

– Господа! Нам выпала великая честь нанести реальный удар по оборонному комплексу русских. Это будет сильнейший удар, способный на длительное время остановить выпуск русских танков. Поэтому, по приказу адмирала Канариса, нам предстоит подготовить несколько диверсионных групп. Эти люди, которых мы направим в тыл русской армии, должны питать звериную ненависть к власти, которые способны пожертвовать своей жизнью на благо рейха. И так, пять групп по десять человек в каждой. О готовности доложить мне 18 февраля. Задача ясна?

Офицеры молчали.

– Больше я вас не задерживаю, господа.

Все поднялись и молча, направились к выходу из кабинета.

***

Майор Крылов ехал в машине, внимательно вглядываясь в лица прохожих. Память снова вернула его в те, самые тяжелое время обороны столицы. Их утром собрали в Наркомате внутренних дел. В зале было не так много человек и поэтому Берия, попросил сотрудник занять все передние места. Немного откашлявшись, он зачитал приказ Сталина.

– Обязать Комиссию в составе Первого секретаря райкома ВКП (б), начальника РО НКВД и представителей инженерных частей Красной армии в однодневный срок определить

и представить Государственному Комитету Обороны список предприятий, на которых должны быть проведены специальные мероприятия.

Все сидящие в зале сотрудники НКВД хорошо понимали, что под «специальными мероприятиями» понималось необходимость минирования данных объектов. Тогда, его ввели в группу, которая контролировала исполнение данного приказа. Вечером на его стол легла служебная записка. Он взял ее в руки и невольно вздрогнул от приведенных в ней цифр. Из этой записки предлагалось подготовить к уничтожению 1119 предприятий, которые разбивались на две категории. ;412 объектов, имеющих оборонное значение предполагалось уничтожить путем взрыва. Оставшиеся – 707, к которым относились предприятия пищевой промышленности,, а также: вокзалы, трамвайные и троллейбусные парки, автобазы, городские и подмосковные электростанции, а также здания: ТАСС, Центрального телеграфа, телефонные станции и гостиницы – подлежали разрушению механической порчей и поджогом.

– Как дела? – обратился к нему старший майор Царев. – Собрал необходимые материалы.

– Так точно, – вскочив из-за стола, ответил Крылов и протянул ему служебную записку. – Здесь все, на текущий момент.

Царев взял в руки записку и быстро прочитал ее.

– Это еще не все, капитан. У вас не сведений по доро-

гам, по которым немецкие войска могут кратчайшим путем пройти к Кремлю. Запросите эти сведения у начальника инженерных войск фронта.

– Есть, товарищ старший майор.

Крылов поднял телефонную трубку и попросил соединить его с начальником инженерных войск фронта.

– Связой с пакетом уже отбыл в штаб. Ждите....

Офицер связи прибыл через полчаса. Представившись, он протянул капитану пакет. Поблагодарив его, Крылов скрыл пакет. В пакете оказалась карта и пояснительная записка к ней. Он разложил карту на столе и стал читать записку.

«В первую очередь необходимо минирование Ленинградского шоссе, – читал он. – Минированию подлежат: Ленинградский проспект, улицы Горького, Большой Дмитровки, Большой Никитской, Воздвиженки и Знаменки».

Откинувшись на спинку стула, он не вольно подумал, что все эти улицы лежат практически в центре Москвы. Согласно плана, некоторые здания и улицы должны были быть взорваны, как только немецкие танки войдут в город. Остальные – уже после того, как немецкие войска завладеют столицей. Данный план основывался на том, что гитлеровцы наверняка обоснуются в Кремле. Там предполагалось заминировать телефонную станцию, электроподстанцию и бомбоубежище. Несколько тонн взрывчатки уже находилось в подвале Большого театра.

«Выходит, практически вся Москва это кладбище не толь-

ко для солдат вермахта, но и для жителей столицы», – невольно подумал он.

Вечером, отчитываясь перед представителями Государственного Комитета по обороне, Крылов узнал, что НКВД подготовлены боевые группы разведчиков и диверсантов, которые должны были осуществлять подрывную работу, в занятой немцами Москве.

Сейчас проезжая по знакомым с детства местам, майор госбезопасности Крылов невольно представлял всю картину возможных разрушений города, в случае сдачи города в октябре 1941 года.

***

Капитан Степанов остановился около КПП. К нему вышел дежурный по части и четко отрапортовал, что за время несения им службы чрезвычайных происшествий не зарегистрировано.

– Хорошо, – ответил он и направился к казарме.

– Товарищ капитан! Утром к вам заезжал майор НКВД Тихонов. Просил вас связаться с ним.

– Хорошо, – все также односложно произнес он. – Надеюсь, что больше вы ничего не забыли, лейтенант?

Он вошел в свой кабинет и, сбросив с себя полушубок, сел за стол. Пододвинув к себе телефон, он быстро набрал знакомый ему номер. Степанов бросил свой взгляд на ходики, которые весели напротив его стола. Они показывали начало

восьмого утра. При последней его встрече с майором Тихоновым, тот установил часы связи. Он должен был звонить ему не позже 8.30. Неожиданно для себя, капитан поймал себя на мысли, что он почему-то считает количество длинных звонков. На десятый звонок кто-то снял трубку.

– Вам кого?

– Мне нужен майор Тихонов, – ответил капитан.

– Вы ошиблись, – ответил глухой женский голос и повесил трубку.

Он растеряно положил трубку.

«Неужели я перепутал номер?», – подумал он.

Он достал из кармана гимнастерки небольшую записную книжку и открыл ее на последней странице, где был записан номер телефона майора Тихонова.

«Нет, номер я набрал правильный, – размышлял он. – Откуда этот старческий голос».

В этот момент на его столе зазвонил телефон. Этот звонок был таким неожиданным, что Степанов вздрогнул.

– Нам нужно встретиться, – произнес майор. – Я жду вас на Казанском вокзале в двадцать часов, у касс.

Раздались короткие гудки. Капитан положил трубку и, выйдя из кабинета, приказал дневальному собрать командиров рот. Тот, молча, козырнул и, гремя ботинками, побежал по коридору.

Покровский положил трубку и посмотрел на Соколова, который сидел напротив его.

– Твоя задача, добраться до Челябинска и организовать прием групп. Никакой активности, просто ждать и принимать группы. Ты, понял меня?

Сергей, молча, кивнул.

– Кто поедет со мной? – поинтересовался он у Покровского.

– Лишние люди тебе там не нужны. Возьми двоих....

– Я хотел бы, чтобы со мной поехала Вера. Это возможно?

– Нет, – коротко ответил Покровский. – Она нужна мне здесь, в Москве.

По лицу Соколова пробежала едва заметная тень недовольства. Это не ускользнуло от внимания Олега Андреевича.

– Ты знаешь, что губит хороших разведчиков? – обратился к нему он. – Самоуверенность и амбиции. Самоуверенность, притупляет чувство страха, который так необходим разведчику. Страх ускоряет реакцию, он же мобилизует его волю в трудные моменты. А, амбиции, это прямая дорога к провалу. Поверь мне, вернее моему опыту.

– Я не сдамся чекистам, – произнес Соколов. – Я хорошо знаю, что меня ожидает в случае провала....

Покровский улыбнулся.

– Несколько наигранно, но искренно. Пощады ты конечно от них не дождешься.

– Я все продумал, когда подписывал свое соглашение на работу с Абвером.

Покровский снова улыбнулся.

– Готовь людей. Выезд завтра. Кстати, возьми Гаранина, тебе нужен радист.

– Все понял.

– Иди. Я больше тебя не задерживаю....

Соколов поднялся из-за стола и, надев шапку, вышел из комнаты.

***

Капитан Степанов стоял около касс Казанского вокзала и ждал Покровского. Тот вошел в зал в сопровождении двух автоматчиков. Привычно окинув зал ожидания, он направился в сторону капитана. Он козырнул и протянул ему руку.

– Что случилось? – спросил его Степанов.

– Скажу кратко. Всю взрывчатку необходимо переправить в Челябинск.

– И каким образом вы хотите это сделать.

– Через вас, милейший.

– Я не смогу это сделать. У меня тоже есть начальники, которые следят за мной.

– Думайте, капитан. Насколько я знаю, нет безвыходных ситуаций, есть лишь не совсем приятные решения. Ваша служба связана с перевозкой грузов, поэтому, не мне вас учить, как это можно сделать.

Степанов промолчал, а затем словно что-то вспомнив, произнес:

– У меня в подразделении есть два бойца, которые имеют счета с Советской властью.

– Это хорошо, капитан, но не сейчас. Сегодня у нас с тобой совершенно иная задача и заключается она в том, чтобы нанести ощутимый удар по тылу Красной армии. Поэтому, никаких контактов с этими людьми. Я не хочу, чтобы операция сорвалась по каким-то независящим от меня причинам. Вы, поняли меня.

– Конечно, понял, майор. Хорошо, я подумаю, как перебросить взрывчатку в Челябинск.

Майор развернулся и махнул рукой автоматчикам, которые, молча, направились вслед за ним. Капитан проводил их взглядом и направился на перрон пригородных поездов. Заметив нужного ему человека, он подошел к нему.

– Здравия желаю, товарищ майор, – произнес он.

– Как встреча?

– Покровский просит перебросить всю взрывчатку в Челябинск. Велел мне подумать, как это сделать надежно и безопасно.

– Раз просит, значит нужно помочь. С ответом не спеши, время военное, поэтому и проблем много. Нужно сделать так, чтобы ты был именно тем человеком, от которого все это зависит. Скажи, как с новыми людьми? Ты предложил их ему?

– Да, но он против того, чтобы увеличивать состав группы. Бойся провала.

– Я бы на его месте, тоже не стал бы рисковать. Слишком много того, что поставлено на кон.

Крылов замолчал. Судя по выражению его лица, у него в голове родилась какая-то оперативная комбинация.

– Мне кажется, что я придумал, кое-что, что изменит его решение.

– Не спеши, капитан... Я позвоню тебе.

Майор развернулся и направился в сторону выхода из вокзала. Вернувшись на работу, он вызвал к себе дежурного офицера.

– Старший лейтенант! Организуйте захват немецких диверсантов по данному адресу, – приказал он ему. – Эти люди вооружены и просто так не сдадутся.

– Разрешите исполнять?

– Да. Я буду ждать вашего доклада. Направьте больше людей...

– Старший лейтенант козырнул и исчез за массивной дверью кабинета.

Оставшись один, он сел за стол и стал читать почту, полученную в течении дня.

***

Две полуторки остановились в квартале от нужного им адреса. Бойцы один за другим выпрыгнули из кузова и построились в две шеренги.

– Прошу внимания! – произнес лейтенант. – Наша задача

окружить дом и заблокировать ближайшие к дому дворы. В доме находятся немецкие диверсанты, которые обучены вести боевые действия в городских условиях. Поэтому, чтобы избежать ненужных жертв, нам придется действовать слаженно, то есть без излишней самодеятельности. Страхуйте друг друга. Задача ясна?

Они разбились по группам и медленно направились в сторону нужного им дома. Когда лейтенант убедился, что дом полностью заблокирован, он подошел к двери и громко постучал. За дверью было тихо и можно было подумать, что в доме никто не живет. Однако, переполненная консервная банка окурками, свидетельствовала, что в доме не только проживают, но живет довольно много, курящих людей.

– Откройте! Проверка паспортного режима! Если не откроете, то мы вынуждены будем взломать дверь!

Он упал вовремя. Автоматная очередь вспорола дверь, словно консервную банку вспарывает острое лезвие ножа. Стоявший рядом с ним боец, с криком рухнул на лейтенанта. Горячая кровь раненого бойца залила его лицо. Выстрелив в дверь из пистолета, он отполз в сторону от двери и поднялся с пола. Кто-то из его бойцов швырнул в окно гранату, взрывная волна которой вынесла оконные рамы. Снова раздались автоматные очереди, уцелевших диверсантов. В ответ полетели гранаты, которые разорвались внутри помещения. Стало тихо, лишь трещали, загоревшие от гранат обломки мебели. Лейтенант вошел в помещение. Стены комнаты были

пестры от крови.

– Соберите оружие, документы, – скомандовал он, чувствуя, как комком к горлу подступает тошнота от запаха крови.

Бойцы вошли в разгромленный взрывами дом. Вскоре на снегу во дворе лежали шесть трупов диверсантов. Один из них подошел к командиру и, вскинув руку к шапке, отрапортовал, что осмотр дома окончен.

– Грузите трупы в кузов! – приказал ему лейтенант.

Вскоре к дому подъехала автомашина, и бойцы быстро погрузили трупы. Минут через десять, полуторки урча моторами, покинули двор. Когда машины скрылись за углом улицы, из соседнего дома вышел мужчина в солдатской шинели и быстро исчез в темноте ближайшего двора.

Покровского разбудил настойчивый стук в дверь. Рука Олега Андреевича привычно скользнула под подушку, где лежал пистолет. Он взвел его и, сунув босые ноги в валенки, направился к двери.

– Кто там? – спросил он, зажигая керосиновую лампу.

– Низамов, я, – ответил мужской голос. – Откройте....

Покровский сбросил крючок и в образовавшую щель увидел, стоявшего у двери мужчину.

– Проходи, – произнес он, сбрасывая дверную цепочку.

– Беда! – сходу произнес Низамов. – Красноармейцы накрыли всех, кто был в доме.

Олег Андреевич удивленно посмотрел на него.

– А, как же ты? – спросил его Покровский. – Почему ты цел?

– Я не ночевал дома. Еще неделю назад я познакомился с женщиной. Она живет рядом. Вот к ней я сегодня и нырнул. Видно, мне еще рано на небеса.

Покровский ничего не ответил, словно не слышал слов о Боге.

«Как они могли выйти на адрес? – подумал он. – Кто «крыса»?»

Он не верил в случайность и сейчас, он лихорадочно перебирал фамилии людей, кто знал об этом адресе. От напряжения, у него заболела голова. Кроме его и погибших об этом месте не знал никто. Он посмотрел, на стоявшего перед ним диверсанта. Тот словно почувствовав угрозу во взгляде Покровского, попятился назад.

– Это не я, – испуганно прошептал он. – Это не я...

Олег Андреевич поднял пистолет на уровень его головы и выстрелил. Низамова откинуло назад. Падая, он сбил со стола керосиновую лампу, которая с грохотом рухнула на пол. Яркое пламя, разлитого керосина быстро охватило занавески на окнах. Начался пожар. Покровский быстро схватил свою одежду и выскочил в прихожую, где стал одеваться.

Он выскочил из дома вовремя, так как уже через полчаса к дому подъехала пожарная машина. Смешавшись с жителями соседних домов, он незаметно для всех выбрался на улицу и направился в сторону ближайшей станции метро.

***

Вера проснулась от стука в дверь. Она вздрогнула и протянув руку в сторону стула, нащупала свой домашний халат. Накинув его, она направилась в прихожую

– Кто там? – спросила она.

– Откройте, Вера! Это я, Олег Андреевич!

Немного поколебавшись, она открыла дверь. Покровский отодвинул ее в сторону и вошел в квартиру. Пройдя в зал, он сел в кресло и, сняв с себя шапку, положил ее рядом, на журнальный столик.

– Что произошло, Олег Андреевич? – спросила его Корнилова.

– Я у тебя переночую, – произнес он, словно не услышав вопрос Веры. – Не беспокойтесь, я вас не стесню. Я утром уйду....

Взглянув на нее, он все понял.

– Мне ничего от вас не нужно. Мне нужно лишь ваше кресло. Надеюсь, что вы не станете возражать?

Вера промолчала. Она, глядя на выражение лица гостя, сразу поняла, что возражать об его присутствии в квартире, бесполезно.

– Располагайтесь, я пойду, разогрею чайник, – произнесла она.

– Не стоит. Я прошу вас еще об одной услуге. Если это вас не затруднит, отключите телефон.

Он снял с себя шинель и положил ее рядом на стул. Вынув из кобуры пистолет, он передернул затвор и положил рядом на журнальный столик.

– Может, вы мне все же расскажите, что произошло? Почему вы пришли ко мне?

– Так нужно, Вера... А, сейчас, идите, отдыхайте.

Хозяйка развернулась. Зайдя в спальню, она, не снимая халата, легла на кровать. Через полчаса она услышала, как громко захрапел Покровский. Какая-то непонятная тревога, без всякого боя, завладела ей. Она ворочалась с бока на бок, но уснуть никак не могла.

«Что произошло? – размышляла она. – Покровский достаточно умный человек и просто так прийти к ней он не мог. Выходит, произошло что-то такое, что заставило его покинуть свою берлогу? Его молчание, по всей вероятности связано с тем, что он не хочет ее пугать. Завтра утром я обязательно позвоню майору Крылову и все узнаю».

Во двор дома заехала машина. Покровский открыл глаза и, схватив пистолет, подошел к окну. Посреди двора стояла черная «Эмка». Стараясь двигаться тихо, он на цыпочках вышел в прихожую, стараясь по шагам, определить к кому и за кем приехала легковушка. Однако, сколько он не вслушивался в темноту, шагов он не услышал. Он снова подошел к окну и отодвинув край шторы, посмотрел во двор. Он был пуст. Он снова сел в кресло и вытянул ноги, стараясь расслабиться. Он попытался заснуть, но сон не шел.

«Как они могли выйти на явочную квартиру? – снова подумал он. – Неужели, он где-то прокололся? Если завтра на него не выйдет Степанов и Соколов, значит, чекисты вышли на него и это он привел их к этим людям, в противном случае, адрес сдал один из тех, кто знал этот адрес?»

Он посмотрел на часы. В свете падающего из окна лунного света, они показывали начало четвертого утра.

«Может, стоит уйти? – подумал он. – Если прокололся я, то чекисты наверняка, знают и этот адрес? Но куда пойдешь, если за окнами ночь?»

Он закрыл глаза и постарался вспомнить мать. Перед глазами поплыли теплые и мягкие, словно пух, руки мамы. Вот она касается его головы, нежно проводит рукой по волосам, от этих невесомых прикосновений ему становится тепло. Он пытается поймать ладошки матери своими губами, но у него ничего не получает. Он хватает раскрытым ртом воздух, пытается что-то сказать, но не может. В зал входит отец. Он становится в дверях и как-то не естественно расставляет свои большие и сильные руки, словно пытаясь закрыть ими его и мать. По его лицу струится ручеек крови, которая заливает его лицо. Рядом с отцом вдруг появляется человек в черной кожаной куртке, который держит в руках обгавленную кровью шашку. Отец тянет к нему руки, что-то кричит, но из его рта вырываются лишь какие-то непонятные ему звуки.

Он открывает глаза оттого, что кто-то теребит его за плечо. Ему понадобилось какое-то мгновение, чтобы прийти в

себя.

– Олег Андреевич! – тихо произносит Вера. – Проститесь же!

– Простите меня, я наверное, кричал?

Она кивнула. Он встал с кресла и подошел к окну. Там за окном бушевала метель. Порывы ветра поднимали снежную пыль и гнали ее вдоль двора. Он быстро накинул на себя шинель и молча, направился в прихожую.

***

Капитан Степанов свернул за угол здания и увидел майора Тихонова, который стоял около КПП и курил. Он подошел к нему и молча, протянул ему свою руку.

– Давно ждете? – поинтересовался он у майора.

Тот не ответил и, бросив недокуренную папиросу в урну, последовал за капитаном.

– Сегодня в Челябинск уезжают мои люди, – вполне буднично произнес он. – Я хочу, чтобы вы проводили их.

Это было такое необычное предложение, что Степанов невольно удивился ему.

– Почему я? – спросил он Тихонова.

– Так нужно. Я должен быть уверен в том, что они уехали.

– Но я не знаю этих людей, – тихо ответил капитан и посмотрел на Тихонова.

Они вошли в кабинет Степанова и, не снимая шинелей, сели за стол.

– Вот их адрес, – произнес майор и протянул ему небольшой листочек, на котором карандашом был написан московский адрес. – Просто нужно негласно сопроводить их до вокзала и не более.

Капитан взял в руки листочек и, прочитав адрес, порвал его на мелкие кусочки, которые бросил в пепельницу. Он, молча, достал из кармана шинели спички и поджог их. Выдержав паузу, он спросил Тихонова:

– Я не специалист, чтобы вот так незаметно проводить их. А, если они заметят за собой слежку?

– Значит, это нужно сделать так, чтобы они не заметили.

– Хорошо, я попытаюсь, но гарантий никаких.

Майор снова достал из кармана шинели папиросы и закурил.

– Кстати, капитан. Кто ваши люди? – ненавязчиво поинтересовался майор. – Им можно доверять?

– Вы же видите меня, я на свободе. Если бы они были не истинными патриотами нашей родины, то они наверняка бы сдали меня НКВД.

Майор усмехнулся, над его фразой. По его лицу было отчетливо видно, что произнесенная капитаном фраза ничуть не убедила его.

– Блажен, кто уверовал, ибо попадет в рай, – произнес Тихонов. – Нужно их проверить.

– Каким образом?

– Пусть взорвут водокачку на Белорусском вокзале. Пусть

испачкают так руки, чтобы не появилось желание сдать властям.

– Но они не саперы и обращаться с взрывчаткой не могут.

– Я дам им мину. Там только нужно установить точное время на циферблате, а остальное все произойдет без их присутствия.

Их глаза словно искали друг друга. Они смотрели, не мигая и не отводя их в сторону. Сколько продолжалась эта дуэль сказать сложно. Первым не выдержал и отвел свои глаза в сторону майор.

– Хочу вернуться к тому, с чего начал. Поезд на Челябинск отходит в 17-45 с Казанского вокзала. Следовательно, группа покинет адрес, как минимум за полтора часа. Вы их сразу узнаете, с ними будет лейтенант. Он светленький, лицо открытое русское. Вы меня поняли, капитан?

– Да....

– Вот и хорошо. Я пошел, меня провожать не стоит.

Он загасил папиросу и поднялся из-за стола. Надев на голову шапку, он направился к двери.

«Посмотрим, провален ли адрес Соколова? – подумал Тихонов, спускаясь по лестнице. – Если все пройдет в штатном режиме, следовательно, адрес сдал Низамов».

Майор вышел на дорогу и жестом руки остановил приближающую к нему полуторку.

– Подбрось до метро, – обратился он к шоферу.

Тот посмотрел на нашивку на рукаве шинели майора и

молча, кивнул. Тихонов забрался в кабину и, поправив ремни портупей, откинулся спиной на сиденье. Машина, нехотя отъехала от бровки дороги и, подняв за собой шлейф снежной пыли, медленно двинулась вперед. Заметив впереди по дороге остановку трамвая, он попросил водителя притормозить.

– А, как же метро?

– Спасибо, браток. Я на трамвае быстрее доберусь...

Он вышел из машины и, дождавшись трамвая, ловко вскочил на подножку.

***

Майор Крылов положил телефонную трубку и улыбнулся своей мысли, которая внезапно возникла в его голове. Все шло по плану, намеченному им. Ночью группа НКВД ликвидировала группу диверсантов, не потеряв при этом ни одного человека. Сейчас, взглянув на фото Покровского, что лежало перед ним на столе, он мысленно представил его растерянное лицо.

«Сейчас он начнет искать предателя среди своих подчиненных, – размышлял он. – Выходит эту ночь он провел у Корниловой. Интересно, где он будет ночевать сегодня? В адресе, откуда у него сегодня в Челябинск выезжает группа? Навряд ли. У него, наверняка, есть еще не одна берлога, про которые мы пока не знаем. Сейчас, он пойдет по своим старым связям, ему нужны люди. Как они своевременно подсуיתי-

лись и предложили ему еще двоих своих сотрудников».

Он невольно посмотрел на суровое лицо Сталина и озорно подмигнул ему. Его лицо тут же приобрело привычную суровость и озабоченность. В кабинет вошел помощник и молча, положил на край стола кожаную папку с почтой. Крылов посмотрел на него и поинтересовался, есть ли ожидающие приема сотрудники. Помощник отрицательно покачал головой и вышел из кабинета. Майор посмотрел на телефон. Он ждал звонка, а если вернее, доклад своего сотрудника, который должен был передать группу немецких диверсантов, отъезжавшим в Челябинск местным сотрудникам НКВД.

«И так, группа Покровского разделилась. Сейчас, у него остается лишь три диверсанта и радист. Это не так много, но и не мало. Интересно, какие диверсии он планирует совершить в Москве, – подумал он. – Если бы у него не было здесь целей, то он непременно бы направился в Челябинск, а не «торчал» бы здесь, рискуя потерять всю группу».

Крылов посмотрел на часы. Тяжело вздохнув, он подошел к окошку и посмотрел на улицу. За окном было темно, и в свете уличных фонарей он увидел лишь одиноких прохожих, которые куда-то спешили. Закурив очередную папиросу, он снова сел за стол.

«А, если диверсанты заметили за собой наблюдение? – подумал он. – Что они предпримут?»

А, в то время, капитан Степанов, стараясь особо не «светиться», наблюдал за группой Соколова, которая расположи-

лась на перроне вокзала и ждала, когда подадут поезд. Судя по их сосредоточенным лицам, они были готовы в любой момент вступить в бой. Из-за угла здания вокзала, в клубах белого пара от подошедшего поезда, появился воинский патруль, который направился в сторону куривших на перроне бойцов.

– Прошу предъявить документы! – обратился к ним старший патруля.

Соколов посмотрел на своих людей и полез во внутренний карман шинели.

– В чем дело, товарищ лейтенант?

Лейтенант не ответил. Он развернул командировочное предписание и начал читать.

– Лейтенант Соколов! Эти бойцы с вами?

– Так точно. Вот едим за новобранцами, война словно изголодалась, ей новых бойцов нужно.

– Придержите свой язык, если не хотите неприятностей.

– А, что я не прав? – произнес Соколов, словно провоцируя его.

Лейтенант протянул ему документы и, козырнув, повел своих бойцов дальше по перрону. Стоило наряду снова скрыться за углом здания, как к Степанову подошел тот самый лейтенант, что только что проверял документы у диверсантов.

– Записывайте, – произнес он.

Капитан достал из полевой сумки листочек бумаги и ка-

рандаш.

– Пишите: лейтенант Соколов, сержант Демидов, бойцы Яшин и Чесноков.

– Это все?

– Могу сказать, что документы у них настоящие.

«Вот тебе и на? – подумал Степанов. – Выходит у них есть кто-то в военной комендатуре, кто может делать им документы».

– Разрешите идти?

– Идите....

Лейтенант развернулся и направился в сторону бойцов, которые ожидали его входа в здание вокзала.

***

Майор Тихонов вошел в кабинет капитана Степанова и сел за стол.

– Докладывай! Как они уехали?

– Все нормально. Я их проводил прямо до вагона...

Майор пристально посмотрел на Степанова, он явно не доверял его словам.

– Что вы так смотрите на меня? Не верите? Провожали бы сами, – для полной убедительности произнес капитан. – Что, так и будем играть в гляделки?

Тихонов отвел глаза в сторону, а затем сунул руку в вещевой мешок, лежащий у него в ногах. Он достал оттуда сверток и положил, не разворачивая его, на стол.

– Что это? – спросил его капитан.

– Мина.... Пусть твои люди установят ее под водокачку на Белорусском вокзале. Пользоваться ей довольно просто. Вот видите эти часы? – спросил его майор. – Вот этим колесиком устанавливается время, а вот нажатием этой кнопки мина приводится в боевое положение.

Тихонов посмотрел на Степанова, как обычно смотрит учитель на своего ученика.

– Вам все понятно?

Капитан, молча, кивнул. Майор поднялся и направился к двери.

– Вы не озвучили сроки выполнения акции?

– Это воскресенье, – ответил Тихонов и вышел из кабинета.

Капитан подошел к окну и посмотрел во двор казармы. Майор Тихонов в сопровождении бойца пересекал плац части. Отметив про себя, что тот исчез за дверью КПП, он набрал знакомый ему номер телефона.

– Это, я....

– Что произошло?

– Передо мной лежит мина, которую должны установить на Белорусском вокзале. Срок акции, это воскресенье.

На том конце провода стало тихо. Наконец, абонент откашлялся и произнес:

– Думаю, что мы решим эту проблему.

Капитан положил трубку и снова посмотрел на сверток,

что лежал перед ним на столе. Он надел шинель и вышел во двор. Заметив помощника дежурного по части, он приказал ему разыскать Гайсина и Павлова. Вскоре те подошли к его автомобилю.

– Садитесь, – приказал он им. – Едим на Белорусский вокзал.

Бойцы разместились на заднем сиденье и машина, чихая, словно, простуженное животное, медленно тронулось с места. Через час легковушка плавно остановилась напротив Белорусского вокзала. Они выбрались из машины и направились коменданту. Оставив бойцов в коридоре, Степанов вошел в кабинет коменданта.

– Разрешите обратиться, товарищ майор? – спросил он хозяина кабинета. – Моя фамилия Степанов. Вам обо мне должен был позвонить Крылов.

Майор оторвался от изучения каких-то важных для него бумаг и посмотрел на гостя.

– Проходите, капитан. Скажите, как вам конкретно помочь?

– Мне необходим ваш человек, чтобы он провел нас к водонапорной башне.

Майор на какой-то миг задумался.

– Хорошо. Подождите, я сейчас приглашу оперуполномоченного особого отдела. Он парень толковый и сделает все, что вы его попросите. Самому, вы видите, мне некогда.

Он вышел из кабинета и вскоре вернулся с молодым сим-

патичным лейтенантом.

– Лейтенант Курский, – отчеканил оперативник, вскинув руку к шапке.

– У вас есть место, где мы могли бы поговорить с глазу на глаз? – спросил его Степанов.

Они вышли из кабинета и, пройдя по коридору, вошли в кабинет лейтенанта. Вслед за капитаном в кабинет вошли и два бойца, прибывшие на вокзал вместе со Степановым. Они расселись вокруг небольшого стола. Капитан в несколько штрихов рассказал оперативнику цель их приезда и тот, надев шинель, повел их к водонапорной башне.

– В каком бы месте вы заложили мину, чтобы вывести этот объект из строя? – поинтересовался у оперативника Степанов.

– Вот в этом месте, товарищ капитан, – ответил тот и рукой указал на щель между фундаментом и электромотором.

– Спасибо за помощь.

***

Покровский отложил в сторону газету и посмотрел на стоявшего перед ним капитана.

– Ты знаешь, я тебе не верю, – тихо произнес Олег Андреевич. – Так не бывает. Выходит, твои люди заложили мину, а какой-то пионер Вася обнаружил ее.

Степанов молчал, так как ему и самому было не совсем понятно, как мог пионер найти мину в том месте, куда ее

заложили Гайсин и Павлов.

– Знаете, мне тоже непонятна эта случайность, здесь, я с вами согласен. Но, факт остается фактом. Вы можете мне доверять, а можете, и нет. Теперь у меня есть своя группа, и я свободно обойдусь без вас.

– Что это значит, капитан?

– То, что вы слышали. Вы сидите в глубоком тылу Красной армии и ничего не хотите делать. Вы, что решили всю войну просидеть здесь?

По лицу Покровского пробежала тень раздражительности. Этот стоявший перед ним капитан, пытался уличить его в трусости. Рука Олега Андреевича невольно потянулась к кобуре.

– Даже не пытайтесь! Я застрелю вас раньше, чем вы достанете пистолет! Уберите свои руки и положите их на стол, чтобы я их видел!

Майор улыбнулся. Еще минуту назад он был готов уничтожить этого человека, но, сейчас, глядя на его пылающие глаза, решил повременить с исполнением всего этого.

– Капитан! Убери пистолет! У нас с тобой один враг – Советы и наша задача, уничтожить их. Ты сам понимаешь, чтобы ты подумал, если бы эти люди не выполнили твой приказ? Поэтому, давай, оставим все наши разногласия....

Покровский хорошо понимал, что теряет в глазах капитана свой авторитет, но цели, которые ему поставили в Абвере, были выше его самолюбия. Он, молча, достал из кармана

шинели пачку папирос и протянул ее Степанову.

– Кури, капитан, – дружелюбно произнес он. – Плохой мир, лучше хорошей войны.

Он взял папиросу и закурил. Словно разговаривая сам с собой, он тихо произнес:

– Если бы вы знали, что мне пришлось пережить за все эти годы. После ареста генерала Стеблева, меня сняли с должности и направили служить в захолустье. Жена отказалась ехать, и мы расстались. Вскоре, как я узнал, она вышла замуж и уехала с моим товарищем в Киев. Короче, я потерял все, что имел: любовь, семью.... Мне не доверяли, мои сослуживцы получали награды, звания, я не получал ничего. Вы не поверите, но у меня даже не было собственного угла и мне приходилось жить в казарме, вместе с бойцами. Началась война, для кого-то это было большим горем, для меня это была самая настоящая радость. Немцы были под Москвой, и я думал, вот еще немного и они возьмут город,

Он замолчал и посмотрел на Покровского, лицо которого было похоже на каменную маску. В глазах майора зияла пустота, словно все, что рассказывал ему капитан, было неинтересно. Олег Андреевич, снова поймал себя на мысли, что он не верит этому человеку. В чем он не верил Степанову, он не мог понять и сам. Какой-то внутренний голос убеждал его встать и уйти, но другой голос, спорил с первым, доказывая тому, что, если он сейчас покинет это помещение, то он навсегда потеряет этого человека, а люди ему были нужны.

– Ты не на исповеди в церкви, капитан. Мне нужны бойцы, а не слюнявые мужики, потому, что вытирать им сопли, у меня нет времени.

Степанов посмотрел на майора и усмехнулся.

– Это даже забавно, что вы мне не верите. Действительно, перед кем я мечу бисер? Поступайте, как хотите. Думаю, что я и без вас обойдусь, жил ведь я без вас..... А, теперь, уходите. Я не хочу больше вас видеть!

Покровский продолжал сидеть за столом. Он словно не слышал этой реплики со стороны капитана.

– Уходите!

– Не будь институткой, капитан, – тихо произнес Покровский. – Любое доверие нужно заслужить. Слишком много поставлено на кон. Я человек военный и для меня приказ, это приказ, который необходимо выполнить. Твои люди приказ не выполнили, ты это понимаешь или нет? А верю я вам или не верю, эта тема для большого разговора. Вот вам очередное задание. Вы должны взорвать вашу казарму. Взрывчатку получите чуть позже.

Покровский поднялся из-за стола и, скомкав газету рукой, швырнул ее в мусорное ведро.

– Я не прощаюсь....

***

Майор Крылов закончил доклад и посмотрел на сидевшего за большим столом Абакумова. Тот словно не заметив

окончание его доклада, что-то быстро писал в своем небольшом блокноте. Докладчик мялся на месте, не решаясь сесть за стол без разрешения комиссара. Наконец Абакумов закончил писать и посмотрел на него.

– У вас все? – спросил он у Крылова.

– Так точно, товарищ комиссар.

– Какие дальнейшие планы? Ликвидация группы Покровского или у вас есть свои виды на эту группу?

– Товарищ комиссар! Позвольте мне доложить вам о плане в индивидуальном порядке.

В глазах Абакумова сверкнули огоньки гнева.

– Здесь нет врагов, майор Крылов.

Он посмотрел на лица сотрудников, которые с интересом наблюдали за развитием событий. Крылов, не отрываясь, смотрел на раскрасневшееся лицо Абакумова.

– Я согласен с вами, товарищ комиссар, что здесь нет врагов. Я просто подумал, что для отдельных товарищей, которые сидят сейчас в кабинете, эта информация может показаться не интересной.

– Вывернулся, – произнес он и улыбнулся. – Хорошо, останетесь после совещания и доложите ваши соображения.

Крылов сел и с облегчением вздохнул. Сейчас, он был на грани краха, и нетрудно было догадаться, чем все это могло для него закончиться. От осознания этого у майора заболела голова, и он закрыл глаза. Услышав гул и шум сдвигаемых стульев, он открыл глаза и посмотрел на Абакумова, кото-

рый, как и прежде сидел за столом и что-то записывал в свой блокнот.

«Интересно, что он все время пишет?», – успел подумать он, прежде чем услышал голос комиссара.

Он посмотрел по сторонам и, убедившись, что они остались в кабинете одни, приступил к докладу. Майор раскрыл папку и стал докладывать. На лице Абакумова то и дело стала появляться улыбка.

– Значит, ты планируешь по одному ликвидировать всех людей Покровского? Я правильно тебя понял, майор.

– Так точно, товарищ комиссар. Вместо действующих диверсантов, мы планируем ввести своих людей. Начнем игру, и пусть Абвер забрасывает к нам своих агентов и диверсантов, работу которых мы будем контролировать.

– А сможешь решить эту проблему самостоятельно?

– Так точно, товарищ комиссар. Я план мероприятий набросал, посмотрите....

Крылов положил на стол папку и посмотрел на Абакумова.

– Разрешите идти, товарищ комиссар.

Тот махнул рукой и майор, развернувшись, направился к двери. Он вернулся к себе в кабинет и, взглянув на часы, поднял телефонную трубку. Услышав в трубке щелчок, он понял, что его соединили с нужным ему абонентом.

– Необходимо встретиться. Место старое, время – 20-00.

На том конце провода положили трубку. Еще раз, взгля-

нув на часы, он стал переодеваться. Надев костюм, он достал из шифоньера пальто. Надев на голову шапку, он подошел к зеркалу и посмотрел в него.

«Неплохо, – решил он, – главное – не выделяться».

Улыбнувшись своему отражению, он вышел из кабинета и, пройдя по коридору, спустился к запасному выходу. Козырнув постовому, он толкнул дверь и вышел в небольшой узкий переулок. Сильный порыв ветра, ударил его в лицо мелкой снежной крупой, заставив его на какой-то миг закрыть глаза. Около угла, Крылова ожидала служебная машина.

– Поменяй номера, – приказал он водителю.

Тот вышел из машины и быстро перекинул номер. Теперь эта машина мало чем отличалась от обычной машины.

– Куда едим? – поинтересовался у него водитель.

– Пока прямо, а там, скажу потом....

Водитель был человеком с достаточным опытом, и он сразу понял, что майор направляется на встречу со «своим» человеком.

***

Покровский остановился. Почему он это сделал, он так и не понял. Один из диверсантов, который шел впереди его свернул за угол дома.

– Стой! Ваши документы! – раздалось из-за угла.

– В чем дело, товарищ сержант? – спросил его дивер-

сант. – Я из комендатуры....

Лучше бы он не произносил эти слова. Патруль был составлен из бойцов комендатуры.

– Я что-то тебя никогда не видел, – произнес сержант. – Кто у тебя командир?

– А, вам, зачем это? Капитан Волошин.

Сержант усмехнулся.

– У нас такого командира нет

Диверсант попытался сорвать с плеча автомат, но сильный удар в лицо, опрокинул его на землю. Из-за угла дома вышел Покровский и остановился перед комендантским нарядом.

– В чем дело, сержант?

– Вот задержали, товарищ майор. Дезертир или диверсант, пока не знаем....

Воспользовавшись заминкой, задержанный нарядом боец, вскочил на ноги и сбив с ног сержанта, побежал по улице.

– Стой! Стрелять буду! – закричал один из бойцов наряда, вскидывая винтовку.

До арки дома, к которой устремился диверсант, осталось метров десять, когда за его спиной грохнул винтовочный выстрел. Мужчина взмахнул руками, и словно споткнувшись о невидимую преграду, рухнул на землю.

– Дурак! – тихо произнес Покровский.

В этот момент было трудно понять, к кому больше относится эта фраза, к бойцу или к диверсанту.

– Обыщите, – приказал он сержанту и когда тот, провер-

нув тело лицом вверх, достал из нагрудного кармана гимнастерки документы, Покровский сунул их в полевую сумку. – Если спросят документы, то доложите, что их забрал майор Тихонов.

– Отправьте труп в морг, – снова распорядился он и, взглянув на сопровождающего его бойца, направился дальше вдоль улицы.

«Не вовремя, – подумал он, – не вовремя. Нужно срочно покинуть этот город. Что я уцепился за Москву? Вот видишь, ты и сам ответить на этот вопрос не можешь».

В тот же вечер рация Покровского вышла в эфир. Сообщив об очередной потере, он стал ждать, что ему ответит полковник Штельман.

– Вот возьмите, – протянул ему шифровку радист.

Олег Андреевич, сунул ее в полевую сумку и дал приказ сворачивать рацию. Пока радист стягивал с дерева антенну, он сел в машину и, достав небольшой томик стихов Маяковского, начал расшифровывать радиограмму.

«Оставайтесь на месте. Ждите посылку во вторник с 19-20 часов московского времени»

Полковник.

Покровский улыбнулся. В прошлый сеанс он просил прислать ему батареи к рации и поэтому, полученный ответ свидетельствовал, что его просьбу услышали и учли.

«Интересно, кто привезет мне эти батареи? Впрочем, какая разница. Нужно будет за ними послать капитана. Пусть

заберет их, сам рисковать не буду», – решил он.

Он усмехнулся над своим решением. Он посмотрел на радиста, который положив голову на вещевой мешок, дремал.

– Впереди КПП, – произнес водитель.

Покровский расстегнул кобуру и достал пистолет. Он передернул затвор и положил его за пазуху шинели. В свете фар, они заметили шлагбаум, который перекрывал им дорогу. На дорогу вышел боец и поднял руку. Машина вильнула в сторону и остановилась. Постовой в большом и теплом тулупе, словно медведь, вперевалочку направился в их сторону.

– Документы! – произнес он и, включив электрический фонарик, стал внимательно всматриваться в лица пассажиров.

Майор протянул ему бумаги.

– Куда направляемся? – поинтересовался он, обращаясь к водителю.

– В Москву, – ответил водитель и посмотрел на Покровского, словно пытаясь найти защиту у него.

– У вас есть разрешение на выезд из города? – спросил его боец. – Со вчерашнего дня выезд за пределы города осуществляется лишь по-особому разрешению коменданта города.

– Вы что ко мне обращаетесь? – обиженно произнес водитель. – Мне приказали, я и повез майора...

Покровский выбрался из машины и подошел к бойцу.

– Где старший наряда? – спросил он бойца.

– Вон стоит около машины, – ответил он. – Разрешит он мне пропустить вас в город, значит, пропущу, если нет, то на нет и суда, нет.

Олег Андреевич подошел младшему лейтенанту и представился ему.

– Мне нужно срочно в город, – произнес он. – Пусть ваш боец пропустит нас....

– Не могу, товарищ майор. У меня приказ коменданта города....

Он не договорил. Покровский выхватил из-за пазухи «ТТ» и выстрелил ему в лицо. Боец в тулупе не успел даже вскинуть свою винтовку, как пуля майора угодила ему в живот. Темноту ночи разорвал не человеческий крик раненого человека. Подняв автомат убитого младшего лейтенанта, Олег Андреевич расстрелял ведь пост.

– Быстро уходим, – произнес он, обращаясь к водителю. Легковушка, взревев мотором, сорвалась с места и в считанные секунды исчезла в темноте ночи.

***

Капитан Степанов вошел в городской парк и, поглядывая по сторонам, свернул с главной аллеи.

«Где эта нужная мне скамейка?» – подумал он.

Выпавший накануне обильный снег, словно белое маскировочное полотно, укрыл скамейки и кусты. Он прошел чуть дальше и остановился в нерешительности. Его по-прежнему

не покидало чувство, что за ним ведется наблюдение.

«Кто эти люди, которые следят за мной? Бойцы майора? А, может, я заинтересовал чем-то местных сотрудников НКВД?»

Он оглянулся назад с надеждой, что ему удастся «засечь» наблюдателя, однако, позади его не было никого.

«Наверное, показалось, – попытался он успокоить себя. – Кому я нужен, чтобы за мной следили?»

Заметив впереди себя статую «Женщина с веслом», Степанов остановился и снова оглянулся назад.

«Нужно отсчитать тридцать шагов на север, – вспомнил он слова майора Тихонова. – Там в снегу будет зарыт вещевой мешок. Вот ты его и принесешь мне. Только не вздумай его развязывать. Ты понял меня? Развяжешь, собирать будет нечего».

– Раз, два, три, – начал он отсчитывать шаги.

«Где-то здесь, – решил он и стал валенками разгребать снег. – А вот и то, зачем я здесь».

Он вытащил из снега вещевой мешок и, отряхнув его, забросил себе за спину. Оглядевшись по сторонам и не заметив никакой опасности, он направился к выходу из парка. Степанов остановился и, найдя взглядом свою служебную машину, направился к ней.

– Не спеши, капитан, – услышал он за спиной мужской голос. – Майор приказал забрать у тебя этот мешок.

Он резко обернулся. Перед ним стоял мужчина в белом

армейском полушубке. На его заросшем рыжей щетиной лице, блуждала улыбка.

– Вот возьми, – произнес Степанов и протянул ему мешок. – Не вздумай, развязывать...

Он не договорил, так заметил на улице мужчины усмешку.

– Не трусь, капитан. Это была лишь шутка....

– Веселые вы люди. Привет, майору....

Он сел в кабину полуторки и машина, выбросив из себя черный выхлоп, тронулась с места. Мужчина, усмехнувшись, направился к перекрестку. Он шел, насвистывая какую-то ему лишь знакомую мелодию. За ним, на расстоянии тридцати метров, шла женщина, которая то, ускоряла свой шаг, то наоборот замедляя. Мужчина свернул за угол дома и направился к легковушке, которая стояла во дворе дома. Открыв заднюю дверь машины, он положил в салон мешок, а сам, как не бывало, продолжил свой путь дальше. На какую-то секунду женщина остановилась на углу, словно решая сворачивать ей в переулок или нет. Приняв решение, она прошла мимо машины, отметив про себя, что в машине помимо водителя находился еще один мужчина, одетый в армейскую шинель.

Машина тронулась и, обогнав ее, растворилась в потоке автомашин. Женщина уверенно продолжала следовать за мужчиной, который свернул в сторону военной комендатуры. Мужчина прошел мимо часового и скрылся за дверью комендатуры. Женщина осталась на улице, не решившись войти внутрь здания. Ждать пришлось не очень долго. Вскоре

мужчина вышел из комендатуры в сопровождении военного, которому на вид было лет сорок – сорок пять. Они еще о чем-то поговорили и, пожав друг другу руки, разошлись. Военный вернулся в комендатуру, а мужчина последовал дальше.

– Сынок! – женщина обратилась у часовому. – Подскажи, кто это из военных, что только что выходил из комендатуры. Не Куликов ли случайно?

Часовой улыбнулся.

– Нет, это не Куликов. Козырев его фамилия. Вы не стойте здесь, женщина. Стоять здесь запрещено.

Она развернулась и направилась в обратную сторону.

***

Майор Козырев вышел из здания комендатуры и, посмотрев по сторонам, не спеша направился вдоль улицы. Настроение у него было отличным, он мысленно рисовал удивленное лицо своей новой знакомой, с которой он познакомился неделю назад. В его небольшом чемоданчике, который он нес в левой руке, позвякивала бутылка коньяка. Несколько банок мясной тушенки дополняли его «дипломатический набор».

Сам он служил в комендатуре чуть больше шести месяцев и был очень доволен своим новым местом службы. Войну он встретил под Минском, где также проходил свою службу в должности заместителя начальника коменданта по тыловому обеспечению. Через три дня, часть, в которую влилась

комендатура, оказалась в окружении.

Козырев очнулся от удушья. Он открыл глаза и увидел немецкого гренадера, который со смехом мочился на его лицо. Вокруг него стояли немецкие солдаты и громко смеялись. Неожиданно они замолчали и расступились в сторону. К нему подошел немецкий офицер и пристально посмотрел на него. В какой-то момент он хорошо понял, что решается его судьба. Он хотел подняться с земли, но почувствовал, что не в силах оторваться от земли.

– Не убивайте, – прошептал он. – Не убивайте.....

Офицер что-то сказал и два дюжих гренадера подхватили его под руки и волоком потащили к грузовой машине, которая стояла недалеко от этого места.

– Вы готовы служить великой Германии? – спросил его через несколько дней, все тот же немецкий офицер. – У вас два пути или сотрудничать с немецкой разведкой или умереть в концлагере. Выбор за вами....

Он не стал раздумывать и сразу же дал свое согласие.

– Господин полковник! Но, я ничего не умею, как я буду помогать Германии.

– Главное сейчас для вас, это вернуться в действующую армию. Взрывать мосты и предприятия будут другие люди. Ваше дело собирать и передавать информацию о передвижении войск. Через неделю, вы снова окажитесь у своих....

Всю неделю с ним занимался молодой немецкий офицер, хорошо говоривший на русском языке. Он учил его, каким

способом можно добывать интересующую информацию, как ее фильтровать, как использовать тайники. В конце недели его снова вызвал к себе полковник.

– Вот, что, Козырев. Вы карту читать умеете?

– Да.....

– Вот смотрите. В этом небольшом лесу мы заблокировали небольшую русскую группировку. Завтра вы окажитесь в этом лесу и наверняка, столкнетесь с ней. Для большей достоверности вашей легенды, мы вас раним, предположим, в бедро. Вы сообщите им, что из леса можно выйти, если двигаться в сторону Васильков. Им организуем коридор, по которому пройдет ваша группа.

Полковник водил заточенным карандашом по карте, показывая направление движения окруженной группы.

– А если они мне не поверят?

– Значит, расстреляют. Теперь ваша жизнь в ваших руках.

Кстати, этим подразделением командует капитан Левашов. Вы помните его? Вы с ним служили в 27 году в Перемышле.

– Я помню его.

– Вот и хорошо. Значит, сумеете убедить его....

Его разбудили рано утром. Все тот же молодой немецкий офицер завел его в столовую, где он позавтракал. Через пять часов, Козырев уже шел по лесу, опираясь на палку. Раненая нога сильно болела и он, уже проклинал этого молодого немца, который выстрелил ему в ногу.

– Стой! Кто идет? – услышал он окрик из кустов.

Он хотел ответить, но выронив из рук палку, повалился на землю.

– Как ты оказался в лесу один? – спросил его капитан Левашов.

– Нашу машину обстрелял немецкий самолет. Меня вот ранило, а водителя и начальника штаба батальона убило.

Левашов с интересом посмотрел на него.

– Ты хочешь сказать, что со стороны деревни Васильково немецких заслонов нет?

– Да. Там немцев нет.... Вчера они попытались ворваться в деревню на мотоциклах, но мы отбили эту атаку.

Через неделю, группа капитана Левашова перешла линию фронта и соединилась с частями Красной армии.

***

Находясь в фильтрационном лагере, Козырев столкнулся с начальником Особого отдела 873 стрелковой дивизии капитаном Назаровым, с которым неоднократно встречался в Минске еще в предвоенные годы.

– Какими судьбами, Анатолий Кириллович? – поинтересовался у него Назаров.

Козырев усмехнулся, догадавшись, что это была не случайная их встреча.

– Капитан! Зачем эти глупые вопросы? Вы же хорошо знаете, почему я здесь. Я тыловик и никогда не командовал войсками. Мое дело было обеспечить их всем необходимым,

чтобы они храбро сражались с врагом. А, оказалось, что они были не готовы встретить врага. . . .

Он снова усмехнулся и посмотрел на Назарова.

– Ты прав, Анатолий Кириллович. Я действительно внимательно изучил твоё личное дело. Ты знаешь, там достаточно много нестыковок.

– Ты хочешь сказать, Назаров, что я враг и меня нужно к стенке? Как ты думаешь, если бы я был врагом, то какой смысл мне было переходить линию фронта?

– Ты не хорохорься, майор. Проверим, посмотрим и все решим, враг ты или нет.

– Ты же меня знаешь, капитан. Какой я враг?

Назаров не ответил. Он ставил на скамейки папиросы и, развернувшись, отправился дальше. Козырева вызвали к коменданту лагеря через три дня. Пройдя мимо часового, который стоял у входа в здание, он осторожно постучал в дверь.

– Входите, – услышал он приглашение.

Майор толкнул дверь. Он оказался в небольшом, скромном по размерам кабинете. За столом сидел капитан Назаров.

– Присаживайся, Анатолий Кириллович. Кури, – предложил он и пододвинул к нему пачку папирос.

Перед ним лежало личное дело майора Козырева. Он демонстративно открыл его и посмотрел на него.

– Вот читал твои показания, запросы и вопросы у меня к тебе не только стало меньше, их стало больше. Не быют-

ся твои объяснения с показаниями капитана Левашова. Ты вот здесь пишешь, что прибился к их группе в лесу, объясняя это тем, что немецкий самолет расстрелял вашу колонну. При этом вы сказали ему, что ехали в машине с начальником штаба батальона, фамилию, которого ты не помнишь.

Он замолчал и пристально посмотрел на Козырева.

– Тебе не кажется это странным?

Внутри Козырева все оцепенело. Сердце почему-то застучало в голове, покинув свое привычное место. Он хотел что-то ответить, но понял, что не может сделать этого, язык отказался повиноваться ему. Он сидел и молчал, мысленно представляя, как его выведут к ельнику и выстрел в затылок оборвет его жизненный путь. Назаров, похоже, понял его состояние. Он ухмыльнулся и эта ухмылка, словно вернула Козырева к жизни.

– За что? Я не враг народа. . . ., – прохрипел он. – Я отлично тебя понимаю, Назаров, что сейчас такое время, когда можно делать то, что нельзя было делать раньше. Но, я действительно не враг. Меня сильно контузило, я был долго без сознания и поэтому мог что-то спутать.

– Ты знаешь, Козырев, меня сейчас осенила мысль, которая может спасти тебя от ямы. Это, наверное, единственное, что я могу сделать для тебя.

В этот момент он готов был броситься к ногам Назарова и целовать его пыльные сапоги.

– Что взамен?

– Я должен знать, о чем думают наши командиры. Надеюсь, ты понял, что мне нужно от тебя?

– Я не дурак, я, конечно, все понял.

– Вот и хорошо, гражданин Козырев. Иди, больше я тебя не задерживаю....

Он вышел из кабинета, не веря своему счастью. Ему вдруг захотелось запеть и он, мысленно затянул какую-то лишь ему известную песню.

***

Покровский посмотрел на наручные часы. Он и радист ждал легковушку, которая уже опаздывала на двадцать минут. Он посмотрел по сторонам и повернувшись к напарнику тихо произнес:

– Ждать больше нельзя. Уходим...

Они развернулись и направились в обратную сторону.

– Придется выходить в эфир из адреса, – произнес Олег Андреевич.

– Это опасно.....

– Я не думаю, что они засекут нас. Пеленгаторов я в городе не видел.

– Все равно, опасно, – ответил радист.

Покровский остановился и, посмотрев по сторонам, схватил радиста за ворот шинели и крепко прижал к стене дома.

– Ты, что, сука, заскулил, как побитая собака? Ты забыл, под чем подписывался? Если забыл, то я тебе быстро при-

помню. Может тебе напомнить, сколько ты человек сдал в гестапо в лагере? То-то, вот и молчи.... По тебе давно уже виселица плачет.

Он отпустил его и, сплюнув на землю, последовал дальше. За ним, словно побитая хозяином собака, поплелся радист. Они вошли в дом и поднялись на второй этаж. Покровский открыл дверь ключом, и они вошли в квартиру.

– Давай, готовь рацию, – произнес он и направился на кухню.

Он налил в чайник воду и поставил его на керосинку. Заварив чай, он вышел из кухни и посмотрел на радиста, который сидел за столом. Поправив наушники, он посмотрел на Олега Андреевича. Тот посмотрел на часы и кивнул головой. Радист положил руку на ключ и начал передавать радиограмму. Рука радиста уверенно выбивала точки и тире, которые пересекали пространство, линию фронта и принимались радистом Абвера.

– Я закончил, – произнес он и посмотрел на Покровского. – Будем ждать ответ

Покровский кивнул. Он сообщал в центр о понесенных его группой потерях и просил руководство разведки переправить его группу из Москвы в Челябинск. Время тянулось невероятно долго. Стрелки часов словно приклеились к циферблату и отказывались двигаться. Наконец, рация запищала. Радист, схватил со стола шифр блокнот и стал быстро записывать цифры. Станция замолчала, он снял наушники и

протянул Покровскому бланк.

– Это все, – произнес он и начал сворачивать антенну.

Покровский вышел в соседнюю комнату и достал с полки томик стихов Маяковского. Он быстро нашел нужную ему страницу и приступил к расшифровке. Минут через пять он окончил расшифровку и отложил в сторону карандаш.

«Организуите прием груза – 15 мест. Сообщите о готовности складов».

Он мысленно улыбнулся.

«Началось, – подумал он. – Нужно срочно сообщить об этом Соколову. Пусть примет и разместит людей».

Он вернулся в зал и посмотрел на радиста, который укладывал рацию в вещевой мешок.

– Когда у нас связь с группой из Челябинска? – поинтересовался он у него.

– Сегодня....

– Тогда разворачивай рацию. Нужно срочно сообщить им о прибытии группы.

Радист, молча, достал из мешка рацию и снова стал готовить ее к работе. За окном квартиры громко хлопнула дверца машины. Покровский подошел к окошку и отодвинув сторону шторы, посмотрел во двор. Посреди двора стояла выкрашенная в белый цвет автомашина, около которой курил водитель.

– Отставить! – шепотом произнес Олег Андреевич. – Поги, у нас еще есть время....

Он снова посмотрел в окно. Из подъезда соседнего дома, вышли три человека и сели в автомобиль. Как показалось Покровскому, один из них был арестованным. Снова громко хлопнула автомобильная дверца, и машина скрылась в арке.

– Готов? – обратился он к радисту.

Тот кивнул.

– Вот текст, – произнес он и, развернув томик стихов, протянул ему небольшой листочек.

Вновь запищала рация, передавая его приказ о приеме груза. Радист прекратил передачу и достав папиросу, закурил. Прошло минут пять, и рация вновь запищала, каким-то жалким звуком.

– Вот возьмите....

Радист протянул ему бланк с шифровкой и начал собирать рацию.

***

Корнилову разбудил настойчивый звонок. Она не сразу поняла, что это звонит телефон в соседней комнате. Она сунула босые ноги в домашние войлочные шлепанцы и прошла в комнату.

– Я слушаю вас, – произнесла она глуховатым спросонья голосом.

– Здравствуйте, Вера. Вот решил напомнить вам о себе, – произнес мужской голос, в котором она узнала Покровского.

– Что вам от меня нужно? Я выполнила все, о чем вы меня

просили....

– Давайте, без истерик. Во-первых, не просил, а приказал. Усвойте это, я никогда не прошу, я лишь приказываю.

В трубке послышался смех Олега Андреевича.

– Вот что, милая, – произнес Покровский, – тебе снова нужно будет выехать в Челябинск. Будешь сопровождать груз. Время, будет оговорено позже.

Она хотела ответить, но на том конце провода раздались короткие гудки отбоя. Вера положила трубку и обессилено, села в кресло. В этот момент она поняла, что вот так долго ждать, когда позвонит этот человек, становится сложно. Она почему-то снова вспомнила Воронцова, от которого за все это время не было никаких вестей.

«Жив ли он?» – подумала она и, поднявшись с кресла, направилась на кухню.

В комнате снова зазвонил телефон. Корнилова вытерла руки об фартук и сняла трубку.

– «Зорька!» Это Крылов. Жду на старом месте. Время прежнее....

Она хотела сообщить ему о звонке Покровского, но майор уже положил трубку.

«Стоит лишь подумать....», – подумала она, возвращаясь на кухню.

День пролетел незаметно. Стало смеркаться. Город словно улитка втягивался в темноту: на окнах опустились светомаскировочные занавесы, на улицах появились усилен-

ные наряды милиции и военных. Корнилова надела пальто и взглянув на себя в зеркало прихожей, вышла из дома. Несмотря на время года, в воздухе уже витали запахи приближающей весны. Осмотревшись по сторонам, девушка направилась в сторону остановки.

В сквере, где ее ожидал Крылов, было темно и безлюдно. Вера сразу заметила его, он стоял около скамейки и курил.

– Добрый вечер, товарищ майор, – поздоровалась она с ним.

– Добрый вечер, «Зорька». Давно мы с тобой не виделись, давно. Как у тебя настроение?

– Плохо, товарищ майор. Устала я жить в ожидании. Хочется все бросить и просто жить, как все нормальные люди.

Крылов усмехнулся.

– Ты думаешь, я не устал? Устал. Устал и твой Воронцов. Но идет война и нужно сжать зубы и делать свою работу.

– Мне сегодня звонил Покровский. Он предупредил меня о командировке в Челябинск.

– Понятно.... Что я тебе могу сказать, придется ехать. Наша операция переходит в завершающую стадию, и мы должны полностью контролировать ее.

– Я поняла вас, товарищ майор.

– Вот и хорошо, «Зорька». Единственная моя просьба – ничему не удивляйся.

– Что значит, ничему не удивляйся, товарищ майор.

– Сама увидишь. Держи себя в руках.... До свидания...

Крылов развернулся и направился вдоль аллеи. Девушка проводила его взглядом, и когда тот скрылся в темноте сквера, направилась в сторону дома. Она шла, и все думала о том, что ей сказал при встрече майор. О какой неожиданности говорил он, она так и не поняла. Буквально около дома ее остановил патруль.

– Документы, гражданочка, – обратился к ней один из патрульных. – Я, надеюсь, что у вас есть пропуск?

Она достала из сумочки документы и протянула их. Мужчина, поправив на плече винтовку, включил карманный фонарик и стал читать их. Он интересно шевелил своими пухлыми губами, чем вызвал улыбку у девушки.

– Вы, что улыбаетесь? – спросил он Корнилову.

– Это я так, своим мыслям, – слукавила она.

Он вернул ей документы и она, словно выпущенная на волю птица, снова устремилась вперед, где в темноте, черной громадой ее ждал большой и уютный дом.

***

Козырев постучал в дверь. Несмотря на наличие в квартире звонка, он не любил звонить. Эта привычка сохранилась у него с детства, когда вся их многочисленная семья ютилась в небольшой коммунальной квартире. За дверью раздались едва слышимые звуки шагов.

– Кто там? – спросил его женский голос.

– Это я, Козырев. Открой....

На какую – то долю секунды за дверью стало тихо, словно хозяйка прикидывала открывать ей дверь или нет. Звякнула металлическая цепочка и в образовавшуюся щель, он увидел лицо женщины.

– Анатолий? Это вы?

– Нет, призрак, – раздраженно ответил он. – И долго ты меня будешь держать на лестничной площадке?

Она открыла дверь, пропуская его в квартиру.

– Ты, одна? – спросил он ее, проходя в прихожую.

– А с кем я могу еще быть? Что за идиотские вопросы?

Он снял с себя портупею и стал медленно снимать с себя шинель. Взглянув на хозяйку квартиры, он улыбнулся.

– Что у тебя в чемоданчике? – спросила его она. – Покажи мне, что ты принес?

Он взял в руки чемоданчик и прошел в зал. Положив его на стол, он словно волшебник, открыл его и посмотрел на женщину. В глазах ее вспыхнули неподдельные огоньки любопытства. Он стал медленно доставать из него: бутылку коньяка, две банки тушенки, буханку хлеба, банку рыбных консервов, небольшой кулек с конфетами.

– Ну, как? Гуляем? – произнес он.

– Какой ты милый, Анатолий! Конечно, гуляем! – произнесла она и стала быстро сервировать стол, выставляя из буфета тарелки и рюмки.

Козырев подошел к ней сзади и, прижав к себе, полез своей рукой к грудям женщины.

– Анатолий! Что ты делаешь? У тебя такие холодные руки....

– Вот согрей, – произнес он ей в ухо и, развернув женщину, впился своими губами в ее губы.

Женщина, нащупав рукой, край стола, поставила на него тарелку и крепко прижалась к мужчине. Она сладостно застонала, чем вызвала у мужчины неодолимое желание завладеть женщиной прямо на месте. Он приподнял ее и положил спиной на стол.

– Анатолий, не надо, – тихо шептала она, ощущая, как мужская рука пытается сорвать с нее шелковые трусики. – Анатолий....

Она еще хотела что-то сказать, но он закрыл ей рот своей большой ладонью. Она перестала сопротивляться, чувствуя, как начинает уплывать в какое-то сладостное пространство, в котором нет краев и времени.

– Еще, – тихо шептала она. – Еще.....

Он выпустил ее из своих объятий и тяжело дыша, начал натягивать на себя спущенное галифе. Натянув штаны, он сел в кресло и посмотрел на женщину, которая продолжала лежать на столе. Наконец она встала и смущенно улыбаясь, стала приводить себя в порядок.

– Ну, ты и кобель, Анатолий, – томно произнесла она.

Она подошла к нему и села на колени. Вынув из его рта папиросу, она сделала глубокую затяжку.

– Жить нужно, Лариса, несмотря на войну. Сколько она

продлиться, один Бог знает.

Она промолчала. Встав с колен, она, виляя бедрами, вышла на кухню. Он подошел к столу и, открыв бутылку с коньяком, налил себе в рюмку. Достав из кармана галифе нож, он вскрыл банку с тушенкой и нарезал хлеб крупными ломтями.

– Лариса! Что ты там возишься? Иди за стол, – позвал он женщину.

Она вышла из кухни и, улыбаясь, села за стол. Он взял в руки бутылку с коньяком и разлил его по рюмкам.

– За встречу! – произнес он.

Они выпили и стали закусывать. Лариса, женщина тридцати пяти лет, с большими серыми глазами на симпатичном лице посмотрела на Козырева. Она приехала в Москву за два дня до начала войны и остановилась у бабушки. В конце декабря 1941 года бабушка умерла, и она осталась в этой большой квартире абсолютно одна. Она уже давно не жила со своим мужем и где находился в этот момент, ее просто не интересовало.

Лариса не имела никакой профессии, которая могла бы ее кормить в столь суровое время. Незадолго до смерти бабушки ее отправили на земляные оборонные работы. Месяц, проведенный на этой работе, полностью деформировал ее понятия о прелестях жизни. В какой-то момент она поняла, что может просто погибнуть на этих работах и плюнув на все моральные принципы, стала искать человека, который бы

мог ей помочь уйти от трудовой мобилизации. Этим человеком для нее оказался Анатолий Кириллович Козырев.

***

Козырев открыл глаза и не сразу понял, где он находится. Ему снова снился сон, в котором он сидит перед немецким полковником и быстро подписывает документы о сотрудничестве с Абвером.

«Чего только не приснится» – подумал он, вставая с кровати.

Лариса хлопотала на кухне, готовя ему завтрак. Он прошел в туалет, где побрился.

– Анатолий! Завтрак готов.... , – услышал он голос Ларисы.

Он вышел из туалета и направился в зал. На столе приятно шипела жареная карточка со шкварками.

– Лариса! Я тебя попрошу оказать мне маленькую услугу. Нужно будет отнести записку одному моему хорошему товарищу.

На лице женщины появилась недовольная ухмылка.

– А, ты сам, что не можешь это сделать? – спросила она его.

– Ненужно вставать в позу, Лариса. Конечно, я могу сделать и сам это, но тогда, зачем мне ты? Я одним росчерком пера могу тебя отправить обратно на земляные работы, если они тебе так нравятся, – ответил Козырев и, отложив в сто-

рону вилку, встал из-за стола.

Это было так неожиданно для Ларисы, что она растерялась.

– Анатолий! Ты, что шуток не понимаешь? – примирительно произнесла она. – Конечно, отнесу, ты только напиши мне адрес....

Он надел гимнастерку и посмотрел на Ларису, которая по-прежнему сидела за столом и разливала чай по чашкам.

– Ты, что так смотришь на меня, Алексей? – спросила она его.

Он промолчал и, развернувшись, направился в прихожую.

– Толя! А, записку?

– Все на столе. Прежде чем пойти, позвони, я написал номер телефона. Спроси, куда ее отнести.

– Зачем такая секретность? Ты словно в шпионов играешь....

Лучше бы она промолчала. Лицо Козырева исказила гримаса злости. Он вернулся в комнату и схватил женщину за горло. Он сжимал ее горло до тех пор, пока оно не начало синеть. словно испугавшись этой вспышки злости, он освободил свою хватку. Прошло около минуты, прежде, чем она пришла в чувства.

– Больше так не шути.... А, лучше совсем не шути...

Лариса испугано смотрела на него, боясь произнести хоть слово.

– Ты меня, поняла?

Она, молча, кивнула.

– Отнесешь, позвони мне....

– Хорошо, – с трудом выдавила она из себя.

Он надел шинель, портупею и открыв замок, посмотрел на нее.

– И еще. Если я еще узнаю, что ты путаешься с этим Игорем, я удавлю тебя. Ты поняла?

Не дождавшись ответа, он вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Лариса осталась одна. Отодвинув в сторону чашку с чаем, она подошла к окну. Отодвинув в сторону шторы, она увидела Козырева, которого ждала машина.

«Как он узнал об Игоре? – подумала она. – Я с ним познакомилась две недели назад и дважды была у него дома. Это другой район Москвы и там меня никто не знал. Неужели он выследил меня?»

От этой мысли ей стало как-то не по себе. Игорь был на пять лет моложе ее, из-за плохого зрения его не призвали в армию. Он был неплохим музыкантом и с его слов, вечерами подрабатывал в одном из ресторанов города. Она задернула штору и посмотрела на край стола, на котором лежала небольшая записка. Она взяла ее в руки, не решаясь прочитать содержимое. Однако, любопытство быстро победило в ней понятие приличия. Она развернула записку:

«Документы готовы.... Жду курьера».

Внизу был указан номер телефона. Лариса подошла к телефону и быстро набрала указанный номер. В трубке раз-

дались длинные гудки ожидания. Наконец в трубке что-то щелкнуло, и она услышала мужской голос:

– Алло, я слушаю вас.....

– У меня записка для вас, – произнесла она.

– Я буду ждать вас в 14-00 у входа в парк имени Горького.

В руках у меня будет газета «Правда».

Лариса хотела спросить, как будет он одет, но мужчина положил трубку.

***

Покровский, молча, смотрел в окно.

«Если сегодня машина не подъедет, значит, водитель арестован, – размышлял он. – Если его взяли чекисты, то, почему он не заметил наружного наблюдения за домом?»

Он посмотрел на часы. Они показывали, что прошло уже пятнадцать минут от назначенного им времени.

«Нужно меня адрес», – решил он, отходя от окна.

Он посмотрел на подчиненного, который сидел за столом, держа в руках автомат.

– Пошли, – произнес Олег Андреевич, – ждать больше нельзя».

Они вышли из дома на улицу.

– Пойдешь за мной на расстоянии пятнадцати метров. Ко мне не жмись....

Диверсант, молча, кивнул и поправил ремень автомата. Покровский неторопливым шагом направился в сторо-

ну трамвайной остановки. Он несколько раз останавливался около витрин магазинов, стараясь определить, следует за ним сотрудники наружного наблюдения или нет. Убедившись в отсутствии наружного наблюдения, он ускорил шаг. Трамвай подошел быстро. Краем глаза он видел, как вошел в переднюю дверь его подчиненный и расталкивая пассажиров, пробирался ближе к Покровскому. Он глазами остановил его и, развернувшись, стал продвигаться к выходу из трамвая.

Олег Андреевич вышел из вагона и, достав из полевой сумки газету «Правда», направился к входу в парк имени Горького. К нему подошла миловидная женщина и молча, протянула ему записку, которую достала из сумочки.

– Это все? – спросил он Ларису. – На словах ничего не просил передать?

– Только записку, – произнесла она и, развернувшись, хотела направиться в обратную сторону.

– Погодите, – остановил он ее.

Он достал из полевой сумки листочек бумаги и быстро написал на нем карандашом текст.

– Передайте ее ему, – тихо произнес Олег Андреевич. – Пусть не звонит, я съехал с квартиры.

– Хорошо. Все передам....

Она развернулась и направилась к остановке. Покровский рукой указал бойцу на нее. Тот бросил недокурную папиросу в урну и направился вслед за женщиной. Проводив ее

до трамвая, он вернулся обратно.

– Как? – коротко спросил его Олег Андреевич.

– Чисто. Ничего не заметил, – ответил диверсант.

Они развернулись и, пройдя парк, направились к ближайшей остановке трамвая.

– Куда, сейчас? – спросил Покровского его товарищ.

Он не ответил. Он вышел на дорогу и, заметив приближающийся к ним по дороге автомобиль, поднял руку.

– Слушай, друг! – обратился к нему Олег Андреевич. – Подбрось, до «Марьяной рощи».

Водитель, одетый в старую замасленную телогрейку, улыбнулся.

– Не могу, товарищ майор. Спешу....

– Я заплачу, не обижу, – произнес Покровский.

Водитель снова оценивающим взглядом посмотрел на него, словно, прикидывая, стоит или нет соглашаться.

– Я не обману....

– Хорошо, – ответил водитель – Деньги вперед....

Покровский сунул руку в карман галифе и достал деньги. Отсчитав несколько купюр, он протянул их водителю.

– Устроит?

Шофер кивнул. Покровский сел в кабину и посмотрел на подчиненного, который забирался в кузов.

– Не заморозим? – спросил он водителя.

– Не замерзнет, не в такой мороз возил людей в кузове.

Машина тронулась и помчалась по улице, поднимая за со-

бой снежную пыль.

***

За бортом самолета рвались снаряды. Трассы трассирующих пуль, словно разноцветные елочные гирлянды, тянулись от земли к самолету. Наконец самолет попал в яркие щупальца прожекторов и жизнь его, сейчас, зависела от искусства и мастерства зенитчиков. Самолет завалился на крыло и стремительно понесся к земле, стараясь вырваться из светового электрического плена.

Сидевшие в салоне парашютисты, хватаясь за металлические поручни, со страхом смотрели друг на друга, стараясь отгадать, какой еще маневр будет совершать пилот самолета. Николай Груздев, командир группы диверсантов отчетливо видел, как волна страха, парализовала его людей. Кто-то из них лежал на металлическом полу, стараясь подняться на ноги, другие с посиневшими губами давили в себе рвотные порывы. Опыт летчика позволил ему вырваться из цепких щупальцев прожекторов. Самолет снова устремился в сторону Ярославля.

– Ну, как? – спросил его подошедший к Груздеву стрелок-радист.

– Что, сам не видишь? – ответил Николай.

– Через тридцать минут выброска, – произнес немец и скрылся в кабине пилота.

Груздев посмотрел на своих товарищей. Кто-то воспри-

нял эту весть с улыбкой на лице, в глазах других затаился страх неизвестности.

– Все слышали? Приготовиться к десантированию, – громко произнес он.

Он закрыл глаза, стараясь вспомнить инструктаж полковника Штельмана.

«И так, после приземления, группа должна выйти к пересечению железной дороги и шоссе, которое находится не далеко от станции Красного октября. Там я должен встретиться с неким Соколовым, который отведет их в дом Никитина», – размышлял он.

Кто такой этот Никитин, он не знал. От размышлений его отвлекла дверь в кабину пилотов. Из нее вышел стрелок-радист и резким движением руки открыл пассажирскую дверь «Юнкерса». Холодный сильный ветер ворвался внутрь самолета, от которого перехватило дыхание. Немец посмотрел на Груздева и улыбнулся.

– Пора, – произнес он и рукой указал в темноту, которая словно черный бархат окутывало самолет.

Все встали и, зацепив карабины за трос, засеменяли к двери. Груздев прыгал последним. Взглянув на немца, он шагнул в темноту. Его тело, несмотря на теплую одежду, моментально сковал холод.

– Господи, спаси и сохрани, – прошептал он и словно Бог услышал его слова.

Его тело взлетело вверх, а пальцы автоматически уцепи-

лись в стропы. Где-то вдали в ночи стих шум двигателей самолета. Внизу, в свете луны, белело снежное поле. Сгруппировавшись, он повалился набок и с головой исчез в снегу. Груздев с трудом выбрался из снега и достав из-за пазухи фонарик трижды просигналил. Где-то далеко, ему ответил кто-то на его сигнал. Он скомкал парашют и набросал его снегом. Поправив на груди автомат, он двинулся в сторону сигнала. Сделав несколько шагов, Николай понял, что перейти поле по столь глубокому снегу будет не просто. Ноги Груздева увязали в снегу, в голенище валенок набился снег. В отдельных местах снег достигал до пояса, и со стороны казалось, что он не шел, а плыл по этому белому и холодному океану. Взмокший до нитки, он, наконец, выбрался на твердую, укатанную машинами дорогу. Он снова несколько раз мигнул фонариком. В метрах двадцати от него из ельника выбрался еще один парашютист. В течение сорока минут к месту сбора подошло тринадцать диверсантов. Судьба двух, Груздеву была не ясна. В связи с тем, что нужно было срочно покинуть район выброски, он решил больше не ждать. Построившись, они двинулись в сторону станции Красного октября.

Рассвет их застал на переезде. Груздев заметил полуторку, которая стояла на обочине дороги. Поправив автомат, он направился к машине. Водитель, мужчина лет тридцати пяти, подняв капот машины, что-то ремонтировал.

– Что случилось? Помощь нужна? – произнес он, первую

половину пароля.

– Спасибо. Как-нибудь сам, – ответил водитель и улыбнулся Груздеву. – Никитин, моя фамилия.

Через две минуты, они уже мчались в сторону Ярославля.

***

Капитан Степанов неторопливо шел в сторону КПП, когда его окликнул майор Тихонов:

– Александр! погоди!

Он остановился и посмотрел на майора, который направлялся к нему.

– Здравствуй, – поздоровался он с ним. – Сразу к делу. Нужно в понедельник отправить весь груз в Челябинск. Сопроводительные документы получишь в воскресенье. Подготовь машину и своих людей. Понял?

– Кто будет сопровождать груз? – спросил капитан. – Я пока не могу. Мне нужен приказ....

Майор усмехнулся.

– Документы будут, не переживай. Готовься к отъезду....

– Будет день, будет и пища, – ответил Степанов. – Я повезу один?

– С тобой поедет твоя старая знакомая. Ты ее хорошо знаешь, это Вера, племянница генерала Стеблева.

Судя по лицу капитана, эта новость то ли обрадовала его, то ли наоборот, огорчила.

– Что-то я тебя не понял, капитан? Чем она тебе не пара?

– Она женщина, а война – не женское дело. Я не уверен, что она может мне чем-то помочь?

Майор снова усмехнулся. Ему явно не понравилось то, что стоявший перед ним капитан начитает обсуждать его приказы.

– Я в отличие от тебя, верю ей. Я ее знаю сравнительно давно, и она верна нашему делу.

– Бог с вами, майор. Раз вы так считаете, то пусть это будет так.

– Ты знаешь, капитан, это она порекомендовала тебя мне. Вот она почему-то не сомневалась в тебе, а ты....

Он не договорил.

– Короче, все необходимые документы ты получишь накануне отъезда, – произнес он и развернувшись, направился в обратную сторону.

Капитан проводил его взглядом и, развернувшись, направился в казарму.

«Это очень опасная операция и я не могу рисковать Верой, – подумал он. – Нужно что-то делать.... Сообщу об этом Крылову. Пусть он решает эту проблему».

Он вошел в кабинет и набрал номер Крылова. Длинные телефонные гудки свидетельствовали о том, что майора в кабинете нет. Он положил трубку, подошел к окошку. Где-то совсем рядом слышались гудки паровозов. Они словно здоровались и прощались, направляясь в разные концы страны.

Вечером ему позвонил Крылов и назначил место встречи.

Степанов ждал майора уже с полчаса. Он ходил по аллее, постукивая сапогом об сапог. У него ужасно замерзли ноги, а Крылова все не было. Наконец, он увидел его. Тот чуть не бегом направлялся в его сторону.

– Здравствуй! – поздоровался он с ним. – Извини. . . .

Капитан, молча, протянул ему руку.

– Я все понимаю, товарищ майор. Вот только замерз я очень. . . .

– Пошли за мной, я на машине, – предложил ему майор, и они направились к выходу из парка.

– Товарищ майор! Сегодня ко мне приходил Покровский. Он готов отправить меня в Челябинск. Говорит, что документы об моей командировки готовы, и что со мной поедет Корнилова Вера. Ее роль мне не понятна и не ясна. Вы сами хорошо знаете мое отношение к этой девушке. Я бы не хотел, чтобы она ехала, мало ли что?

Крылов шел, молча, словно не слыша о том, что говорил ему капитан.

– Товарищ майор! Вы, что не слышали о чем я вам только что сказал?

Крылов остановился и пристально посмотрел на Степанова.

– Идет война, капитан. Она боец контрразведки, ты это понял? У меня нет в отделе женщин, есть только бойцы. Усвой это раз и навсегда! – жестко произнес он. – Оставь все свои личные дела до окончания войны. Понял?

– Так точно, товарищ майор, – еле слышно ответил капитан.

– Я не могу менять план по ликвидации группы Покровского.

Водитель вышел из машины, а они сели в «Эмку» и продолжили разговор.

***

Соколов вошел в дом и, сняв с головы шапку, проследовал в зал. Там вповалку на полу спали диверсанты. Это была вторая группа, прибывшая в Челябинск вчера утром. Сергей сел за стол и посмотрел на командира группы.

– Потери есть? – спросил его Соколов.

– Есть. Недосчитались троих. То ли погибли при приземлении, то ли решили сдаться...

– Понятно. Саперы в группе есть?

– Четверо, – односложно ответил мужчина и, достав из кармана кисет, начал крутить сигарку.

– Когда начнем? – спросил он Соколова.

– Когда скажут, тогда и начнем. Нужно ждать груз из Москвы....

Мужчина прикурил от спички и, выпустив из себя струю голубоватого дыма, посмотрел на Соколова.

– И долго нам здесь чалиться?

Сергей улыбнулся. Он сразу же догадался, что сидевший перед ним мужчина был ранее судимым.

– Чего улыбаешься? Думаешь, бравирую? Нет, паря, у меня свои счета с этой властью. Вот сижу, говорю с тобой, а ладони чешутся, хочется крови.

– Успеешь, напьешься еще крови. . . . А, теперь, слушай меня внимательно, «Мамонт». Сегодня из Москвы прибывает груз и люди. Тебе и твоим людям нужно меня подстраховать. Думаю, что троих с тобой будет вполне достаточно.

– Что это за люди? Ты их знаешь?

– Из них я знаю лишь одного человека, остальных я не видел. Я подъеду к тебе в семь вечера, будьте готовы.

– Я все понял. Буду ждать, – ответил «Мамонт» и раздавил недокуренную сигарку о дно консервной банки.

Соколов поднялся и, надев шапку, вышел из дома. Он, не останавливаясь, направился к полуторке, которая стояла за углом дома. Машина, тихо урча прогретым мотором, тронулась с места и медленно покатила в сторону города.

– Как они там? – поинтересовался у него Никитин.

– У них все хорошо, – ответил Соколов. – Люди готовы к выполнению поставленных перед ними задач.

Машина остановилась около КПП перед въездом в город. Соколов сунул руку за отворот полушубка и достал документы.

– Документы, – обратился к нему младший лейтенант, одетый в шинель и перетянутый новой светло-коричневой португеей. – Куда следуем?

– В город. В документах все указано, – ответил Сергей.

Младший лейтенант развернул бумаги и стал читать. Пауза явно затягивалась и это в какой-то степени, стало раздражать Соколова.

– Ты, что, лейтенант, читать не умеешь? – спросил он.

Младший лейтенант улыбнулся.

– У вас какие-то претензии, товарищ старший лейтенант?

Успокойтесь...

– Давай, без советов, – произнес он со злостью. – Тороплюсь я, пойми меня правильно.

– Я все понимаю, мы все куда-то торопимся...

Он вернул документы Соколову и, козырнув, приказал поднять шлагбаум и пропустить грузовик в город. Машина тронулась и направилась дальше по маршруту. Младший лейтенант вошел в будку и стал быстро набирать телефонный номер.

– Машина прошла..., – произнес он и положил трубку.

***

Корнилова сидела, прижавшись к капитану. Она еще не отошла от шока, когда увидела, что капитаном Степановым является ее любимый Константин Воронцов. За этой встречей наблюдал Покровский, который отметил про себя, как вспыхнуло лицо Веры, когда она увидела капитана. Была ли она рада этой встрече, он знал, но то, что он заметил, внушило ему определенную настороженность.

«Может, не стоило их сводить между собой? – подумал

он. – Вдруг они ненавидят друг друга, а это может заметно усложнить операцию? Впрочем, если что, все легко можно будет уладить, вогнав одному из них пулю в затылок».

Олег Андреевич улыбнулся.

– Я думаю, что вас представлять друг другу не нужно?

– Да. Мы, знакомы. Я хорошо знал ее дядю – генерала Стеблева. Хороший был человек, настоящий патриот России.

– По прибытию в Челябинск, войдете в состав группы Соколова.

– Вы мне об этом уже говорили, – ответил капитан.

– Повторение, мать учения. Обижаться не стоит. Я прибуду через неделю. Хочу лично убедиться в том, что завод ликвидирован.

Степанов промолчал и снова посмотрел на девушку.

– У меня вопрос, хватит ли сил на проведение подобной акции?

– Людей достаточно.....

Покровский повернулся и, не прощаясь, направился к выходу с вокзала. Сегодня утром, люди Степанова сумели погрузить всю взрывчатку. Они ее разместили непосредственно в паровозе, спрятав ящики под углем. Все они тогда знали, что за ними внимательно наблюдает один из диверсантов, спрятавшись на чердаке административного здания, стоявшего напротив депо.

–Ну, Вера, пошли, – тихо произнес Воронцов, подхватив

ее под руку.

В вагоне было холодно. Они нашли место и сели, прижавшись, друг к другу. Где-то в конце вагона надрывно заплакал младенец.

– Да, успокой, ты ребенка! – выкрикнул кто-то из мужчин и грязно выругался.

Вера взглянула на Воронцова и еще крепче прижалась к нему, словно боясь, снова потерять этого дорогого ее сердце человека. Константин сидел и молча, рассматривал каблуки сапог, лежавшего на верхней полке бойца. Сейчас он думал лишь об одном, о той, что сидела рядом с ним, прижавшись к нему.

«Как вывести ее из этой игры, – размышлял он. – Почему, Покровский, приказал ей ехать в Челябинск? Разве не достаточно того, что там уже его человек, который за это время изучил все подступы к заводу? Наверное, помимо завода, у него имеется еще одна цель, о которой хорошо осведомлена Вера. Что это за объект?»

– Скажи мне, что вы тогда делали в Челябинске с этим человеком?

– С Соколовым?

– Да. Какие объекты мы объезжали?

– Зачем тебе это?

– Я хочу понять, какой еще объект подлежит уничтожению, по мнению Покровского?

Корнилова задумалась.

– Соколов интересовался, правда, не у меня, городским водоводом. Да, да, он спрашивал у Николаева, какова мощность этого водовода и снабжает ли он танковый завод.

Воронцов моментально догадался, что задумал Покровский.

«Он хочет подорвать завод и водовод одновременно, тем самым лишить возможность пожарным организовать локализацию и ликвидацию пожара, – подумал он. – Нужно срочно поделиться этой мыслью с майором Крыловым, пусть усилят охрану»

Он посмотрел на Веру, которая похоже, задремала, прижавшись к его плечу. Константин снова посмотрел на стоптанные каблуки бойца.

«Сколько же он проходил в этой обуви? – подумал он. – Наверняка, исколесил не одну дорогу».

Паровоз протяжно загудел, приближаясь к железнодорожной станции. Корнилова открыла глаза.

– Ты посиди здесь, мне нужно выйти на станции....

– Хорошо. Только не опоздай, – ответила она.

Он улыбнулся и направился в сторону тамбура.

***

Полковник Штельман сидел на заднем сиденье «Опель – Адмирала», укрыв колени толстым пледом. Он возвращался из Берлина, где Канарис проводил совещание. Машину часто потряхивала на неровностях дороги. Сначала эти толчки

раздражали полковника, но вскоре он перестал обращать на них свое внимание. В это утро погода выдалась ветреной, и в дороге их часто настигал, то мокрый снег, то холодный морозящий дождь, который быстро покрывал машину ледяной коркой.

Штельман нащупал рукой термос и чтобы немного взбодриться, налил себе в стаканчик крепкого кофе. Кофейный аромат моментально захватил все пространство салона машины. Он любил этот запах, который всегда ему напоминал детство, когда еще были живы его родители. Отхлебнув глоток, он ощутил блаженство, которое захватывало каждую клетку его уже не молодого тела. Он откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза.

– Полковник! – обратился к нему шеф Абвера. – Задержитесь после окончания совещания.

Штельман вскочил на ноги и вытянувшись в струнку, кивнул. Когда все стали расходиться, он направился вслед за Канарисом. Они вошли в небольшой кабинет, в котором полыхал камин и сели в удобные кресла.

– Полковник! Как у нас с группой «Ульм»? Готова она к акции?

– Да, господин адмирал. Нам удалось перебросить взрывчатку из Москвы в Челябинск. Люди все на месте и ждут сигнала.

Канарис посмотрел на него так пристально своими серыми глазами, что полковник моментально ощутил, как по его

спине пробежали мурашки. Он поежился и выжидающе посмотрел на адмирала.

– Буду с вами откровенным, полковник. Я придаю этой операции очень большое значение. Это не секрет, но нам в затылок дышат люди из СД. Успех операции позволит нам получить не только причитающие почести, но и крепко ударить по этим рука. В отрицательном случае, нас ждет плачевный конец.

Канарис снова пристально посмотрел на Штельмана, словно ожидая от него какого-то ответа. В какой-то момент, полковник понял, что молчать больше нельзя.

– Я все понял, господин адмирал. Вы знаете меня давно, я человек чести и в случаи провала поступлю, как велит мне совесть и честь немецкого офицера.

– И еще, полковник. Я хочу, чтобы ваши люди уничтожили линию высокого напряжения, питающую энергией промышленность Уральского региона. Как вы сами считаете, это по силам вашей группе «Ульм»?

– Я поставлю им эту задачу....

– Да, да, полковник, сделайте это. Я надеюсь на вас....

Штельман вытянулся в струнку и вскинул руку для приветствия. На лице Канариса появилась неприязненная улыбка. Он не любил подобного рвения со стороны своих подчиненных и всегда считал себя военным, а не политическим руководителем. Заметив это, полковник немного смутился, но извиняться не стал. Он развернулся и покинул кабинет

адмирала.

Полковник вытянул ноги и повыше поднял плед. Его стало немного знобить.

«Неужели простудился? – подумал он. – Нужно по приезду выпить аспирина, он должен помочь».

Он снова налил в чашку кофе и сделал глоток. Машина наскочила на яму и машину сильно тряхнуло. Кофе выплеснулось из чашки и крупным каплями заскользило на его начищенные до блеска сапоги.

– Ганс! Если ты будешь так невнимательно следить за дорогой, то скоро отправишься на фронт. Ты, понял меня?

Водитель промолчал, так как хорошо знал характер полковника, который не выносил извинений и оправданий.

«Нужно срочно отправить к Покровскому контролера. Пусть он посмотрит, что у него там происходит», – решил он.

Допив кофе, он закрыл глаза и стал дремать.

***

Козырев остановился напротив двери, не решаясь нажать на кнопку дверного звонка. Какое-то тревожное чувство неожиданно закралась внутри его. Он почувствовал легкое головокружение и внезапно возникший комок в его горле, на какое-то мгновение перекрыл его дыхание. Он вытащил пистолет из кобуры и сунул его в карман шинели. Пересилив себя, Анатолий Кириллович нажал на черную кнопку звонка. Он не услышал шагов Ларисы и был несколько удивлен,

когда звякнул замок двери. Он моментально почувствовал запах табака. Рука сжала рукоятку «ТТ». Дверь приоткрылась, и он увидел лицо Ларисы. Она скинула цепочку и он молча вошел в прихожую.

– У нас гости, – тихо произнесла она. – Говорит, что твой сослуживец....

Козырев готов был броситься обратно, но неожиданно он подумал, что если это люди из контрразведки, то наверняка дом уже оцеплен и вырваться из тесных объятий чекистов у него практически нет. Он переложил пистолет из кармана шинели в карман галифе и, сняв шинель, прошел в зал. За столом, на котором стояла бутылка водки, нарезанное сало, хлеб и сыр, сидел мужчина. Его большие кисти рук говорили, что обладатель их имеет большую физическую силу. Лицо незнакомца было напряжено. Козырев сразу заметил пистолет, который незнакомец прикрыл газетой.

– Здравствуй Анатолий Кириллович, – произнес он сдавленным от волнения голосом. – Я заехал, чтобы передать тебе привет от товарища Семенова. Он помнит тебе и просил кланяться.

Козырев облегченно вздохнул и вытащил руку из кармана галифе, в котором был пистолет.

– Спасибо. Я хорошо помню товарища Семенова. Как он там?

На лице незнакомца появилась доброжелательная улыбка.

– Жив он. Вот просил передать вам привет.

Козырев, молча, протянул руку и, взяв в руки бутылку с водкой, налил в пустой стакан. Взглянув на мужчину, он опрокинул его содержимое в рот. Крякнув от выпитой водки, он закусил салом.

– Лариса! Ты вроде бы хотела сходить в гости? – произнес он и пристально посмотрел на стоявшую посреди комнаты женщину.

– Я никуда не собиралась, – ответила она.

– Нет, ты собиралась, – жестко произнес Козырев. – Сходи, пообщайся....

Лариса, сделав на лице гримасу негодования, резко развернулась и направилась в прихожую, где стала с шумом одеваться. Через минуту до мужчин донесся хлопок входной двери.

– Как мне тебя называть? – обратился Козырев к гостю.

– Зови меня просто, Яша.

– Яша, так Яша....

Мужчина достал из пачки папиросу и закурил, продолжая наблюдать за Козыревым.

– Я должен выехать в Челябинск, – произнес Яша. – Мне нужны настоящие и надежные документы.

– А разве вас там не снабдили документами? – спросил его Анатолий Кириллович.

– Ты, русский язык понимаешь, майор? Мне нужна не абверовская туфта, а надежные настоящие документы для выезда в Челябинск. Ты понял меня или нет?

Козырев усмехнулся.

– Раз нужны, значит, сделаем. . . . А русский язык я хорошо знаю и понимаю. . . . Это все, что нужно от меня?

– Кто эта Лариса?

– Подруга, – ответил Козырев. – Не переживай, она не при делах. Я ее использую в «темную».

Гость продолжал по-прежнему наблюдать за Анатолием Кирилловичем. Он явно осторожничал, и это в какой-то степени веселило хозяина.

– Расслабься, Яша, здесь врагов нет. . . .

– Организуй мне встречу с Покровским. Будет лучше, если это произойдет завтра вечером.

– Хорошо, – ответил Козырев и сел за стол.

***

– С прибытием, – произнес Покровский, ответив условным текстом на пароль контролера. – Чем вызвана эта проверка?

Контролер усмехнулся. Его рябое лицо стало каким-то красным и неприятным.

– Мне приказано выехать с вами в Челябинск и осуществить проверку группы «Ульм» к выполнению операции.

– Вон оно что? – со злостью произнес Олег Андреевич. – Выходит не доверяет мне господин полковник. Мягко стеллит, жестко спать. . . .

– Я прибыл сюда не обсуждать приказы полковника, а вы-

полнять то, что мне поручили, – ответил контролер. – Полковник, просто, хочет убедиться в готовности вашей группы. Думаю, что вы поняли меня. Слишком большое значение уделяется этой операции. Когда вы собираетесь выехать в Челябинск? Вам не кажется, что вы слишком долго задерживаетесь в Москве?

– Я выезжаю завтра. Вся группа уже давно в Челябинске....

– Вот и хорошо. Я еду с вами....

– Как хотите, я вам не командир... Связь через майора.

Покровский развернулся и направился к машине. Ему не понравился этот напыщенный человек, считавший себя большим начальником, способным решать судьбы других людей.

«Выходит, не верит тебе полковник, если прислал к тебе контролера, – размышлял он. – Не верит, что ты способен совершить успешно эту операцию. Не исключено, что по приезду в Челябинск, его может сместить этот человек».

Прежде чем забраться в кабину грузовика, Покровский остановился и оглянулся назад. Ни майора, ни контролера, Олег Андреевич, не увидел.

«Интересно, есть ли у него связь с полковником, или нет? – подумал Покровский. – У майора связи не было, он работал через моего радиста. Есть ли у контролера связь? Впрочем, какая разница, есть или нет. Я начал эту операцию, я ее и закончу».

К Козыреву подошел контролер и посмотрел на него, ожидая вопроса.

– Что скажешь, Яша?

– Мутный он какой-то. Если коротко, то он мне не понравился...

– Вот и я так подумал, когда он пришел ко мне. Сразу видно – белая кость. Не любит он нас.

Яша ничего не ответил. Закурив папиросу, он снова посмотрел на Анатолия Кирилловича.

– Сделай проездные на завтра. Я поеду вместе с ним.

– Хорошо. А мне, что делать?

– Проводишь меня и вот тебе адресок, сразу туда. Это адрес моего радиста. Сообщите полковнику, что я выехал в Челябинск. Я жду тебя завтра здесь в 16-00.

Он протянул Козыреву листочек, на котором был написан адрес. Анатолий Кириллович быстро прочитал и вернул ее хозяину. Контролер развернулся и направился вдоль улицы. Судя по тому, как уверенно шел Яша, Анатолий Кириллович, понял, что последний хорошо знает город.

«А ты, похоже, москвич, – подумал Козырев. – Наверняка, что ты жил здесь или часто бывал в Москве».

Он вышел на дорогу и взмахом руки остановил проезжавшую мимо него автомашину. Переговорив с водителем, он забрался в кабину и машина тронулась. Приехав к себе на работу, он начал готовить проездные документы для Покровского и контролера. Подготовив документы, он вошел в кан-

целярию.

– Зоя! Поставьте, пожалуйста, печать на проездные документы, – обратился он к девушке, одетой в армейскую юбку и гимнастерку.

Девушка взяла в руки бланки и сев за стол открыла журнал регистрации.

– Товарищ майор! Кто эти люди? Они по журналу регистрации не значатся.

По лицу Козырева пробежала едва заметная тень тревоги.

– Я знаю, Зоя. Их регистрировать не нужно.

– Но, почему? Мне комендант лично приказал сегодня регистрировать все документы, на которые я ставлю печать комендатуры, – возразила она ему.

– Вам, что не ясен мой приказ? Если бы я это не согласовал с комендантом, то не просил бы вас поставить на них печать!

Девушка, еще раз взглянув на Козырева, молча, поставила печать и протянула их майору Он, молча, вышел из канцелярии и направился к себе в кабинет.

***

Майор Крылов вышел из кабинета Абакумова и, поздоровавшись с сотрудниками, которые ожидая приема, сидели в приемной, направился вдоль коридора в сторону выхода из здания. Выйдя из здания, он сел в автомобиль, который его ожидал у выхода.

– На базу, – произнес он, накидывая на плечи полушубок.

Машина, нехотя тронулась с места и, постреливая двигателем, как винтовка, двинулась в сторону окраины Москвы.

– Можешь ехать быстрее? – произнес майор.

Водитель кивнул и нажал на педаль газа. Машина словно очнувшись от сна, резко помчалась по дороге. На Москву налетел снежный заряд. Снег, который еще полчаса назад медленно кружил над дорогой, превратился в какое-то снежное месиво, смешав в белой пелене знакомые очертания города. Снег был таким густым и крупным, что за пятьдесят метров. Трудно было увидеть не только пешеходов, но и встречные машины. Шофер взглянул на сосредоточенное лицо Крылова и сбросил скорость. Сквозь пелену снега, он увидел бойца, который взмахом руки, попытался остановить их машину. Он резко нажал на тормоз. Машину занесло, и она едва не зацепила своим бортом бойца. От этого резкого торможения, голова майора дернулась, и он испугано уперся рукой в лобовое стекло.

– В чем дело? – зло произнес он. – Не картошку везешь....

К машине подошел боец и, приложив руку к шапке, представился:

– Боец комендантской роты Богомолов. Извините, товарищ майор, но проезд по данной улице перекрыт. Ожидается проезд автомашин американской миссии. Объезд по Васильевскому спуску.

Крылов достал удостоверение и протянул его бойцу.

– Читать можешь? – произнес он.

– Читать умею, но у меня приказ коменданта города....

Они с минуту смотрели друг на друга, словно два бойца на ринге. Наконец, Крылов, отвел свои глаза в сторону.

– Чего стоишь? Поехали в объезд, – произнес он водителю.

Машина развернулась и, объехав сугроб, свернула в узкий переулок. Через сорок минут, машина въехала в раскрытые ворота небольшого дома на окраине города и остановилась напротив крыльца, на котором стоял человек в сером зимнем пальто, наброшенного на плечи.

– Добрый вечер, товарищ майор, – произнес он. – Группы собраны...

Крылов пожал ему руку и прошел мимо него. Мужчина, поправив пальто, направился вслед за ним. Майор вошел в небольшую комнату и снял с себя полушубок. Взглянув на мужчину, он произнес:

– Я только что от Абакумова. Получен приказ о ликвидации группы «Ульм».

Мужчина достал из кармана пачку папирос и положил ее на край стола.

– Не рановато, товарищ майор?

Крылов взглянул на него и усмехнулся.

– Я не привык обсуждать приказы руководства. Абакумов считает, что тянуть с реализацией, не стоит.

В комнате стало тихо. Мужчина вопросительно взглянул

на майора, ожидая команды.

– Приглашай, командиров групп, – приказал Крылов.

Мужчина, молча, кивнул и вышел из комнаты. Через минуту-другую, Крылов начал инструктаж командиров групп захвата.

– И так, товарищи, начало операции назначаю на два часа ночи. Работаем по всем установленным адресам. В случае вооруженного сопротивления..., – Крылов не договорил.

Сидевшим в комнате сотрудникам контрразведки и так было понятно, как поступать с врагом, организовавшим вооруженное сопротивление. Закончив инструктаж, майор поднялся из-за стола и направился к двери. Командиры групп, расходились тихо, не обсуждая полученный приказ. Вскоре через открытые ворота выехала «Эмка» и растворилась в темноте узких улиц.

***

Козырев вошел в квартиру и, сняв с себя шинель, прошел в зал. Он положил портупею с кобурой на тумбочку и направился на кухню, из которой доносился голос Ларисы. Она жарила картошку в большой чугунной сковороде и что-то напевала из популярного кинофильма.

– Ужин готов? – спросил ее Анатолий Кириллович. – Ужасно хочу есть....

Женщина вздрогнула и, вжав голову в плечи, обернулась на голос.

– Что же вы пугаете женщину? Я даже не слышала, как вы пришли.

Козырев усмехнулся. Ему было приятно, что он сумел напугать женщину. В последние три дня, его одолевали какие-то нехорошие предчувствия, но сегодня, когда он лично убедился, что Покровский уехал из Москвы, он успокоился. Присутствие последнего в Москве, заставляло его бороться со своей природной осторожностью. Многие приказы Олега Андреевича раздражали его, и ему часто хотелось все бросить и раствориться в громадных просторах страны. Но, страх перед ним, заставлял его выполнять все его поручения.

«Оказывается, я тоже могу заставить человека вздрогнуть», – подумал он, направляясь в туалет мыть руки.

Эта мысль развеселила его. Рассматривая себя в зеркале, он подмигнул своему отражению.

– Как прошел день, Анатолий? – поинтересовалась Лариса у него.

– Неплохо, – ответил он. – Хочу выпить за этот день...

Женщина засмеялась и стала накладывать ему в тарелку жаренный на сале картофель. Вскоре на столе появилось тонко нарезанное сало, соленые огурчики. Отодвинув в сторону хрустальную рюмку, он поставил перед собой граненый стакан. Налив полстакана водки, он выпил ее залпом и, пододвинув к себе тарелку с картошкой, начал закусывать.

– Толя! Я вот о чем сегодня подумала, – произнесла Лариса. – Ты вот живешь со мной у меня, и я все стараюсь по-

нять, кто ты мне? Квартирант? Муж?

Козырев отодвинул от себя тарелку и посмотрел на женщину. В какой-то миг она уже пожалела о том, что задала ему этот вопрос.

– Кто ты? – произнес он. – Если ты так хочешь это знать, то я скажу. Ты просто шлюха! Тебя устраивает мой ответ? Почему ты себя не спрашивала об этом, когда копала окопы? Кто тебя спас от этого? Я тебя спас, а иначе ты подохла на этих работах, сотни других женщин. Я смотрю, ты быстро забыла, кому обязана своей жизнью. Может, я не прав?

Он посмотрел на нее так, что она снова съежилась. В глазах Анатолия Кирилловича заплясали огоньки злости.

– Ты меня не правильно понял, Анатолий..... Я все это хорошо помню и знаю, что ты сделал для меня. Я тебе очень благодарна за все это. Я просто хотела сказать, что жизнь идет... Тогда ты устроил мне скандал, ты меня просто приревновал к какому-то мальчишке. Вот поэтому я и хотела услышать от тебя, кто я тебе?

Козырев снова налил себе в стакан водки. Взглянув на Ларису, он, молча, выпил.

– Завтра я съеду с квартиры, – произнес он вполне буднично, – думаю, что так будет лучше и для тебя и для меня. Но перед тем, как съехать, я тебе скажу, что ты все это время жила с немецким шпионом. Да, ты не смотри на меня так! Я работаю на немецкую разведку! Все те записки, что ты передавала людям, были донесениями. Хочешь ты или не хо-

чешь, но ты также помогала Германии бороться с Советской властью. Ты знаешь, что за это бывает? Молчишь? Значит, знаешь. В случае провала, тебя просто поставят к стенке....

Он говорил ей все это, при этом не спускал с нее глаз. Он видел, как каждое его слово поражает цель. Лариса уперлась рукой о край стола, стараясь упереться об него, чтобы не упасть.

– А ты, как думала? За такую жрачку, нужно платить. Теперь у тебя есть ко мне вопросы? Что молчишь? Давай, беги в НКВД, рассказывай им, как ты пригрела у себя немецкого шпиона. Чего стоишь?

Она хотела что-то ответить, но похоже, спазм сжал ее горло так, что из него вырвался лишь какой-то рык, мало похожий на человеческий голос.

– А теперь, слушай меня. Завтра я съеду, но это ничего не меняет. Ты по-прежнему будешь выполнять мои отдельные поручения. Не вздумай отключать телефон. Поняла?

Лариса, молча, кивнула.

– Если дернешься, убью.

Он произнес это так убедительно, что она снова закивала ему в ответ. Он взял бутылку и снова налил себе в стакан водки.

– Иди, разбирай постель. Хочу отдохнуть....

Женщина повернулась и направилась в спальню.

***

Козырев проснулся от какого-то внутреннего толчка. Он посмотрел на спящую рядом с ним Ларису и, нащупав рукой пачку папирос, поднялся с кровати. Он закурил и подошел к окну, выходящему во внутренний двор их дома. Отодвинув в сторону штору, он взглянул во двор. Во дворе стояла темная легковая машина. Какая-то невидимая ему сила перехватила его горло. Он громко закашлялся и раздавил папиросу в небольшой чугунной пепельнице, которая стояла на тумбочке. Чувство страха сковало его внутренности. Подобное чувство было ему знакомо. Он моментально вспомнил лицо немецкого автоматчика, который направил ему в грудь ствол своего автомата.

– Толя! Что случилось? – спросила его Лариса.

– Тише...., – произнес он шепотом. – Быстро одевайся. Нужно срочно уходить....

Они стали лихорадочно собираться. Анатолий Кириллович, выдвинул ящик комода и сунул руку под стопку постельного белья. Нащупав гранату, он сунул ее в карман галфе. Накинув на плечи полушубок, он осторожно ступая, подошел к двери. Это был черный ход, который вел на улицу.

Кто-то сильно постучал в дверь квартиры. Стук был таким сильным и настойчивым, что не оставил ему никакого сомнения, кто и зачем стучит. Достав из кармана гранату, он выдернул чеку и швырнул ее в прихожую. Сильный взрыв вынес дверь на лестничную площадку. Сквозь грохот взрыва он слышал крики и стоны раненых сотрудников госбезо-

пасности. Он захлопнул дверь черного хода и стал спускаться по лестнице вниз. Впереди него, двигалась Лариса.

– Открывай! – приказал он ей.

Она толкнула дверь рукой и, оказавшись на улице, сделала несколько шагов. Раздался выстрел и она, схватившись рукой за грудь, медленно повалилась в снег. К ней устремился сотрудник НКВД, Он бежал к ней, держа пистолет в руке. Козырев выстрелил в него из пистолета. Чекист, словно наткнулся на какую-то невидимую ему стену, резко остановился и повалился в сугроб снега.

– Врешь, не возьмешь, – прошептал он и, выскочив на улицу, устремился вдоль окон дома.

– Стой! Стрелять буду! – раздался крик за его спиной.

Раздался выстрел. Пули сбита с его головы шапку. Он не стал ждать второго выстрела. Остановившись, он выстрелил в сторону преследовавшего его человек. Мужчина словно споткнувшись, распластав в разные стороны руки, упал на землю. Он свернул в переулок. Ему навстречу бежал воинский патруль.

«Что делать?», – мелькнуло у него в голове.

– Товарищи! Кто стрелял? – громко закричал он. – Где стреляют?

– Вы кто? – спросил его молоденький безусый младший лейтенант.

– Я заместитель коменданта города, – тяжело дыша, произнес Козырев.

– Документы есть? – спросил его младший лейтенант.

Козырев сунул ему офицерскую книжку.

– Извините, товарищ майор. Мне кажется, что стреляли где-то рядом...

– Вот что, вы давайте бегите за угол дома с этой стороны, а я через двор...

Они разбежались в разные стороны. Козырев хорошо понимал, что если он в кратчайшее время не покинет этот микрорайон, то шансов на спасение у него не останется. Заметив грузовик, который вывернул из-за угла, он буквально бросился ему под колеса.

– Быстро в комендатуру! – выкрикнул он, открыв дверцу остановившегося грузовика.

– Товарищ майор! Но мне в другую сторону, – произнес водитель. – У меня приказ....

Не разговаривая с водителем, он забрался в кабину.

– Ты глухой? – спросил он шофера.

Автомобиль несколько раз дернулся на месте и, подняв облако снежной пыли, помчался в сторону центра города. На дорогу выскочил милицейский патруль. Один из сотрудников милиции поднял вверх руку, приказывая водителю остановить машину.

– Гони! – прохрипел Козырев, упираясь пистолетом в бок, напуганного шофера.

Грузовик, чуть не сбив сотрудника милиции, помчалась дальше.

– Сворачивай! – скомандовал Анатолий Кириллович водителю. – Ну!

Водитель свернул в переулок и посмотрел на пассажира, ожидая следующего приказа.

– Тормози!

Машина, сбавив скорость, остановилась около дома. Козырев вышел из машины и бегом бросился в темноту арки. Водитель, словно обрадовавшись, что ему удалось избавиться от опасного пассажира, погнал машину дальше. Анатолий Кириллович, дождавшись когда машина исчезла за поворотом, вышел из арки и пройдя еще метров двести, прошел через проходной двор и, осмотревшись по сторонам, вошел подъезд дома. Поднявшись на третий этаж, он открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру. Это была его конспиративная квартира, о которой никто кроме него не знал. Сняв в прихожей верхнюю одежду, он прошел в комнату, и устало присел в кресло.

***

Покровский сидел у вагонного окошка. Окно было покрыто коркой льда, через которое с трудом пробивался солнечный свет. Напротив него, обняв вещевой мешок, в котором находилась рация, дремал радист. До Челябинска было еще далеко и можно было бы подремать, но Олег Андреевич по-прежнему бодрствовал. Какое-то внутреннее предчувствие беды не давало ему сомкнуть глаза. Он пытался определить,

что его настораживает, но у него ничего не получилось. Вроде все шло по его плану, но что-то было не так. Он отвернулся от окна и посмотрел на седевшую недалеко от него женщину. Она, поймав на себе его взгляд, улыбнулась. Он отвернулся и, закрыв глаза, сделал вид, что погрузился в дремоту.

– Товарищи! Приготовьте для проверки ваши документы, – произнес проходящий мимо него проводник. – В соседнем вагоне, воинский патруль.

«С чего это вдруг проверка?», – подумал Покровский, сжимая в кармане полушубка взведенный пистолет.

Он снял его с предохранителя и посмотрел на радиста, который продолжал дремать. Он коснулся его ноги и тот, неожиданно вздрогнув, словно его ударило разрядом тока, испугано посмотрел на Олега Андреевича.

– Хватит спать, – прошипел Покровский. – На том свете отоспишься....

Радист кивнул в ответ и положил на колени автомат. Поезд протяжно загудел. Этот сигнал словно разбудил спящий до этого вагон. Пассажиры поднялись с места и стали готовиться к выходу.

– Что за станция? – поинтересовался у соседа Покровский.

Мужчина что-то ответил ему, но Олег Андреевич, так и не понял его ответа. Он вопросительно посмотрел на мужчину, но тот схватил свой мешок, перетянутый веревкой, направился к выходу из вагона.

– Вы мне не поможете? – обратилась женщина к радисту. –
Донесите мой чемодан до здания станции.

Радист посмотрел на Покровского, словно ожидая от него команды. Олег Андреевич. Молча, кивнул. Тот отложил в сторону автомат и, подняв тяжелый коричневый чемодан направился вслед за женщиной. Паровоз снова протяжно зашвистел, словно прощаясь с вышедшими из вагонов пассажирами, и дернулся с места. Покровский обеспокоенно посмотрел на вещевой мешок радиста, который сиротливо лежал на полке напротив него.

«Почему он не вернулся? – подумал Олег Андреевич. – Неужели сбежал?»

Он поднялся с места и направился в тамбур. Заметив проводника, он обратился к нему.

– Скажите, что произошло на станции? У меня пропал боец....

Проводник посмотрел на майора НКВД и тяжело вздохнув, ответил:

– Я не знаю, что конкретно там произошло на перроне, но сотрудники милиции задержали женщину. Говорят, что она воровка и находилась во всесоюзном розыске. Я слышал, как сотрудник милиции объяснял кому-то, что у них целая шайка, что они отбирали вещи у пассажиров, а их убивали.

Покровский повернулся и направился на свое место.

«Какая глупость, так залететь с какой-то бабой, – подумал он. – Сможет ли он молчать или затрещит, как сорока?»

Он сел на свое место, пододвинув к себе мешок с рацией и автомат. В вагоне кто-то громко выкрикнул:

– Мужики! Шмон!

Кто-то из пассажиров рванул в другой конец вагона, кто-то стал искать и готовить к проверке документы.

– Ваши документы, товарищ майор, – обратился к нему капитан – артиллерист.

Покровский усмехнулся и, достав из кармана документы, протянул их капитану.

– Это, с каких это пор военный патруль начинает проверять документы у сотрудников НКВД?

Капитан не ответил. Он тщательно читал документы Олега Андреевича.

«Если что, начну стрелять прямо здесь, – подумал Покровский, сжимая в кармане рукоятку пистолета. – Чего тянешь?»

Капитан словно прочитав мысли майора, молча, вернул ему документы.

– У меня пропал боец сопровождения, – обратился к нему Покровский. – Вышел на станции и пропал. Говорят, что его задержали сотрудники милиции.

– Я думаю, что там разберутся с вашим бойцом, – ответил капитан и козырнув Олегу Андреевичу, направился дальше.

***

Майор Крылов нервно мерил шагами свой небольшой ка-

бинет. Похоже, сегодня был не его день. Закурив папиросу, он сел за стол, на котором лежал рапорт младшего лейтенанта НКВД, который руководил группой захвата майора Козырева. Он еще раз прочитал рапорт и в сердцах стукнул кулаком по столу. Он снова встал из-за стола и начал шагать по кабинету.

«Один, два, три,...., – мысленно отсчитывал он шаги, словно не зная того, что дина кабинета шесть метров, а ширина четыре. – Как же так получилось, что Козыреву удалось уйти из оцепленного оперативниками дома? Кто его предупредил об аресте?»

Крылов остановился и посмотрел на портрет Сталина, который как ему показалось, с ехидной усмешкой наблюдал за ним.

«Ладно, с ним прокололись ребята, но как они дали отравиться контролеру? Почему никто из них не догадался, что в воротнике рубашки защита ампула с цианистым калием? Как все это я утром буду объяснять начальнику Управления? Его явно не устроят мои отговорки о том, что группы, сформированные мной, оказались такими не опытными».

Он посмотрел на часы. Шел шестой час ночи. Он поднял трубку и когда ему ответил дежурный по отделу, попросил того пригласить к нему лейтенанта Марченко. Он отхлебнул из стакана давно остывший чай и посмотрел на дверь. В кабинет вошел Марченко и по-военному вытянулся в струнку.

– Не на параде, – произнес Крылов. – Когда ты отвыкнешь

от этой солдатской привычки. Проходи, присаживайся....

Марченко сел за стол и посмотрел на майора.

– Что с женщиной?

– Ее прооперировали, врач сказал, что будет жить.

– Ее нужно срочно допросить, – произнес Крылов. – По-езжай в больницу....

– Я думаю, что она еще не пришла в себя, – попытался возразить майору, капитан.

– Ты меньше думай, больше соображай. За нас есть, кому думать, – ответил Крылов и кивнул в сторону портрета вождя. – Ты должен ее допросить, даже если она не в состоянии говорить. Нам нужен адрес, где может скрываться Козырев. Ты понял, меня?

Лейтенант хотел что-то сказать, но взглянув на лицо Крылова, промолчал. Он поднялся с места и молча, направился к двери. Майор снова посмотрел на часы. До его доклада комиссару оставалось чуть больше двух часов.

Через полчаса Марченко сидел около кровати Ларисы. Несмотря на бледность, она была в сознании и сейчас, рассматривая перед собой молодого человека, хорошо понимала с какой целью, он вошел в палату.

– Я не буду вам ничего обещать, я хочу вам посоветовать лишь одно, чтобы вы хорошо подумали, прежде, чем отказываться от ответов. В одном случае это приведет вас к двадцати пяти годам лагерей, как немецкую шпионку, а второй вариант, это значительно снизить срок наказания. Вы сами

понимаете, что такое лагеря, и я не хочу вам объяснять, что это такое.

Женщина, молча, кивнула, давая понять, что она все поняла.

– Меня интересует адрес, в котором может скрываться ваш сожитель Козырев?

– Я не знаю никакого адреса, – еле слышно произнесла она. – У него много знакомых, друзей....

– Мы уже проверяем всех его друзей.

– Тогда зачем вы меня спрашиваете, если вам известны все его друзья?

Марченко взглянул на нее и снова задал ей все тот же вопрос.

– Меня не интересуют адреса его друзей. Меня интересует тот адрес, где он мог укрыться не только от органов НКВД, но и от своих друзей. Я вас очень прошу, подумайте хорошенько.

Лицо женщины напряглось. Похоже, она старалась что-то вспомнить.

– Я не знаю, стоит ли об этом говорить, но однажды рассматривая его записи, когда Анатолия Кирилловича не было дома, на одном из листочков, я прочла запись, и мне тогда показалось, что это чей-то адрес. Я решила, что это адрес его новой женщины. Когда он вернулся домой с работы, я поинтересовалась у него, чей это адрес. Он тогда накричал на меня и даже хотел ударить.

– Что это был за адрес, Лариса?

Она назвала адрес. Марченко поднялся со стула и вышел из палаты. Остановившись напротив ординаторской, он, молча, прошел в кабинет главной медсестры и, наметив на ее столе телефон, быстро набрал номер.

– Товарищ майор, Марченко. Есть адрес, – произнес он. – Нужно срочно проверить.

– Бери группу и быстро в адрес....

Лейтенант вышел из больницы. Через двадцать минут он уже был около названного Ларисой дома.

***

Сергей Соколов отложил в сторону топор и посмотрел на капитана Степанова, который стоял в проеме двери.

– Что нужно? – спросил он Степанова.

– Сегодня приезжает Покровский. Просил, чтобы его встретил ты.

– Почему я, а не ты с Верой? Ведь ты его знаешь не хуже меня.

– Спросишь у него. Он мне об этом не сообщал.... Я вообще тебя перестал понимать, Соколов? Что с тобой происходит? А, может, ты решил сдать нас НКВД?

– Что я решил, мое дело. Ты не поп и я не на исповеди.

Степанов усмехнулся.

– Чего зубы скалишь? Это ты у нас идейный борец с властью, а я другой человек. Я здесь, из-за сложившихся обсто-

ятельств.

Он замолчал. Соколов невзлюбил капитана с той минуты, как только увидел его на вокзале. Он не верил Степанову. В чем заключалось это недоверие, Сергей объяснить не мог. Он хорошо помнил тот миг, когда Корнилова выходила из вагона и мило улыбаясь, протянула ему свою руку.

«Буржуи недорезанные, – подумал Соколов, наблюдая за ними. – Я бы с удовольствием посмотрел, как бы ты повел себя на фронте. Наверняка, сразу бы поднял руки вверх».

Соколов хорошо помнил, как Вера «отшила» его, давая ему понять, что он ей явно не пара. И только, личное отношение к ней Покровского, сдержало его в тот вечер, а иначе бы, он....

Тяжело вздохнув, Соколов прошел в комнату.

– Скажи, когда ты последний раз проверялся «закладки»? – поинтересовался у него Степанов.

– Ты кто такой? – с нескрываемой злостью спросил он капитана. – Я не обязан отчитываться перед тобой.

– Дурак ты, Соколов! Одно дело делаем....

– Я тебе уже ответил, мы разные....

В комнате повисла пауза.

– Если ты сам не хочешь проверить «закладки», то я могу это сделать за тебя. Мне это не сложно. Пойми меня, Соколов, это очень важная акция.

– Для кого?

– Для нас всех и для тебя тоже.

Степанов по-прежнему не спускал с него своих глаз. Все дело в том, что закладывал взрывчатку лично Соколов и кроме его никто не знал эти места.

– Я жду...

– Я уже ответил тебе, что я тебе не подотчетен. Если Покровский спросит об этом, тогда я ему доложу.

– Хорошо.

Степанов сделал вид, что собирается выйти из комнаты. Это был отвлекающий момент для Соколова. Когда тот поднял руки, надевая на себя нательную рубаху, капитан из всех сил ударил его в лицо. Тот сделал несколько неуверенных шагов назад и повалился на пол. Он навалился на противника всем своим телом и прижал его к полу, стараясь завести ему руку назад.

– Сука! – прохрипел Соколов, стараясь сбросить с себя противника.

Однако, все его попытки были полностью пресечены капитаном. Он сделал еще несколько попыток, а затем прекратил сопротивление. Степанов сковал его руки наручниками и, подняв его с пола, усадил на табурет.

– Мне нужен план минирования, – произнес, тяжело дыша, Степанов. – Ты слышишь меня, Соколов.

– Пошел, ты....

Он грубо выругался и с вызовом посмотрел на капитана.

– Ты, наверное, понял, кто я? Я капитан государственной безопасности Константин Воронцов.

Соколов сплюнул на пол и отвернулся, стараясь показать всем своим видом, что ему абсолютно безразлично кто перед ним стоит.

– Ничего, Соколов, заговоришь.... Теперь у тебя есть лишь один способ спасти себе жизнь, это все рассказать, а иначе...

Капитан не договорил. Без слов было ясно, что ожидало Соколова в отрицательном случае.

***

Козырев проснулся от какого-то внутреннего толчка. Рука его автоматически потянулась к лежавшему на тумбочке пистолету. Внутри его стало холодно и его стало немного потряхивать. Откинув в сторону одеяло, он на цыпочках подошел к окну. Отодвинув в сторону занавеску, он посмотрел на пустынный двор дома.

«Где дети? Почему их нет во дворе?», – размышлял он, продолжая рассматривать пустующий долг.

Он посмотрел на часы. В голове, словно маленький серенький кукушонок, стучал в голову, предупреждая Анатолия Кирилловича об опасности. Он передернул затвор пистолета и посмотрел на входную дверь. За ней явно слышался какой-то подозрительный шорох. Он снова посмотрел в окно, двор по-прежнему был пуст.

«Надо уходить, – решил он и стал быстро одеваться.

Входная дверь с грохотом распахнулась и три человека,

одетых в гражданскую одежду, буквально влетели в прихожую. Козырев поднял пистолет. В комнате глухо хлопнул выстрел. Это выстрелил один из чекистов. Анатолий Кириллович втянул голову в плечи, физически ощущая, как на его голову посыпались мелкие кусочки штукатурки.

– Руки вверх! – выкрикнул мужчина, который только что стрелял в него.

Козырев бросил пистолет на пол и поднял руки.

– Его в Управление, – приказал один из них, одетый в серое зимнее пальто. – Горшков! Останешься здесь.

– Понял, товарищ лейтенант....

На руках Козырева щелкнули замки наручников. Его вывели из квартиры и, подталкивая стволами пистолетов в спину, повели к машине. Это был его конец и это он сейчас ощущал как никогда. Он посмотрел на зимнее небо, обвел взглядом дом. Все это он видел последний раз.

– Давай, шагай, – произнес кто-то у него за спиной и с силой толкнул его стволом пистолета между лопаток.

В воротнике его гимнастерки была зашита ампула с цианистым калием, которая гарантировала ему моментальную смерть, но, он так и не решился раздавить ее своими зубами.

«Нет, только не смерть, пусть хоть месяц, но еще немного проживу. Как-то глупо лишать себя жизни, когда вокруг тебя так много людей, которые сделают это добровольно и с большим удовольствием», – размышлял он, направляясь к «черному воронку», который въехал во двор дома.

Путь от места задержания до Управления НКВД занял всего несколько минут. Его вывели из фургона и провели в здание через запасной вход.

– Куда его, товарищ лейтенант, – обратился к Марченко, один из оперативников.

– Пока в камеру! – скомандовал лейтенант. – Проверьте всю его одежду, каждый шов.

– Все ясно, – ответил оперативник. – Давай, шагай. . . .

Козырева вели по какому-то длинному узкому коридору, стены которого были выкрашены темно-зеленой краской, вдоль дверей, за которыми ждали своей участи десятки арестованных людей.

– Стоять! – скомандовал конвоир. – Лицом к стене!

Он, беспрекословно выполнил команду. Дверь противно лязгнула металлом.

– Пошел!

Он вошел в камеру. Конвоир ощупал его одежду, ножом отрезал уголки ворота гимнастерки и с сознанием выполненного долга, вышел из камеры.

***

Покровский вышел из вагона и стал искать глазами Соколова, который должен был встретить его и доложить о готовности группы к диверсии. Он медленно переводил свой взгляд с одного человека на другого, но своего подчиненного почему-то среди них не было.

«Что произошло? Где Соколов? – размышлял он. – Неужели провал?»

Наконец он увидел капитана Степанова, который стоял около входа в здание вокзала. Олег Андреевич облегченно вздохнул и, расталкивая локтями людей, стоявших на перроне, направился в его сторону.

– Здравствуй, капитан, – поздоровался он с ним. – Где Соколов? Что случилось?

Степанов усмехнулся.

– Соколов в «штопоре» вот уже две недели. Я ему передал вашу просьбу, но, он был не в состоянии понять, то, что я ему передал. Мне кажется, что он сломался, и я бы не стал с ним встречаться.

– Не тебе мне давать подобные советы, – жестко и резко ответил Покровский. – Я сам решу этот вопрос, верить ему или нет.

Степанов, неожиданно для Олега Андреевича, крепко сжал ему руку.

– Погоди, майор. Ты здесь не один. Если твой Соколов попадет в руки контрразведки, запылаем мы все и ты, и я. А, я еще хочу немного пожить, потоптать своими ногами эту брэнную землю.

На лице Покровского, заходили словно жернова, желваки.

– Ты, что-то попутал, капитан. Здесь я отвечаю за операцию и не нужно тащить одеяло на себя. Ты понял, меня?

– Тогда и разбирайтесь сами с вашим Соколовым и его

людьми.

Они замолчали и, поделившись, испепеляющими друг с другом взглядами, вошли в здание вокзала. Покровский шел молча. Первым молчание не выдержал Покровский.

– Как Вера? Чем она занимается? – спросил Степанова Олег Андреевич.

– Сам спросишь, я ей не начальник. Ей больше давал распоряжения Соколов. Куда сейчас?

– Пока не знаю. Вот стараюсь понять, что у вас здесь происходит.

– Соколов, как я его понял, решил, что здесь в Челябинске он самый главный. Забрав у меня взрывчатку, он все сделал так, чтобы ни я, ни мои люди, не знали места закладки взрывчатки. Поэтому, где эти точки, я, просто, не знаю.

– Ну, а где его люди, ты знаешь?

– Он мне об этом никогда ничего не говорил.

Они снова замолчали. Выйдя из здания вокзала, они направились к легковушке, которая стояла напротив выхода.

– Отвези меня к Соколову, – произнес Покровский. – Хочу все увидеть и во всем разобраться сам.

– Хозяин – барин. К Соколову, так к Соколову.

Всю дорогу они не произнесли ни слова. Машина свернула с дороги и, лавируя между снежными кучами, медленно двинулась вдоль частных домов. Вскоре машина остановилась напротив небольшого старого дома.

– Вот здесь он живет, – произнес Степанов.

– Вызови его, – приказал он капитану. – хочу поговорить...

Степанов выбрался из машины и направился к дому. Он открыл калитку и подошел к двери. Олег Андреевич внимательно следил за ним, не выходя из машины. Неожиданно, он увидел тень мужчины, которая промелькнула около сарая.

– Назад! Там засада! – громко закричал он капитану.

Степанов выхватил из кобуры пистолет и выстрелил куда-то в темноту. Он бежал обратно к машине, стреляя в разные стороны. Он сходу забрался в салон легковушки и машина, подняв облако снежной пыли, помчалась по переулку.

***

Легковушка долго петляла по улицам города, прежде, чем водитель решился выехать в центр города. За все это время, в машине царила тишина. Никто из них не проронил ни слова.

– Что скажешь? – спросил Степанова Покровский.

– Что говорит? Все и так ясно – явка провалена. Допился, сволочь...

Олег Андреевич промолчал. Сейчас он лихорадочно анализировал ситуацию, стараясь выбрать те рациональные зерна, которые могли бы решить данную проблему.

– Как ты думаешь, что с Соколовым? – спросил он капитана.

– Не берусь судить. Еще час назад, вы не хотели меня слушать и решили сами разобраться с Соколовым. Теперь вы

спрашиваете у меня совет? Что я вам должен ответить?

Покровский был зол и на капитана, и на «сгоревшего» Соколова. Он не хотел верить в то, что ему рассказал о Соколове Степанов, но факты были намного сильнее его мнения и он, подавив в себе тайную неприязнь к капитану, вынужден был согласиться с ним.

– Как у тебя со связью? – поинтересовался он.

– А, где ваш радист? – поинтересовался у него Степанов.

Покровский промолчал. Он не хотел рассказывать ему о том, как «сгорел» его радист, помогая женщине.

– Немцы наверняка не поверят тому, что вы захотите им передать. Подчерк будет другим и это вызовет определенное недоверие.

Он мог этого и не говорить, так как Покровский уже понял, что остался без связи. Это чувство бессилия застало его врасплох.

– У тебя есть квартира, где я могу остановиться? – поинтересовался он у Степанова.

– Можете пока остановиться у меня. Места хватит....

Машина, вильнув на дороге, остановилась около небольшого дома. Они вышли из автомобиля и направились к крыльцу.

– Я хотел бы увидеть Веру, – произнес Покровский, переступая порог дома. – Она, наверняка, сможет объяснить, что здесь происходит.

– Хорошо, но это будет только завтра.

Они прошли в комнату. Олег Андреевич положил вещевой мешок на лавку.

– Что там?

– Рация, – ответил Покровский.

Степанов достал из еще не остывшей печки чугунок с картошкой, поставил на стол бутылку сводкой, соленые огурцы и предложил гостю присесть за стол. Когда они выпили, Покровский обратился к капитану:

– Что вы здесь не поделили с Соколовым? – спросил он его.

– Разные мы с ним. Взгляды у нас с ним разные. Когда я приехал сюда со своими людьми, он сразу же замкнулся. Он разбросал своих людей по точкам, чтобы я не знал не только их в лицо, но и их местонахождение. Если вы сейчас спросите меня, где они, я просто ничего не отвечу, так как не знаю. Это первое. Второе, Он забрал всю взрывчатку и стал самостоятельно закладывать ее. Где он ее закладывал, я сказать не могу. То ли он мне не верил, то ли им двигали какие-то свои цели. Поэтому, я больше не вижу необходимости моего пребывания в Челябинске. Я думаю, что в ближайшие три дня, моя группа покинет Челябинск и вернется обратно в Москву, беем более пребывание ее ограничено командировочными документами.

По лицу Покровского пробежала едва заметная тень. Решение капитана Степанова вернуться обратно в Москву, было столь неожиданным для него, что он растерялся, не зная

что ему предпринять, чтобы тот изменил свое решение.

– Вы не можете это сделать. Покинуть поле битвы, где решается судьба битвы, равносильно измене и дезертирству.

Степанов засмеялся над его словами.

– Только давайте, без этих пафосных слов: битва, отечество, дезертирство. Идет война и не столь важно, где и в каком месте мне уничтожать эту власть.

Капитан замолчал. Достав из кармана папиросы, он закурил и посмотрел на сосредоточенное лицо Покровского. Олег Андреевич, промолчал. Впервые в своей боевой карьере диверсанта, он понял, что находится в беспомощном состоянии.

***

Полковник Штельман посмотрел на перекидной календарь. Перекинув страницу, он увидел число, обведенное ярким красным карандашом.

«Вот он день истины, – подумал он. – Что он мне принесет, победу или поражение? Стоит ли оправдываться перед адмиралом? Наверное, не стоит, да и зачем ему все эти оправдания?»

Он нажал кнопку звонка и через мгновение в дверях появился дежурный офицер.

– Генрих! Что у нас с группой «Ульм»? – спросил его полковник.

– Покровский молчит, господин полковник.

«Странно, почему он молчит, ведь мне сообщил контролер, что он сам лично видел, как Покровский отбыл в Челябинск», – подумал Штельман.

– Что у нас с контролером? Он перешел линию фронта или нет?

– Пока нет никакой информации, господин полковник....

– Запросите агента «Звонаря», что там вообще происходит? Почему эфир пуст?

– Есть, господин полковник.

Офицер щелкнул каблуками сапог и, развернувшись, вышел из кабинета. Штельман остался один на один со своими мыслями. Он встал с кресла и подошел к окну. Отдернув в сторону штору, он посмотрел в окно. Там за окном его кабинета шла другая жизнь. Вдоль стены здания двигался часовой. Он, то останавливался на какой-то момент, то ускорял свои шаги.

«Интересно о чем он сейчас думает? О том, что до смены с поста осталось сорок минут? О том, что его ожидает в теплой караулке? Или может он думает о семье? Этот солдат вермахта даже не догадывается, что полковник Штельман в этот момент думает о своем агенте, который должен взорвать танковый завод в далеком русском тылу. И от этого выполнит ли он задание полковника или нет, зависит, будет ли жить Штельман или нет. Почему, он молчит? Провал? Но, не может же, быть уничтожена вся агентурная сеть, которую он так долго создавал в Москве».

Он обернулся, услышав скрип половицы около двери. Полковник резко обернулся. Около двери стоял по стойке смирно дежурный офицер.

– Что у тебя?

– Господин полковник! Только что получена радиограмма. Покровский сообщает о готовности.

По лицу полковника пробежала едва заметная улыбка. Пружина напряжения, которая была сжата в течение последних трех дней, расслабилась.

«Слава, Богу, – подумал он. – Бог услышал мои молитвы»

– Господин полковник! Подчерк радиста чужой, это не «Несун».

На лице полковника исчезла улыбка. Он вновь почувствовал себя неуютно в этом большом кабинете.

– Что это означает?

– Не могу знать, господин полковник.

Он жестом руки дол понять, что он больше не задерживает офицера. Когда за ним закрылась дверь, Штельман обессилено опустил в кресло.

«Что это все могло означать, – подумал он. – Провал группы или непредвиденный ими случай? Если радист работал под контролем, то почему нет определенного сигнала? Сколько вопросов и нет ни одного ответа».

Он в очередной раз нажал кнопку. В кабинет вошел Генрих.

– Запросите у Покровского, знакомо ли ему фамилия Ла-

зарев?

– Что это значит, господин полковник?

Штельман промолчал.

«Если он подтвердит, что ему знакома эта фамилия, значит это его сообщение. Если ответит, нет, то он в НКВД», – решил он.

Генрих развернулся и вышел из кабинета.

***

Покровский закрыл шифровальный блокнот и посмотрел на Степанова, который внимательно наблюдал за ним.

– Что? – коротко спросил он Олега Андреевича.

– Пока не отвечают. Радист другой...

Сидевший за рацией радист с какой-то обидой посмотрел на Покровского.

– Я передал все без сбоев и ошибок, – произнес он.

– Дело не в тексте, – ответил ему Степанов, – дело в под-
черке.

Прошло еще десять минут, рация по-прежнему молчала. Покровский закурил и стал нервно ходить по комнате из угла в угол, он явно нервничал. Прошло еще несколько минут и эфир наполнился пискom. Абвер дал ответ.

Олег Андреевич снова открыл шифровальный блокнот и начал записывать цифры, которые называл ему радист. Достав из полевой сумки маленький томик Пушкина, он отошел в сторону и стал расшифровывать полученное донесе-

ние. На его лице впервые за все это время появилось что-то наподобие улыбки. Степанов ждал, что ему скажет Покровский.

– Я так и знал, что Штельман найдет способ проверить меня, – произнес он. – Ведь то, о чем он меня спрашивает, не знает никто, кроме нас двоих.

– И что это?

– Не столь важно. Главное, я понял, что он хочет услышать от меня....

Взглянув на радиста, он коротко произнес:

– Передайте им всего четыре цифры, – произнес Покровский.

Вновь запищала рация. Закончив сеанс, радист снял наушники и посмотрел на Олега Андреевича.

– На сегодня все, – произнес он.

Радист, молча, стал упаковывать в мешок рацию.

– Что дальше? – спросил Покровского Степанов. – Неужели, все начинать сначала? Где взять столько взрывчатки? Да и людей у нас сегодня с вами, явно недостаточно?

Олег Андреевич улыбнулся.

– Знаешь капитан, нет безвыходных ситуаций. Есть лишь неприятные решения. Я хочу пройтись по всей цепочке Соколова, с момента появления его группы в Челябинске. Думаю, что в этом мне поможет Вера.

– А если она ничего вам сказать не сможет, что тогда?

– Тогда и будем решать, что делать дальше. Я попрошу

полковника Штельмана прислать мне в помощь еще одну группу.... Взрывчатку можно думаю найти и здесь. У тебя пока действующие документы, вот ты и погуляй по станции, капитан, может что-то и найдешь...

– Хорошо. У меня еще есть в запасе двое суток....

– Вот и договорились.... Передай Вере, что я ее жду в шесть часов вечера...

Степанов встал из-за стола и, взглянув на радиста, направился к двери.

– Пусть он останется, – тихо произнес Покровский.

– Как скажете, – ответил капитан. – Оставайся с майором...

Он вышел на улицу. Город словно погрузился в дремоту, ни людей, ни машин. Оглядевшись по сторонам, он поправил на голове шапку и направился вдоль улицы.

– Ну, как там? – спросил его нагнавший сотрудник НКВД.

– У меня все нормально. Как Соколов?

– Молчит пока... Это только пока...

– Вы там не перестарайтесь, он слишком много знает.

– Понял, товарищ капитан. Еще будут какие-либо указания?

– Да. Сообщи в Москву Крылову, что все идет по плану. Покровский по всей вероятности затребует поддержку, так что готовьтесь к приему гостей.

Сотрудник кивнул и незаметно растворился в темноте переулка. Степанов немного подумав, решил зайти к Вере. Он

свернул на улицу, и направился в сторону центра города.

***

Корнилова осторожно приоткрыла входную дверь квартиры, но увидев Воронцова, широко открыла дверь, пропуская его в прихожую.

– Как хорошо, что ты зашел ко мне, Костя. Я как раз только что подумала о тебе.

Воронцов снял с себя полушубок и крепко обнял девушку.

– Ты знаешь, я тоже шел к тебе, и все время вспоминал нашу первую встречу. Ты ее помнишь?

– Конечно. Мне иногда кажется, что я всю жизнь знала тебя...

Он поцеловал ее в губы.

– Костя! Чай будешь? Я только что заварила, правда, он морковный. Меня соседка сегодня угостила.

– Буду, – коротко ответил он и направился в туалет мыть руки.

Уже сидя за столом, Воронцов сообщил Вере о том, что в Челябинск прибыл Покровский, который хочет увидиться с ней.

– Костя! Зачем я ему понадобилась? Что он еще задумал?

– Не знаю. Вот завтра ты и узнаешь об этом. Это первое. Второе. В Москве начались аресты его агентуры. Я думаю, что он пока еще не знает этого.

– Это хорошо, – радостно произнесла она. – Ты бы знал, как я соскучилась по Москве, по ее улицам и скверам.

– Все будет хорошо, Вера. Нужно еще немного потерпеть. Ты просто молодец, благодаря тебе все диверсанты из группы Соколова арестованы. Теперь, у Покровского не осталось ни одного человека, и он вынужден будет опираться на меня и моих людей.

Она снова прижалась к нему, стараясь заглянуть в его глаза.

– Ты останешься ночевать?

– Да. Что не говори, ты же моя жена...

– Не знаю, кто я тебе. Расписаться мы с тобой пока не можем, а уж повенчаться, тем более.

Воронцов улыбнулся.

– Закончится война, и мы с тобой обязательно официально зарегистрируем свой брак, а пока, мы муж и жена лишь перед небом.

Он хотел сказать перед Богом, но сдержался. Сотрудникам НКВД было как-то не с руки упоминать имя Господа в своих разговорах. Воронцов проснулся рано утром. Вера еще спала, когда он оделся. Он подошел к ней и нежно поцеловал.

– Ты уже уходишь? – спросила Вера, открыв глаза.

– Да, мне пора. Не забудь, тебя ждет Покровский.

– Я помню, – произнесла она.

Воронцов вышел из дома и направился к черной легко-

вушке, которая ярко контрастировала с белым снегом, который выпал ночью.

– В НКВД. Я хочу поговорить с Соколовым.

Машина тронулась с места и медленно двинулась в сторону центра города. Легковушка остановилась во дворе дома. Воронцов вышел из автомобиля и дворами направился во внутреннюю тюрьму. Ударив кулаком по металлической двери, он стал ждать ответа.

– Что нужно? – раздалось из-за двери.

– Капитан НКВД Воронцов. Открой дверь....

Он хорошо слышал, как за дверью возился с замком конвоир. Наконец замок щелкнул, дверь приоткрылась, и в ней показалось заспанное лицо бойца.

– Предъявите документ, – потребовал он.

Константин вытащил из кармана удостоверение, открыв его протянул его конвоиру. Похоже, он был малограмотным и с трудом читал. Закончив читать, он открыл дверь и пропустил Воронцова внутрь помещения.

– Проведи меня в комнату для допросов, – приказал ему Константин.

В сопровождении конвоира они прошли длинным узким коридором и остановились около двери. Боец открыл дверь и пропустил в небольшую комнату Воронцова.

– Соколова приведи ко мне, – распорядился он.

Он сел и, достав из кармана папиросы, положил их на стол.

***

Соколов сидел на стуле и с ненавистью смотрел на Воронцова. На его лице видны были следы побоев.

– Что ты так на меня смотришь? – спросил его капитан.

Соколов не ответил, а лишь сплюнул на пол.

– Я пришел сюда, чтобы помочь тебе спасти твою жизнь, а ты смотришь на меня, как волк на овцу. Пока у тебя еще есть шанс спасти жизнь, неужели ты это не понимаешь?

– Не надо меня лечить, гражданин начальник, я не ребенок. Я знаю, что у меня нет будущего. Оно закончилось в тот момент, когда меня, а вернее остатки нашей роты попали в плен. Я много думал, почему все так получилось? Почему самая сильная армия буквально «сдулась» за первые месяцы войны? Почему, наши героические командиры оказались «мальчиками для битья»? А все потому, гражданин начальник, что вот такие командиры, как вы, оказались намного сильнее армейских командиров.

– Соколов! Ты о чем? Я тебе о возможности сохранить жизнь, а ты мне о политике. Кури, – произнес Воронцов и пододвинул ему пачку папирос.

Они закурили.

– Ты знаешь, Покровского мы взяли, взяли и всю твою группу, – как бы между прочим, произнес капитан. Поэтому, я тебя прошу, помоги нам найти заряды, которые ты заложил на территории танкостроительного завода.

– Знаешь, капитан, это будет посмертный мой салют. Сколько погибнет людей, я сказать не могу, но завод придется долго восстанавливать.

Соколов усмехнулся.

– Впрочем, я готов рассмотреть ваше предложение, но мне нужны гарантии, не твои, а твоих непосредственных начальников.

– Разве вам моих гарантий... – Воронцов не договорил, так Соколов, молча, встал с табурета и направился к двери.

Конвоир хотел его остановить, но капитан жестом руки, остановил его.

– Проводите арестованного в камеру, – приказал он конвоиру.

Когда за ними закрылась дверь, Воронцов встал из-за стола и нажал кнопку. В комнату вошел уже знакомый ему конвоир и встал по стойке смирно.

– Проводите меня, – произнес он и, надев шапку, направился вслед за бойцом.

Оказавшись на улице, капитан направился к ожидавшей его автомашине.

«Примет ли условия Соколова Москва или нет? – размышлял он. – Что я гадаю? Нужно срочно сообщить об этом майору Крылову, пусть он там и решает эту задачу».

Он сел в машину и, достав папиросы, закурил.

– Давай, брат, в комендатуру, – произнес Воронцов.

Водитель, молча, кивнул, и машина медленно тронулась

с места. Вскоре машина остановилась около здания, в котором размещалась военная комендатура города. Заметив капитана, часовой козырнул ему. Похоже, он хорошо знал Воронцова, так пропустил его в здание, не проверив у него документы.

– Комендант у себя? – спросил он часового.

Тот кивнул ему. Капитан прошел по коридору и остановился напротив двери, на которой, поблескивая в лучах электрической лампы, была прикреплена табличка, которой была выгравирована фамилия. Воронцов усмехнулся и толкнул дверь рукой. За большим столом сидел мужчина средних лет. Его тщательно выбритая голова буквально сверкала в свете электрической лампы. На петлицах его гимнастерки, на черных бархатных петлицах, удобно разместились две шпалы.

– Здравствуй, Семен Иванович, – поздоровался он с ним. – Кто это тебе так угодил с табличкой?

– Мир не без добрых людей, товарищ Воронцов...

Он протянул руку подполковнику.

– С чем пожаловал? – поинтересовался у него комендант.

– Выйди, Семен Иванович, мне нужно срочно позвонить в Москву.

Подполковник поднялся из-за стола и, взглянув с неким укором на капитана, вышел из кабинета. Около месяца тому назад к нему заехал местный начальник НКВД майор Горохов и предупредил его о том, что к нему будет заходить ка-

питан из Москвы, чтобы докладывать в столицу о результатах работы.

– Кто этот капитан? – поинтересовался у него комендант.

Майор Горохов пристально посмотрел на него. По одному его взгляду было понятно, что здесь вопросы не уместны. Капитан говорил не долго. Поблагодарив подполковника, он направился к выходу из комендатуры.

***

Покровский устало опустился на стул, когда за Верой закрылась дверь. В какой-то момент Олег Андреевич готов был махнуть на все: на немцев, на всю эту борьбу, которую он вел с большевиками и просто уехать в какую-нибудь глушь, где его бы никто не знал и никогда не нашел. Чувство отчаяния охватило его. Все, ради чего он жил, рухнуло за секунду.

«Как же так, – размышлял он, – как я мог довериться этому человеку? Почему Соколов погубил всю группу и все его надежды на триумфальное возвращение в Германию. Где взять взрывчатку? У кого узнать места закладки взрывчатки? А, может, их и нет? Может, это все игра Соколова?»

В дверь кто-то постучал. Покровский вышел в другую комнату и, отодвинув в сторону занавеску, посмотрел на улицу. Около двери, переминаясь с ноги на ногу, стоял капитан. Олег Андреевич вышел в сени и открыл ему дверь. Степанов вошел в сени и взяв в руки веник, смел снег с валенок.

– У тебя есть что-то новое о Соколове? – поинтересовался Покровский у него.

– Сгорел ваш Соколов. Сгорел без шума и дыма. Рвать нужно отсюда, пока он нас всех не запалил. О том, что вы прибыли в город, он знает. Кроме вас ,он хорошо знает и меня и Веру. Чую, что он затрещит по швам и тогда нам всем конец.

Олег Андреевич задумался.

– Не гони пургу, капитан. Если бы он хотел нас сдать, то давно бы мы с вами сидели бы в «кутузке» НКВД.

– Надо что-то делать, – произнес капитан. – Я забираю всех своих людей и уезжаю в Москву. В столице легче затеряться....

Покровский хорошо понимал состояние этого человека, но вот так все бросить, и бежать из города было не в его стиле.

– Где твой радист? – спросил он Степанова.

– В машине....

– Зови его сюда.

Степанов вышел из дома и вскоре вернулся в сопровождении радиста. Олег Андреевич посмотрел на часы.

– Готовь рацию, – приказал он радисту.

Капитан удивленно посмотрел на него. Покровский, поймав его взгляд, ободряюще подмигнул ему.

– Через час, резервное время для выхода в эфир. Буду просить полковника, чтобы направил сюда дополнительную

группу с запасом взрывчатки.

– Вы считаете, что немцы пошлют людей? Я бы не поверил этому запросу....

– Слава, Богу, что не вы принимаете подобные решения.

Покровский ушел в другую комнату и принялся шифровать радиограмму. Минут через двадцать он вернулся и положил перед радистом листочек, на котором было написано несколько колонок цифр. Он сел за стол напротив капитана и, достав из кармана галифе папиросы, положил их на стол.

– Сколько сейчас у тебя людей? – спросил Степанов Покровский.

– Со мной двенадцать...

– То есть, целое отделение. Ты знаешь, капитан, я думаю, что мы на последок можем громко хлопнуть дверью.

– Что вы имеете в виду?

– Я предлагаю вам и вашим людям атаковать местный отдел НКВД и освободить Соколова.

Степанов улыбнулся.

– Это же безумие. Да они нас перестреляют там, как куропаток.

Покровский с интересом посмотрел на капитана, как будто видел его впервые.

– А как ты хотел бороться с властью? Думал, что будешь ее валить в белых перчатках? Нет, брат, на войне, как на войне....

В комнате повисла пауза, лишь за стенкой. Чуть слышно

возился радист, раскидывая антенну.

– А, если нам не удастся освободить Сокола?

– Все может быть, но рискнуть стоит. Ты, пойми, что другого выхода у нас просто нет. Только он один сможет сделать то, ради чего все мы тут собрались.

В комнату вошел радист, и они замолчали.

***

Лоб радиста покрылся мелкими капельками пота, а рука все продолжала записывать серии цифр, которые передавал немецкий разведывательный центр. Наконец рация, словно устав от работы, замолчала. Радист снял наушники и протянул лист бумаги Покровскому, который вышел в соседнюю комнату. Капитан раздавил докуренную папиросу о дно консервной банки и, взглянув на радиста, поднялся из-за стола. Через минуту в комнату вошел Покровский.

– Полковник Штельман санкционировал нашу акцию. На помощь нам завтра ночью прибудет дополнительная группа, которая выдвинулась два дня назад. Их семь человек, следовательно, нас с ними будет двадцать человек. Что ни говори, а это уже сила....

– Какая это сила...., – возразил ему Степанов.

– Струсил?

Капитан промолчал. Немного подумав, он задал вопрос Покровскому:

– Кто встретит эту группу?

– Встретишь ее ты, – ответил Олег Андреевич. – Подготовь место для ее размещения. Тянуть с акцией не будем.

– Все понял. Как я их узнаю?

– Старший у них будет в звании старшего лейтенанта. Пароль, – Покровский посмотрел на Степанова и продолжил, – Ульм 43. Ответ – Челябинск. Поезд у них Москва-Свердловск.

– Все понял. Я поехал, нужно будет поискать место, где их разместить.

Олег Андреевич, молча, кивнул. Оставшись один, Покровский, достал из полевой сумки газету и, разложив ее на столе, достал из кобуры пистолет «ТТ». Разобрав его, он начал тщательно его чистить.

«Надеяться на Степанова не стоит, как только прибудет группа его необходимо ликвидировать. Он становится опасным, – решил он. – Необходимо освободить Соколова. Пусть я положу всю группу, но должен освободить его».

За чисткой оружия, Покровский совсем забыл, что в доме остался радист. Он это понял, когда тот навалился на него и ловким приемом скрутил ему руку.

– Сука! – прохрипел Олег Андреевич, стараясь освободиться из цепкого захвата.

Однако, каждое его движение приносило ему сильную боль. Покровский услышал, как хлопнула входная дверь и в комнату, буквально влетели несколько сотрудников НКВД.

– Встать! Вы арестованы! – произнес до боли знакомый

ему голос.

Его подняли за руки и усадили на стул. Перед ним стоял капитан Степанов.

– Вот и отбегался, гражданин Покровский... Не смотри на меня так, переиграли мы тебя.

Он попытался ухватить зубами уголок воротника гимнастерки, в которой была вшита ампула с цианистым калием. Это движение вызвало улыбку у капитана.

– Напрасно, Покровский. Ампулу я вытащил еще в первый день твоего прибытия в Челябинск. Помнишь, ты ушел в ту комнату, чтобы расшифровать сообщения, ну а я в это время ее и вынул.

Олег Андреевич заскрипел зубами.

– Я скажу вам, что вы находились в разработке НКВД давно, и мы вас просто вели все время. Перед войной вы нам помогли выявить агентурную сеть в Москве, а сейчас и в Челябинске. Все ваши люди арестованы, а завтра будет ликвидирована и вспомогательная группа диверсантов. Так что провалилась ваша операция «Ульм».

Покровский, молча, слушал, что ему сейчас говорил капитан Воронцов.

– А Корнилова?

– Она сотрудник НКВД. У вас еще есть вопросы?

Покровский покачал головой, давая понять, что вопросов у него больше нет. Конвой вывел Олега Андреевича во двор дома, около которого стоял «воронок».

«Вот и все, – подумал Воронцов. – Теперь можно возвращаться и в Москву».

***

Полковник Штельман сидел за столом и смотрел на телефон. Он снова поднял трубку и набрал номер.

– Слушаю вас, – произнес знакомый ему голос.

Он принадлежал референту адмирала Канариса.

– Соедините меня с адмиралом, – обратился он к нему. – Мне нужно срочно с ним поговорить.

На том конце провода произошло какое-то непонятное ему замешательство. Однако, это продолжалось лишь несколько секунд.

– Господин адмирал попросил вас больше его не тревожить.

– Но, мне просто необходимо с ним переговорить!

– Извините, господин полковник, но ничем вам помочь не могу. Он сказал, что для вас его просто нет.

Штельман положил трубку на рычаг телефона.

«Это конец! – подумал он. – Что делать? Ждать, когда за мной пребудет наряд гестапо или решиться...».

Он пододвинул к себе лист бумаги и, взяв руки ручку, начал писать. Рука его мелко дрожала, и буквы получались какими-то корявыми: они налезали друг на друга, жались, словно боялись чего-то. Рука его на какой-то миг замерла. Он положил ручку на край чернильницы. Какой-то комок

подкатил к его горлу. Ему стало трудно дышать....

Полковник медленно поднялся из-за стола и подошел к буфету. Открыв створку, он взял в руки бутылку коньяка. Найдя глазами хрустальный стакан, он наполнил его до краев коньяком. Он залпом выпил и, не закусывая, снова сел за стол. Смяв исписанный лист рукой, он швырнул его в урну. Немного подумав, он открыл ящик стола и достал «Вальтер».

«Полковнику Штельману. За безупречную службу во славу Рейха. Гитлер», – прочитал он.

Передернув затвор, он посмотрел на фотографию жены и детей, которая стояла у него на столе. Выстрел прозвучал как-то глухо. В кабинет заглянул дежурный офицер и, прикрыв дверь, стал звонить в Берлин.